

**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Институт государственной службы и управления
Кафедра национальных и федеративных отношений**

На правах рукописи

КУРБАНОВА Альбина Мурадовна

**Проблемы урегулирования религиозно-политического конфликта
в информационном поле региона
(на материалах Республики Дагестан 1991-2015 гг.)**

Специальность 5.5.2

Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук
ЛАНДА Камиль Газимагомедович

Москва – 2024

Содержание:

Введение.....	3
ГЛАВА 1. Теоретические основы изучения религиозно-политических конфликтов.....	26
1.1. Теоретические подходы к исследованию религиозно-политических конфликтов.....	26
1.2. Особенности зарождения конфликтного потенциала в религиозном поле постсоветского Дагестана.....	40
ГЛАВА 2. Специфика развития религиозно-политического конфликта в информационном поле Дагестана.....	50
2.1. Трансформация информационного пространства Дагестана под влиянием религиозно-политических процессов в постсоветский период.....	50
2.2. Оформление линий информационно-идеологического противостояния сторон религиозно-политического конфликта в постсоветском Дагестане.....	61
2.3. Информационное противоборство сторон религиозно-политического конфликта.....	77
2.4. Переход религиозно-политического конфликта в фазу асимметричного противоборства.....	102
ГЛАВА 3. Модели урегулирования религиозно-политического конфликта в информационном поле Дагестана.....	118
3.1. Проблемы трансформации конфликтной ситуации в постсоветском Дагестане.....	118
3.2. Выработка моделей урегулирования религиозно-политического конфликта в информационном поле Дагестана.....	141
3.3. Идеологические основы формирования национальной и конфессиональной политики России.....	170
Заключение.....	184
Список использованной литературы.....	189

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Первые десятилетия после краха Советского Союза вошли в историю народов Северного Кавказа как период стремительной трансформации советской общественно-политической реальности, в которой прежние семьдесят лет шло развитие народов региона, в новую российскую общественно-политическую реальность. Эхо тех событий отдается на всем постсоветском пространстве и сегодня – через тяжелую Специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины, две войны в Карабахе, вооруженные конфликты в Абхазии, Южной Осетии, Донбассе и Средней Азии, две войны на территории Чеченской Республики и регулярные спецоперации в республиках Северного Кавказа, через периодическое обострение ситуации вокруг замороженных конфликтов по всему постсоветскому пространству.

Настоящей кульминацией всех накапливавшихся проблем и вызовов после краха СССР и стремления зарубежных стран по ослаблению суверенитета Российской Федерации стало консолидированное политическое, экономическое, информационное, идеологическое и санкционное давление стран западного мира на Россию. Именно в таких терминах упоминал о ней во время своего обращения к российской нации в 2023 г. президент РФ В.В.Путин.¹ Президент Казахстана К-Ж.К.Токаев, дипломат с большим стажем международной работы, очень метко назвал ее, как «геополитический шторм».²

Вполне ожидаемо все эти события последних 30 лет очень болезненно отразились на Северном Кавказе. Бурная активизация исламских религиозных движений, возникновение и эскалация конфликтов между

---

¹ Обращение президента к нации в связи с ситуацией на Украине // <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-gossii> (Дата обращения 09.05.2024)

² Токаев: на планете разразился разрушительный геополитический шторм // <https://ru.sputnik.kz/20220316/tokaev-na-planete-razrazilysya-razrushitelnyy-geopoliticheskiy-shtorm-23553410.html> (Дата обращения 09.05.2024)

конкурирующими мусульманскими общинами, радикализация части мусульманской молодежи, появление в регионе большого числа экстремистских и террористических группировок, убийства духовных и политических лидеров, крупномасштабные военные операции и появление практики использования смертников в терактах – все эти явления и процессы с распадом СССР кардинально изменили общественное сознание, идеологическое, информационное и политическое поле кавказских республик.

Исследуемый в данной работе религиозно-политический конфликт в период 1990-2015 гг. стремительно эволюционировал от богословских дискуссий между разными общинами дагестанских верующих до расползания диверсионно-террористической активности боевиков по всем республикам Северного Кавказа, а также последующему массовому вступлению боевиков Дагестана и других республик региона в ряды международных террористических организаций, создавших для безопасности России угрозы совершенно нового порядка.

Все эти бурные и трагические события еще недостаточно осмыслены с научной точки зрения, не выявлены до конца причины их резкого всплеска, не систематизированы факторы их эскалации. Современная отечественная наука еще не дала в полной мере своих рекомендаций по тому, какие модели и подходы разрешения и нейтрализации зарождающегося противостояния наиболее эффективны для предотвращения эскалации насилия в будущем в регионах нашей страны.

Эти факторы в проблематике данного исследования касаются уникального положения Дагестана не только на карте Кавказа, но и всей остальной России. Стоит перечислить ряд ключевых факторов, влияющих на ситуацию не только в самой республике, но и во всем северокавказском регионе:

- особое геополитическое положение Дагестана,
- многонациональность Дагестана,

- религиозно-конфессиональная сложность Дагестана.

При всех данных факторах не стоит забывать и уникальное положение Дагестана в культурно-идеологическом плане. Практически во всех исследовательских работах отмечается, что данная республика находится на перекрестке мировых цивилизаций, мира восточного и мира западного, мира мусульманского и мира христианского, общества традиционного и общества современного.

Исторически сложилось так, что из-за своего положения Дагестан и его народы веками подвергались влиянию ведущих держав Закавказья, Ближнего Востока и многочисленных кочевников евразийских степей. Последние же полторы сотни лет народы Дагестана находятся в ареале влияния русской культуры и российского государства.

Все это еще более усложнило культурно-идеологический расклад в общественном поле Дагестана, создав уникальную мозаичную социально-политическую культуру народов Дагестана с невероятно сложной спецификой.

Данная ситуация очень удобна для сил, заинтересованных в ослаблении суверенитета, подрыве территориальной целостности России и единства культурного, политического и правового поля российского общества.³ В связи с этим и Дагестан, и остальные республики региона, в очередной раз на протяжении длительной истории становятся полем идеологического и политического противоборства великих мировых и региональных держав.

В многочисленных исследованиях кавказоведов, исламоведов, конфликтологов, политологов и социологов анализировалось стремительное превращение в короткий постсоветский период Дагестана и, практически, всего Северного Кавказа, в арену борьбы за контроль над общественным сознанием живущих здесь народов. В массовое сознание начали внедряться

---

³ Путин назвал ликвидацию целостности России главной целью Запада // <https://ctv.by/novosti-rossii/putin-nazval-likvidaciyu-celostnosti-rossii-glavnoy-celyu-zapada> (Дата обращения 09.05.2024)

идеи национализма, религиозного радикализма, вооруженного противоборства с российской государственностью и даже терроризма.

Стремительное распространение и укрепление в Дагестане новых исламских направлений и практик после краха СССР привело к появлению в республике соответствующих политических сил в лице многочисленных мусульманских общин. Подобная ситуация не могла не спровоцировать в республике глубокий религиозно-политический раскол и конфликт между сторонниками различных идеологических позиций – светских, государственных, радикально религиозных и откровенно экстремистских.

Все эти процессы развивались в Дагестане на фоне резкого открытия постсоветской России мировому сообществу, развивающемуся уже по законам информационной эпохи, что привело к еще большему обострению конфликта.

Именно выход религиозно-политического конфликта в Дагестане в широкое информационное пространство к концу 1990-х гг. привел к вмешательству в него большего количества сторон и способствовал его интернационализации. Это коренным образом изменило соотношение сил в конфликте, поскольку противники светской модели общественно-политической жизни и самой российской государственности получили невиданные до этого возможности ведения пропагандистской и вербовочной работы, привлечения новых сторонников, ведения крупномасштабных информационных атак для достижения своих целей. Как раз именно данный аспект изучаемого конфликта менее всего исследован в трудах ученых, в связи с чем в рамках данной работы автору приходилось зачастую восполнять данный пробел научного анализа.

При этом в последнее время много исследователей обращает свое внимание на то, что информационная цивилизация, к которой переходит человечество, сделала информацию своим базовым параметром. Информация превратилась в глобальный, в принципе неистощимый, ресурс человечества,

вступившего в новую эпоху развития цивилизации - эпоху интенсивного освоения этого информационного ресурса и расширения возможностей воздействия на ход развития общественных процессов.

Информационное пространство растет, расширяется, подчиняет себе одну за другой сферы человеческой жизнедеятельности, постепенно сокращая долю других факторов – временных, материальных, человеческих – в процессах принятия и реализации решений.

Эти явления в условиях поликультурных, полиэтничных, поликонфессиональных регионов, еще не завершивших процесс становления своей новой идентичности или находящихся в состоянии неразрешенных конфликтов, в состоянии демократического транзита, приобретают причудливые, порой опасные для общества формы.

Именно в этой плоскости лежало широкое использование новых информационных ресурсов представителями диверсионно-террористического подполья в Дагестане и других республиках Северного Кавказа.

Они освоили современные информационные технологии и каналы становятся мощным оружием по вербовке новых сторонников, дальнейшей эскалации религиозно-политического противостояния, а также по подрыву основ российской государственности, межнационального согласия и межрелигиозного и межконфессионального мира в стране.

В этом заключается проблема эффективности управления социальными и политическими процессами в условиях модернизирующегося российского общества, в огромной степени зависящего от эффективности и грамотности организации информационных потоков и процессов, особенно в условиях такого полиэтничного и сложного в религиозно-конфессиональном отношении региона, как Северный Кавказ.

Ситуацию в еще большей степени усложнило фактическое самоустранение от участия в урегулировании конфликта структур дагестанского гражданского общества – национальных и религиозных общин

и организаций, общественных движений, профессиональных и земляческих ассоциаций, национальных СМИ, которые могли бы внести существенный вклад, если не в разрешение конфликта, то хотя бы в значительное снижение его остроты.

Выявление причин такого положения еще требует своего исследования. Но для исследователей должен быть важен тот факт, что в Дагестане, где исторически межобщинное, межнациональное и межрелигиозное взаимодействие веками держалось на крепких традициях народной дипломатии и механизме примирения, именно в религиозно-политическом конфликте конца 1990-х – начала 2000-х гг. данный фактор не сыграл значимой роли.

В данной ситуации вопрос повышения роли и ответственности институтов гражданского общества в разрешении и урегулировании религиозно-политических конфликтов, и преодолении их разрушительных для российского общества последствий становится одной из наиболее актуальных проблем укрепления российского гражданского общества и российской гражданской идентичности.

Таким образом, тот факт, что эти процессы, их причины и влияние на принятие и реализацию решений органами государственной власти федерального и регионального уровней, деятельность институтов гражданского общества, в сфере религиозно-политических противоречий и конфликтов (особенно в сложносоставных в этническом и религиозно-конфессиональном отношениях регионах), еще мало изучены, осмыслены и отражены в научной литературе, и обуславливают актуальность темы настоящего исследования.

Степень разработанности проблемы

Данная работа охватывает собой несколько проблемных полей – изучения логики развития религиозно-политического конфликта, его отражения в информационном поле Дагестана и возможностей участия в его

урегулировании гражданских акторов. Оттого для достижения целей исследования автору пришлось провести анализ большого количества научных работ, в которых все проблемы и вопросы изучались ранее.

Так, причины, предпосылки зарождения, динамику развития и последствия религиозно-политических конфликтов в Дагестане, изучались такими исследователями, как А.Р.Шихсаидов, З.С.Арухов, А.В.Малашенко, В.О.Бобровников, Э.Ф.Кисриев, К.М.Ханбабаев, Д.В.Макаров, А.А.Ярлыкапов, И.П.Добаев, Р.Г.Гаджиев, Х.Т.Курбанов и др.⁴

Проблемы становления информационного общества, трансформации современного общества под влиянием стремительно развивающихся информационных процессов исследовались в трудах Р.Ф.Абдеева, О.Тоффлера, А.Чудинова, Н.Винера, С.Г.Кара-Мурзы, Д.Белла, М.Кастельса, Ф.Уэбстера, С.М.Виноградовой, Н.А.Войтовича, М.А.Вус, И.С.Мелюхина, М.Н.Грачева, Е.Л.Вартановой, Н.В.Ткачевой, Э.Д.Дагбаева, А.И.Волкова, М.Г.Пугачевой, Е.П.Прохорова, Я.Н.Засурского⁵.

---

⁴ Шихсаидов А.Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999; Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. Махачкала, 1999; Арухов З.С. Чеченский конфликт и киберпространство // Современное положение Чечни. ЦСРИП ИППК при РГУ. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. №4; Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001; Ланда К. Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009; Бобровников В.О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2; Кисриев Э.Ф. Ислам и политика в Дагестане. М., 2004; Ханбабаев К. М. Исламская тематика в светских и исламских СМИ Дагестана // Собрание трудов «Южнороссийское обозрение». Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 19; Ханбабаев К.М. «Шариатизация» постсоветского Дагестана: мифы и реальность // Ислам и право в России. Вып. 1. М., 2004; Ханбабаев К.М. Религиозное образование в Дагестане // Проблемы поликонфессионального образования в Дагестане. Махачкала, 2002; Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000; Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 134. М., 2000; Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов-на-Дону, 2005; Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала, 2002; Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Дону, 2006

⁵ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994; Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. 1992. №2; Чудинов А. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. - М., 2006; Винер Н. Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. СПб, 2001; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002; Волков А.И., Пугачева М.Г. Пресса в обществе. Оценки журналистов и социологов. Документы. - М., 2000; Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Запад / под ред. П.С.Гуревича, М., 1988; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Уэбстер Ф., Теории информационного общества. М., 2004; Виноградова С.М., Войтович Н.А., Вус М.А. и др. Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность. СПб, 1999; Прохоров Е.П. Журналистика и демократия: - М., 2001; Засурский Я.Н. Журналистика и общество: балансируя между государством и общественной сферой // Средства массовой информации постсоветской России. - М., 2002

Вопросы формирования информационной политики государства, а также отдельных регионов были ранее изучены в трудах таких авторов, как А.В.Манойло, А.В.Шевченко, Н.Ф.Пономарев, Е.П.Тавокин, В.Д.Попов, В.В.Воробьев, К.В.Маркелов, С.Г.Маслюк, Т.П.Сухомлинова, Л.С.Астахова, Р.С.Хакимов, Р.В.Нуруллина.⁶

Проблемы формирования и динамики развития на уровне отдельного региона структур современного гражданского общества как фактора, обладающего значительным стабилизирующим потенциалом в ситуации эскалации конфликтов подробно разбираются в трудах таких авторов, как С.Н.Чирун, С.С.Сулакшин, В.Э.Багдасарян, М.В.Вилисов, Ю.А.Зачесова, Н.К.Пак, О.А.Середкина, Ю.Е.Мешков, В.Э.Смирнов, С.И.Глушкова, А.С.Батанов, П.М.Козырева, А.И.Смирнов.⁷

Возможности урегулирования конфликтных ситуаций через механизмы народной дипломатии и примирения конфликтующих сторон исследованы в

---

⁶ Манойло А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. М., 2003; Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003; Манойло А.В. Современные интерпретации термина «информационная война». ШПИ. Алтай, 2012 // <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1550> (Дата обращения 09.05.2024); Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. М., 2004; Пономарев Н.Ф. Информационная политика органа власти: пропаганда, антипропаганда, контрпропаганда. Пермь, 2007; Тавокин Е.П. Государственная информационная политика: проблемы и технологии. М., 2003; Попов В.Д. Тайны информационной политики: социальный психоанализ информационных процессов, политика. М., 2005; Воробьев В.В. Менеджмент в социальной информатологии. М., 2005; Маркелов К.В. Информационно-аналитическая деятельность на государственной службе. М., 2004; Маркелов К.В. Информационная политика и общественный идеал. М., 2005; Маслюк С.Г. Идеология и практика информационной политики в современном российском обществе. М., 2004; Сухомлинова Т.П. Государственная информационная политика как составляющая модернизации государственной службы // Социология власти. 2004, № 5; Астахова Л.С., Бухараев Я.В. Этноконфессиональное согласие в Республике Татарстан: история формирования и методические рекомендации по совершенствованию мер, направленных на поддержание этноконфессионального мира и минимизацию этноконфессиональных конфликтов / Ред.: Золотухин В.В., Костылев П.Н. М.: «Здоровое поколение», 2018; Хакимов Р.С. Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. 2016; Нуруллина Р. В. Становление конфессиональной идентичности мусульманской молодежи (на материале Республики Татарстан). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.06. На правах рукописи. Казань, 2010

⁷ Чирун С. Н. Гражданское общество российской периферии. М., 2014; Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Вилисов М. В., Зачесова Ю. А., Пак Н. К., Середкина О. А., Мешков Ю. Е. Проблемы государственной политики регионального развития России. М., 2008; Смирнов В.Э. Гражданственность и гражданское общество. Самоорганизация и социальный порядок. Минск, 2013; Глушкова С.И. Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М., 2008; Батанов А.С. Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастных факторов ускорения социально-экономического развития России. М., 2005; Козырева П. М., Смирнов А.И. Лабиринты развития демократии в России. М., 2007; Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия. М., 2005

трудах Р.Г.Абдулатипова, М.Г.Алиева, А.К.Алиева, Г.И.Юсуповой, Т.Г.Саидова, Ш.А.Мирзоева, Н.Ш.Чечуева и других.⁸

При этом стоит отметить, что значительная часть дагестанских авторов при изучении процессов в религиозно-политической сфере чаще всего анализирует количественные показатели роста религиозности или распространения секулярных идеологий, а также анализирует каналы и степень влияния на кавказских мусульман зарубежных сил. В то время, как в их трудах сохраняется явная недостаточность попыток исследования того, как религиозно-политические процессы и конфликты отражаются в информационной сфере, а также того, как этими процессами можно управлять.

С другой стороны, в трудах российских и зарубежных авторов по структурам идеологических расколов общества, по динамике развития религиозно-политических конфликтов практически полностью отсутствует учет специфики постсоветского дагестанского общества, а также анализ того, как именно оно фрагментировалось по собственным линиям раскола и заходило в тупик затяжного религиозно-политического конфликта.

По этим причинам, при достаточном количестве по упомянутым проблемным полям в отдельности, все же наблюдается явная нехватка исследований, изучающих причины и динамику религиозно-политического конфликта во всей его полноте и сложности, в специфике его преломления в информационной сфере, с параллельным анализом проблем выстраивания

---

⁸ Абдулатипов Р.Г. Основы национальных и федеративных отношений. М., 2001; Абдулатипов Р.Г. "О национальном самочувствии народов России. М., 2000; Абдулатипов Р.Г. "Национальный вопрос и государственное обустройство России. М., 2000; Абдулатипов Р.Г. Обустройство народов: российская модель. М., 1999; Алиев М.Г. Республика Дагестан: приоритеты современной национальной политики. Махачкала, 1996; Алиев М.Г. Единство и целостность Республики Дагестан как конституционный принцип. Махачкала, 1998; Алиев М.Г. В поисках согласия. Махачкала, 2002; Алиев А.К. Социальные и межнациональные конфликты: причины и пути их разрешения. Махачкала, 1998; Алиев А.К. Межнациональное согласие как фактор стабильности в условиях многонационального Дагестана. Махачкала, 1998; Алиев А.К. Современные проблемы этнополитического развития на Северном Кавказе. Махачкала, 2003; Юсупова Г.И. Глобализация и этнополитическая безопасность юга России. М., 2009; Мирзоев Ш.А., Саидов Т.Г. Культура и традиции народов Дагестана. Махачкала, 1994; Саидов Т.Г. Культура и традиции народов Дагестана. Становление мужчины. М., 1998; Чечуев Н.Ш. Народная дипломатия как средство разрешения социальных конфликтов. М., 2006; Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Под ред. Ж. Крикорова, Ж. Мельникова, А.Недолян, Г.Тер-Габриелян. Ереван, 2001

эффективной общественной и информационной стратегии гражданских структур в условиях нарастающего идеологического, политического и вооруженного противостояния постсоветской России и стран западного блока.

С учетом всего этого становится ясным, что комплексное изучение причин, динамики и сложностей религиозно-политического конфликта в Дагестане, специфики его отражения в информационном поле региона и всей страны, проблем формирования устойчивой стратегии активизации гражданских структур республики, идеологической консолидации расколотого общества приобретает дополнительную актуальность и выявляет степень научной новизны данного исследования.

Источниковая база исследования

В данной работе было использовано большое количество источников и исследований на русском, арабском и английском языках для глубокого понимания и подробного анализа возникновения и развития религиозно-политического противостояния в обществе возрождающейся активности мусульманских общин, а также сопровождающего этот процесс информационно-идеологического противостояния.

Теоретико-методологические аспекты проблемы были проанализированы автором опираясь на работы В.И.Коваленко, А.-Х.А.Султыгова, К.Г.Ланда, В.А.Гуторова, В.А.Ачкасова, С.А.Бабаева, К.С.Гаджиева, Л.А.Козера, С.Э.Крапивенского, С.А.Панарина, М.Ю.Зеленкова, Д.Ф.Салаховой, И.Г.Каргиной и др.⁹

---

⁹ Современная российская политика. Учебное пособие под общей ред. В.И.Коваленко. М., 2013; Коваленко В.И. Политические идеологии: история и современность // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. – 1997; Султыгов, А.-Х.А. Этнополитический конфликт: определение, причины, динамика // Вестник МУ. Серия 12. Политические науки. – 2004; Султыгов, А.-Х.А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях: сравнительный анализ. М., 2005; Ланда К. Г. Каспийская модель регионального сотрудничества: Монография. – Москва: Изд-во РАГС, 2008; Гуторов В.А. Идет ли посткоммунистическая Россия к гражданскому обществу? // Практическая философия и гражданское общество в России: Сб. статей / под ред. В.Г. Марахова. СПб., 2004; Политология. Учебник для вузов / Под ред. В.А. Ачкасова и В.А. Гуторова. М., 2004; Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000; Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001; Козер Л.А. Основы конфликтологии. СПб, 2001, Козер Л.А. Функции

Теоретические выкладки относительно логики развития конфликтов в политической и религиозной сферах автор черпала в работах таких зарубежных и российских авторов, как П.Бергер, М.Вебер, Э.Дюркгейм, Г.Зиммель, С.Хантингтон, В.А.Тишков, Л.М.Дробижева, Е.А.Куштаккина, И.А.Громов, Ю.Ф.Борунков, В.И.Гараджа, Л.А.Баширов, Ю.П.Зуев, М.П.Мчедлов, Л.Н.Митрохин, А.А.Нуруллаев, А.Ю.Мацкевич, Н.В.Гришина, А.В.Малашенко, М.Ю.Зеленков, В.И.Новосельцев, Б.В.Тарасов, Е.О.Беликова, О.Ю.Бреская, Т.С.Пронина и др.¹⁰

В данной диссертации автор опиралась на труды большого количества исследователей, изучавших причины и последствия религиозно-политических конфликтов, проблемы становления информационного общества, формирования информационной политики государства, проблемы

социального конфликта. М., 2000; Крапивенский С.Э. Социальная философия. Волгоград, 1995; Панарин С.А. Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе. // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб., 2001; Каргина И. Г. Новые религиозности: социологические рефлексии / И. Г. Каргина // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №2 (23); Зеленков М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI в. (политико-правовой аспект) / М. Ю. Зеленков. – Воронеж: ВГУ, 2007; Салахова Д.Ф. Этно-религиозная идентичность в поликонфессиональном регионе. Казань, 2021

¹⁰ Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М., 1991; Зиммель Г. Избранное. М., 1996; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? II ПОЛИС: Полит, исслед. -1994. - № 1; Тишков В.А. О природе этнополитического конфликта //Свободная мысль.1993. №4; Тишков В. А. Конфликт в сложных обществах. Этнополитический конфликт: пути трансформации. М., 2007; Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб., 2004; Султыгов А.-Х.А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях. М.,2005; Дробижева Л. М. Этнические конфликты // Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Полис. №2; Куштаккина Е.А. Этнополитические отношения и конфликты: теория и практика М., 2010; Громов И.А., Мацкевич А.Ю. Западная теоретическая социология. Теория конфликта. М., 1996; Борунков Ю.Ф. Структура религиозного сознания. М., 1971; Гараджа В.И. Религиоведение: Учеб. пособие для вузов. М., 1995; Баширов Л.А. Ислам и этнополитические процессы в современной России. М., 2000; Зуев Ю.П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность в современной России // Религия и политика. М. 1998; Мчедлов М.П. Этнонациональное и религиозное сознание: проблемы взаимосвязи // Обновление России: трудный поиск решений. М., 1997; Митрохин Л.Н. Религия и культура (социально-философские очерки) / РАН. Ин-т истории. М., 2000; Нуруллаев А.А. Религия: влияние на интеграционные и дезинтеграционные процессы в российском обществе // Религия, национальное согласие и возрождение России. М., 1993; Нуруллаев А.А. Религиозный фактор в межнациональных отношениях // Возрождение культуры России: диалог культур и национальные отношения. СПб. 1996; Гришина Н.В. Психология конфликта. М., 2008; Религия и конфликт / Под ред.: А. Малашенко и С. Филатова. М., 2007; Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века. Воронеж, 2007; Новосельцев В.И., Тарасов Б.В. Системная теория конфликта. М., 2011; Беликова Е.О. Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2; Бреская О. Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социс. 2011. №12; Малашенко А. В. Религию невозможно отделить от политики // Отечественные записки. 2013. № 1 (52); Пронина Т.С. Типология религиозной идентичности: аналитика религиозности современного российского общества: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, СПб, 2016

формирования структур современного гражданского общества как фактора, стабилизации ситуации при эскалации конфликтов.

Имена исследователей и наименования их трудов по всем этим направлениям были приведены выше в предыдущем пункте. Основные положения, содержащиеся в исследованиях этих ученых, способствовали более детальному анализу рассматриваемой проблемы в процессе подготовки настоящей диссертации.

В последние годы также был защищен ряд диссертаций, темы которых касаются исследуемой в данной работе проблематики. Среди изученных нами диссертационных работ в рамках подготовки данного исследования стоит упомянуть работы А.Н.Резника, Д.Б.Фролова, О.В.Осиповой, Е.В.Петровой, В.В.Русиной, В.В.Коляда, Е.А.Бережковой, Л.А.Ломджария, И.Ю.Воронина, М.Ч.Кан, К.Н.Самошонкова, Е.С.Никитиной¹¹ и другие.

Кроме того, автор опирался на ряд исследований таких авторов, как Ю.Г.Волков, В.И.Герасимов, А.М.Ковалев, В.И.Коваленко, В.В.Лапкин, М.В.Рац, В.В.Согрин, В.В.Кочетков, В.С.Малахов и др., в которых анализируется

---

¹¹ Резник А.Н. Информационное противоборство в условиях вооруженного конфликта: Содержание, технологии, тенденции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004; Султыгов А.-Х.А. Урегулирование этнополитических конфликтов в современных условиях: зарубежный опыт и Россия. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2006; Шевченко А.В. Идеология формирования государственной информационной политики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1999; Фролов Д.Б. Информационное противоборство в сфере геополитических отношений. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2006; Осипова О.В. Информационная политика региональных органов власти как инструмент политической коммуникации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Якутск, 2011; Петрова Е.В. Информационная политика территориальных органов управления в системе государственной информационной политики современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004; Русина В.В. Информационная политика в сфере СМИ в демократическом обществе: Основные принципы и формы реализации в регионе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005; Коляда В.В. Информационная политика органов местного самоуправления. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Астрахань, 2011; Бережкова Е.А. Государственная информационная политика как фактор развития гражданского общества в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2012; Ломджария Л.А. Пути и средства преодоления конфликтов между подростками в общеобразовательной школе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Тбилиси, 1990; Воронин И.Ю. Преодоление межличностных конфликтов в спортивной команде. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Белгород, 2000; Кан М.Ч. Разрешение и регулирование социальных конфликтов в организациях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2002; Самошонков К.Н. Религиозный конфликт как объект социально-философского анализа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004; Никитина Е.С. Место и роль гражданского общества во внутриполитических конфликтах России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2011

возможность и целесообразность формирования в стране единой интегративной и консолидирующей идеологии.¹²

Также были изучены философские и политологические труды классиков и современных авторов. Однако основное внимание, в силу специфичности темы, было уделено источникам и литературе последних лет, материалам электронных СМИ, местной прессе и сбору полевого материала.

Некоторое количество источников, таких как агитационные и пропагандистские материалы, брошюры самиздата, рукописные тексты и устные публичные выступления, не было упомянуто в ссылках, так как они не использовались напрямую, но были изучены в целях создания более ясного представления о взаимодействии ислама и политики, а также сущности салафизма как религиозного движения за обновление исламской практики, так и религиозно-политического движения за создание исламского государства.

Помимо перечисленных основных источников, для написания работы было изучено множество журнальных и газетных статей в изданиях федерального и регионального уровней, представляющих обширную информацию о событиях, имевших место в Дагестане.

Объектом исследования данной диссертации является информационное, культурное и идеологическое пространство Дагестана в первые 25 лет после краха СССР, в котором эволюционировавший в те годы религиозно-политический конфликт между радикальными мусульманскими

---

¹² Волков, Ю. Г. Идеология и гуманизм Текст. / Ю. Г. Волков, В. С. Малицкий. — Ростов на Дону, 2004; Герасимов, В. И. Идеология и дискурс в работах Т.А. ван Дейка (реферативный обзор) Текст. / В. И. Герасимов // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире. Сборник научных трудов. РАН ИНИОН. 2003. № 4; Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности Текст. / В. В. Лапкин // Полис. 2008. №3; Ковалев А. М. Государственная идеология. Что это такое? Текст. / А. М. Ковалев // Вестник МГУ. Политические науки. 1994. № 1; Коваленко, В. И. Интегративная идеология в России: основания, проблемы, перспективы Текст. / В. И. Коваленко // Вестник МГУ, Политические науки. 1994. № 1; Рац, М. В. К концепции открытого общества в современной России Текст. / М. В. Рац // Вопросы философии. 1999. №2; Согрин, В. В. Второе пришествие либерализма в Россию (Опыт историко-политологического анализа) Текст. / В. В. Согрин // Отечественная история. 1997 - №1; Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. Учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2015; Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / Владимир Малахов. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014

общинами и государственными структурами республики приобретал дополнительную динамику и остроту.

Предметом исследования диссертации являются особенности развития и урегулирования религиозно-политического конфликта в информационном поле Дагестана в период с 1991 по 2015 гг., как социально-политического феномена, разгоревшегося в постсоветский период между радикальными мусульманскими общинами и государственными структурами, при одновременной и параллельной эскалации конфликта между конкурирующими друг с другом общинами дагестанских мусульман.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 по 2015 гг., поскольку именно на это время, с момента распада СССР и до переноса северокавказскими боевиками своей вооруженной борьбы с территории России на территорию Сирии и Ирака, пришлось глубинные процессы зарождения основ религиозно-политического конфликта в Дагестане, его углубления, эволюции, перехода в фазу вооруженного противостояния и перехода в скрытое, латентное состояние.

Цели и задачи исследования

Целью исследования является поиск и анализ эффективных моделей по снижению остроты и участию в урегулировании в информационном поле Дагестана продолжительного религиозно-политического конфликта, отличающегося ожесточенным противостоянием сторон.

Для достижения данной цели автору исследования пришлось поставить перед собой решение следующих задач на примере текущего религиозно-политического конфликта в Дагестане:

- Изучить обусловленность религиозно-политического конфликта историческими предпосылками, социально-политическими расколами в ситуации краха и становления новых форм государственности, а также

исследовать причины и факторы стремительной политизации религиозного конфликта, изменчивости его идеологического наполнения, а также общественно-политические последствия выхода религиозно-политического конфликта в открытое информационное поле и его последующей эскалации на уровне региона, страны и мира;

- Выявить возможность конструктивного влияния на конфликт со стороны «третьих сторон» в целях его трансформации и последующего разрешения через развитие активности структур гражданского общества в информационном пространстве;
- Изучить возможные модели разрешения и профилактики религиозно-политических конфликтов через формирование эффективной национальной и религиозно-конфессиональной политики России.

Теоретико-методологическая база

Цели исследования потребовали от автора опоры на положения общей теории конфликта. Создателями общей теории конфликта по праву считаются К.Боулдинг¹³ и Л.Крисберг¹⁴. Эти авторы рассматривали развитие конфликтов в различных социальных средах. В данной же диссертации были использованы теоретические исследования, касающиеся именно религиозно-политического конфликта.

Религиозные конфликты – одни из самых тяжело поддающихся урегулированию, поскольку они касаются самых сокровенных и святых чувств и ценностей человека. Особенности их развития в рамках общей теории конфликта в данной работе рассматриваются через труды С.М.Липсета, С.Роккана¹⁵, В.А.Шнирельмана¹⁶ и других авторов.

---

¹³ Boulding, K. Conflict and Defense. A General Theory // K. Boulding N.Y., 1988

¹⁴ Kriesberg, L. The Sociology of Social Conflict // L. Kriesberg/ New Yersey, 1973; Kriesberg L. Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution. New York; Oxford: Lanham; Boulder, 1998

¹⁵ См.: Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. N 4; Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments // The West European Party System. Oxford, 1990

¹⁶ Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012

Основной упор в работе был сделан на системный подход, который ориентирует исследователя на изучение объекта как системы, функционирование которой складывается как на основе внутренних предпосылок к саморазвитию, так и под влиянием внешних факторов.

Системные методы анализа, приведенные в трудах таких исследователей, как Л.Берталанфи¹⁷, Г.Саймон¹⁸, Т.Парсонс¹⁹, позволили автору проанализировать логику развития религиозно-политического конфликта в Дагестане именно как системного явления и процесса на различных уровнях его развития, в динамике его разворачивания между четырьмя основными его участниками: суфийской общиной, салафитской общиной, дагестанскими властями и дагестанским обществом.

В его рамках в работе был проведен анализ политических процессов в их взаимодействии с процессами информационными, а также анализ трансформации информационного, общественного и политического полей Дагестана в условиях нарастающего конфликта.

Логика развития текущего религиозно-политического конфликта в Дагестане изучалась с позиций конструктивистского подхода, раскрытого в трудах таких авторов, как В.Бурр²⁰, А.Локк, Т.Стронг²¹, П.Бергер, Т.Лукман²² и др. Данный подход ориентирует исследователей на изучение субъективных аспектов социально-политического поведения представителей социальных групп с устойчивой культурной, этнической, религиозной, политической идентичностью. Конструктивистский подход позволил нам в рамках данного исследования выявить причины подвижности религиозно-политической идентичности сторон изучаемого нами конфликта, их собственной роли, а также роли сторонних сил в трансформации текущего конфликта.

---

¹⁷ Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов // Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. — М.: Прогресс, 1969

¹⁸ Simon Herbert A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T.Ely Lecture // American Economic Review, May 1978, v.68, no.2

¹⁹ Parsons T. An Outline of the Social System // Theories of Society. N.Y., 1961

²⁰ Burr V. Social Constructionism. — London, 2015

²¹ Lock A., Strong T. Social Constructionism. — Cambridge, 2010

²² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности — М., 1995

Далее, в деле изучения возможных моделей разрешения изучаемого типа конфликта, автор опиралась на положения трансформационного подхода, который ориентирует исследователей на возможность целенаправленного изменения внутренней архитектуры конфликта через подключение к нему дополнительных сторонних акторов²³.

Автором в работе использован еще один подход – исторический. Данный подход предполагает хронологическую фиксацию политических событий и фактов, их анализа в динамике их развития, выявления закономерностей протекания религиозно-политического противостояния в Дагестане.

Данная фиксация и анализ событий, сыгравших ключевую роль в развитии и эскалации религиозно-политического конфликта в Дагестане, позволили нам выявить степень вовлечения в них общественно-политических акторов республики и возможности урегулирования исследуемого конфликта.

Рассмотрение политических событий в истории постсоветского Дагестана в динамике их развития и взаимовлияния, а также влияния на них факторов местного, республиканского, российского и международного уровней проводилось именно через анализ последовательных политических и общественных событий с анализом их предпосылок, последствий и взаимного влияния друг на друга.

Использование сравнительного метода²⁴ в рамках данной диссертации было направлено на выявление сходства и различий различных этапов религиозно-политического конфликта в Дагестане, а также его сравнения с подобными конфликтами в других республиках Северного Кавказа.

Также для достижения целей исследования автор прибег к применению общенаучных методов, таких как анализ, синтез, абстрагирование, сравнение,

---

²³ Kegan, R. What “form” transforms? A Constructive-developmental perspective on transformational learning. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000; Mezirow, J. Transformative learning in practice. Insights from community, work-place and higher education. San Francisco, CA: Jossey Bass, 2009; Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования, 2001. №1; Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. Мн., 1997; Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельно-структурная концепция. М., 2002;

²⁴ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. — М., 1994; Шаран П. Сравнительная политология – М., 1992; Сморгунув Л. В. Современная сравнительная политология — М., 2002

обобщение, сочетание исторического и логического анализа, мысленный эксперимент, прогностические методы, исторический и логический подходы, метод аналогий, моделирования и формализации.

Кроме того, изучение предмета исследования требует использования и таких эмпирических методов получения первичной информации об исследуемом объекте, как анализ статистических данных, анализ документов, интервьюирование экспертов и компетентных лиц, непосредственное наблюдение за происходящими политическими событиями и процессами.

Теоретическая новизна исследования состоит в том, что в нем на примере текущего религиозно-политического конфликта в Дагестане:

- Уточнено понятие «религиозно-политического конфликта»;
- Раскрыта обусловленность религиозно-политического конфликта историческими предпосылками, а также социально-политическими расколами в ситуации краха и становления новых форм государственности;
- Выявлены особенности и общественно-политические последствия эскалации религиозно-политического конфликта в информационном поле региона, а также влияние хода этого конфликта на дальнейшее общественное и политическое поведение сторон противостояния;
- Конкретизированы причины и факторы стремительной политизации религиозного конфликта, изменчивости его идеологического наполнения, а также стремительной интернационализации и глобализации;
- Выявлены общественно-политические последствия выхода религиозно-политического конфликта в открытое информационное поле и его последующей эскалации на уровне региона, страны и мира;
- Уточнены понятия «урегулирование конфликта», «разрешение конфликта» и «преодоление последствий конфликта»;

- Выявлена возможность конструктивного влияния на конфликт со стороны «третьих сторон» в целях его трансформации и последующего разрешения;
- Конкретизированы роль и возможности структур гражданского общества по выстраиванию целенаправленной политики в информационном поле региона по урегулированию конфликтных ситуаций с религиозно-политической составляющей;
- Предложены возможные модели выстраивания эффективного взаимодействия государственных и гражданских структур в информационном поле в целях профилактики конфликтных ситуаций;
- Конкретизированы основные контуры политической идеологии, совмещающей в себе национально-культурное и духовное наследие всех народов России, содержащей положения о необходимости более полного раскрытия в политической жизни страны принципов гражданского самоуправления и федерализма, как фундаментальных основ преодоления существующих и профилактики потенциальных конфликтных ситуаций в общественном поле.

Научная значимость исследования состоит в углублении теоретических аспектов развития религиозно-политического конфликта в информационном поле сложного в этническом и религиозно-конфессиональном отношении региона.

Ценность диссертации также заключается в том, что она дает возможность более широко осмыслить логику религиозно-политических противоречий и конфликтов в Республике Дагестан в постсоветский период и возможные методы их разрешения и преодоления.

Практическая значимость работы

Материалы диссертации могут быть включены в лекционные курсы по политологии, новейшей истории Дагестана, религиоведению,

конфликтологии, а также в специальные курсы по проблемам радикализации мусульманских сообществ, религиозно-политического противоборства в информационном обществе.

Кроме того, результаты исследования и его рекомендации могут быть использованы работниками государственных и гражданских структур, экспертами, лидерами общественных организаций, журналистами, работающими над урегулированием кризисной ситуации в Дагестане.

Положения выносимые на защиту

1. Религиозно-политический конфликт в Дагестане, начавшийся после распада советской системы государственности между представителями различных течений внутри дагестанского исламского сообщества, является классическим примером конфликта, формирующегося по линиям социально-политических расколов и размежевания в момент краха прежних и становления новых форм государственности.

2. Эскалации религиозно-политического конфликта в Дагестане способствовал ряд общих причин, характерных для конфликтов такого типа – крах единой государственности, глубокий системный кризис постсоветской России, непримиримость позиций сторон конфликта, стремительная радикализация и политизация одной из сторон, подключение к нему внешних акторов; а также ряд специфических причин, обусловленных предысторией, географией и временем разгорания конфликта – историческая память о Кавказской войне XIX в. и подавлении местной исламской мысли молодым советским государством, негативное влияние вооруженного конфликта в Чечне, незавершенность социально-экономической модернизации жизни сельских общин, клановость и коррумпированность местной власти и др.

3. Особому обострению изучаемого религиозно-политического конфликта, приобретению им разрушительного для республики и страны характера послужил его переход с уровня межобщинного взаимодействия

внутри республики на уровень открытого глобального информационного пространства с подключением к нему влиятельных международных игроков.

4. Одну из ключевых ролей в усугублении конфликта, направленного на разрушение основ межобщинного и религиозного согласия, сыграло фактическое самоустранение от участия в его разрешении традиционных и новых структур дагестанского гражданского общества – сельских и районных джамаатов, национальных и религиозных общин, НКО, профессиональных сообществ и др.

5. Выявленная логика развития изучаемого религиозно-политического конфликта продемонстрировала невозможность его разрешения республиканскими и федеральными властями без самого широкого подключения к этому процессу общественных структур региона с активной гражданской позицией, методов народной дипломатии, реализации механизмов миротворчества и традиций межобщинного примирения.

6. В ситуации, когда текущий религиозно-политический конфликт уже много лет, как получает дополнительную остроту через свое отражение в открытом информационном пространстве – на местном, республиканском, общероссийском и международном уровнях – структурам дагестанского гражданского общества необходимо формировать новые модели гражданской консолидации, развития широкого общественного диалога, реализации собственной стратегии в информационном поле республики, прямого участия в примирении конфликтующих сторон на всех обозначенных выше уровнях.

Апробация диссертации

Основные положения диссертационной работы нашли отражение в докладах, с которыми автор выступала на научных конференциях и общественных слушаниях:

- Региональной научно-практической конференции «Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы» (Махачкала, 2003 г.),
- Северокавказской научно-практической конференции «Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы» (Махачкала, 2003 г.),
- Региональной научной конференции «Народы Северного Кавказа в диалоге культур и цивилизаций» (Махачкала, 2004 г.);
- Общественных слушаниях в Общественной Палате РФ на тему «Республика Дагестан: религиозно-политический конфликт и поиск путей национального примирения» (Москва, 2011 г.)
- Общественных слушаниях в Общественной Палате РФ на тему «Миротворческая практика на Северном Кавказе: опыт, модели, методы повышения эффективности» (Москва, 2011 г.).

Кроме того, ряд положений диссертации был включен в проекты Рабочей группой Общественной палаты РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе «Мир Кавказу!» и «Меморандум о совместном противодействии насилию, экстремизму, межнациональной розни и поддержке миротворческого процесса в Республике Дагестан», в реализации которых автор принимал непосредственное участие в 2011 г.

Разрабатываемые автором положения, использованные в данных проектах, способствовали подписанию оппонирующими друг другу и противоборствующими религиозными общинами Меморандума о совместном противодействии насилию, экстремизму, межнациональной розни и поддержке миротворческого процесса на Кавказе, добровольному взятию на себя этими лидерами обязательств по содействию и взаимодействию в борьбе с экстремизмом, терроризмом и ксенофобией.

Кроме того, автор являлась консультантом Экспертного совета при Антитеррористической комиссии Республики Дагестан в 2017-2020 гг., что позволяло включать наиболее значимые положения данной диссертации в

многочисленные документы, планы и стратегии по раннему предупреждению религиозных конфликтов, профилактике экстремизма и противодействию идеологии терроризма на уровне профильных государственных структур РФ.

Некоторые положения диссертации были включены в два доклада из серии «Республика Дагестан: современная этнополитическая и религиозно-политическая ситуация» для Аппарата Северо-Кавказского федерального округа, в подготовке которых автор принимала непосредственное участие, а также в Концепцию духовного и гражданско-правового воспитания мусульманской молодежи и подготовки кадрового резерва мусульманского духовенства России, которая разрабатывалась по заказу Департамента по взаимодействию с религиозными организациями Администрации Президента РФ.

Положения диссертации, касающиеся поиска моделей урегулирования конфликтов в многоконфессиональных обществах, были включены в итоговые документы нескольких внутренних слушаний Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Брюсселе (2017 г.) и Женеве (2019 г.).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

1.1. Теоретические подходы к религиозно-политическим конфликтам

Для достижения обозначенных во введении целей и задач исследования и в стремлении понять природу и логику развития религиозно-политического конфликта в Дагестане, следует рассмотреть ряд общеметодологических посылок из теории конфликта. Ряд исследователей, таких как Э.Дюркгейм, Т.Парсонс и другие рассматривали все виды общественных противоречий и конфликтов как расстройство, травму, аномалию в общественной жизни, как выражение дисфункции социального организма.

Большинство социологов и обществоведов склоняются к мнению, что существование общества без конфликтов невозможно. Идея внутренней противоречивости, конфликтности политики утвердилась в науке с XIX в.

В научной литературе сложились теоретические направления в изучении конфликтов, которые исследователи предлагают подразделять на две большие группы на основе того, на чем авторы делают акцент в соотношении конфликта и консенсуса. Классиками первой группы являются К.Маркс²⁵, В.Парето²⁶, М.Вебер²⁷, Р.Дарендорф²⁸. Отмечу, что при существующих различиях и нюансах в их теоретических трудах, эта группа авторов больше уделяла внимание именно началам конфликтности при исследовании социальных процессов.

---

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 419-459

²⁶ Парето В. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10. С.137-145

²⁷ Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н.Давыдова. М., 1990

²⁸ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002;
Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142-147;

Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959;

Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. N.Y., 1968;

Dahrendorf R. The Modern Social Conflict: an essay on the politics of liberty. N.Y., 1988;

Dahrendorf R. Toward a theory of social conflict // Journal of Conflict Resolution. 1958. №2

Ко второй группе исследователей могут быть отнесены Г.Зиммель²⁹, Т.Парсонс³⁰, Л.Козер³¹, Э.Дюркгейм³² и Н.Смелзер³³. Эти авторы в своих трудах по внутренним противоречиям социальных процессов больше акцентировали внимание на роли консенсуса в общественных отношениях.

На основе классических теорий в западной науке теорию конфликтов в середине и второй половине XX в. развивали такие авторы, как Д.Белл, К.Боулдинг, Ч.Р.Миллс, Т.Ньюком, Ж.Падьоло, Р.Э.Парк, Э.Шилз.

При этом стоит отметить, что классики обеих групп - К.Маркс, Г.Зиммель, Л.Козер - и другие теоретики - А.Токвиль, К.Боулдинг, А.Бентли - рассматривали конфликт как ведущий источник политики, лежащий в основе происходящих в ней изменений и определяющий тем самым границы и характер существования данной сферы общественной жизни.

В данном исследовании я исхожу из того, что любой конфликт является разновидностью и результатом конкурентного взаимодействия двух и более сторон – индивидов, социальных групп, государств, каждая из которых отстаивает свои интересы, противоречащие интересам другой стороны, и затрудняет реализацию ее интересов и целей.

Переходя к отечественным исследователям, необходимо отметить, что академик В.А.Тишков дает конфликту определение через «столкновение двух или более сторон», а также отмечает присутствие в современных политических конфликтах «определенного уровня организованного

---

²⁹ Зиммель Г. Избранное: В 2-х т. М., 1996; Simmel G. Conflict Glencoe, 1955

³⁰ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. Т. 1. С. 94-122;

Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994. С. 468-480;

Parsons T. An Outline of the Social System // Theories of Society. N.Y., 1961. P. 30-79;

Parsons T. The Structure of Social Action. Glencoe, 1949

³¹ Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict. N.Y., 1967;

Coser L. Masters of Sociological Thought. N.Y., 1971;

Coser L. The Functions of Social Conflict. London, 1956

³² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991

³³ Смелзер Н. Социология. М., 1994; Smelser N. Theory of Collective Behavior. N.Y., 1963

политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны...»³⁴

При этом ряд современных исследователей утверждает, что наиболее распространенным видом конфликта в современном мире являются этнополитические конфликты³⁵.

Исследуя конфликты с этнической составляющей, В.А.Тишков определяет этнический конфликт как:

«форму гражданского противостояния на внутригосударственном или трансгосударственном уровнях, при которой хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности».

Под этнополитическим конфликтом он понимает «борьбу различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния»³⁶.

«Мы подчеркиваем термин этнополитический, поскольку уверены, что конфликт вызывает не этническая идентичность как таковая, а ее политизация, за которой могут стоять различные силы и мотивации».³⁷

Р.Г.Абдулатипов понимает под этнополитическим конфликтом «агрессивное столкновение различий, интересов и противоречий, взглядов, прежде всего в восприятии, интерпретации и участии в социально-экономических и политических процессах; их отражение в сфере этнонациональных отношений, использование разногласий и различий в данной сфере для решения политических задач».³⁸

---

³⁴ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007. С.10; Тишков В.А. О природе этнополитического конфликта // Свободная мысль.1993. №4.С. 8

³⁵ См.: Куштавкина Е.А. Этнополитические отношения и конфликты: теория и практика. М., 2010. С.6

³⁶ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.634

³⁷ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007. С.10

³⁸ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб., 2004. С. 236

Несколько иная формулировка дается А.-Х.А.Султыговым. На его взгляд, «этнополитический конфликт обусловлен политическим, экономическим, социальным, территориальным неравенством этносов, отдельной разновидностью этнического конфликта либо стадией его развития, которая характеризуется столкновением между этносами, с одной стороны, и государством, с другой стороны, по поводу повышения политического статуса данного этноса, предоставления ему права формирования органов государственной власти или получения (завоевания) полного суверенитета».³⁹

При этом природа, причины и динамика развития данного типа конфликтов по-разному рассматривается в рамках различных теоретических подходов к их изучению. Так, например, примордиалистский подход к изучению конфликтов описывает их в категориях исторической обусловленности, неизбежных «давних форм вражды» и даже «врожденной неприязни» между представителями противостоящих друг другу сторон.

Согласно логике данного подхода, конфликты носят почти неизбежный характер, практически не поддаются разрешению, а могут лишь на какое-то время подавляться силовым путем со стороны правящих режимов или других влиятельных игроков. Как отмечает ряд авторов, недостатками примордиалистского подхода являются:

- представление о вражде между социальными группами с различными идентичностями как о чем-то жестко фиксированном, не подверженном изменениям;
- невозможность объяснить вариации конфликтов между различными группами;
- невозможность объяснить мирное сосуществование социальных групп с различными идентичностями.⁴⁰

---

³⁹ Султыгов А.-Х.А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях. М., 2005. С. 11

⁴⁰ См.: Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджменте. М., 2005. С. 62, Чернобровкин И.П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль. Ростов н/Д., 2003. С. 9

Несколько по-иному понимают природу конфликтов между группами с различной культурной, этнической и политической идентичностью сторонники инструменталистского подхода. Так, на их взгляд, различия в культуре, этнических и религиозных традициях, политических позициях, выступающие зачастую в качестве обоснования зарождающегося противостояния и эскалации конфликта, есть не исконные и раз и навсегда установленные природой характеристики противостоящих групп, а лишь инструменты и ресурсы, которые используются в противостоянии и конфликтах между группами.⁴¹

Слабым местом инструменталистского подхода исследователи считают недостаточное внимание, которое уделяется в нем социальной природе этнических, культурных и политических идентичностей.

Сторонники конструктивистского подхода к изучению конфликтов концентрируют свои усилия на исследовании процесса формирования идентичностей, формирующих архитектуру конфликта, а также на возможностях целенаправленного влияния этот процесс. Таким образом, в рамках данного подхода этническая, культурная, политическая, религиозная идентичности обретают подвижность и управляемость.⁴²

Интересным моментом, отличающим конструктивистов в изучении конфликтов, является то, что, на их взгляд, определенные конфликты могут порождаться патологическим состоянием социальной системы, которое не контролируется индивидами и элитами.⁴³

Для понимания наиболее распространенных в мире форм противостояния В.А.Тишков предлагает опираться на представление о четырех типах разных конфликтов:

1. Спонтанные конфликты или погромы, отличающиеся быстротечностью, слабой организованностью и повышенной

---

⁴¹ Веретенников Д.Н. Инструментальный подход к политическим конфликтам. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2005. С. 26

⁴² См.: Kriesberg L. Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution. New York; Oxford: Lanham; Boulder, 1998. P. 23

⁴³ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М., 2005. С. 66-68

эмоциональностью участников (узбекско-киргизские столкновения в Кыргызстане, индусско-мусульманский конфликт в Индии);

2. Латентные конфликты в рамках политического процесса (Квебек в Канаде, Корсика во Франции, коммунизм в Ливане);

3. Открытые вооруженные конфликты (палестино-израильский, косовский, карабахский, алжирский, кипрский, кашмирский, шриланкийский);

4. Религиозные конфликты (связь ислама с конфликтами как внутри отдельных стран, так и на международной арене).⁴⁴

Здесь, вводя в наше исследование понятие «религии», стоит коснуться подходов к анализу ее роли в конфликтах, предложенных классиками общественных наук. Так, Э.Дюркгейм рассматривал религию как социальный феномен, являющийся фактором интеграции общества.⁴⁵

При этом по Дюркгейму для каждого общества существуют свои нормы социальной патологии – преступлений, противоборства, противостояния. Кроме того, существующие в самой религиозной сфере противоречия приводят к противопоставлению социальных групп и к конфликтности.

По Т.Парсонсу, при исследовании роли религии в человеческом действии, ее следует рассматривать на уровне общей системы действия, включающей теорию социальных систем, культурных систем, систем личности и поведенческих организмов.

Для такого анализа большое значение имеет дихотомия священного и мирского, которая в религиозном контексте является «эквивалентом дихотомии между моральным авторитетом и следованием утилитарным или инструментальным интересам в мирской сфере».⁴⁶

---

⁴⁴ Tishkov V. Ethnic conflicts in the former USSR: the use and misuse of typologies and data // Journal of peace research. 1999. V.36. N 5. P.576

⁴⁵ Дюркгейм Э. Социология религии и теория познания // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И.Гараджа, Е.Д.Руткевич. М., 1996. С. 111

⁴⁶ Парсонс Т.С. Религия и социальное общество // Система современных обществ. Под ред. М.С.Ковалевой. М., 1997. С. 77

Значительное внимание проблематике конфликта уделял и М.Вебер в рамках социологии религии. С точки зрения М.Вебера, общество – это арена действия борющихся между собой статусных групп, каждая из которых имеет свои собственные экономические интересы, амбиции, понимание мира и других людей. Согласно его теориям, конфликт в сфере религиозной касается не вопросов распределения и перераспределения властных полномочий, а прежде всего мировоззренческо-ценностных установок, закреплявшихся в соответствующих типах религиозного мировоззрения.⁴⁷ Работы этих и других крупных ученых определили основные направления данного исследования, проблематику и методологию данной проблемы.

Применительно самого религиозно-политического конфликта как явления, то А.Нуруллаев понимает под ним конфликт, обусловленный противоречиями интересов различных социальных групп, объединенных в два или более враждебных лагеря, при условии, что каждый лагерь руководствуется единой для всех его членов системой ценностей, взглядов на мир, нравственных и моральных убеждений. Субъектом такого конфликта, на взгляд А.Нуруллаева, является группа людей, но объектом выступают определенные моральные нормы и ценности, относительно иерархии, которых имеются разногласия между сторонами.⁴⁸

Согласно В.Орлянскому, религиозный конфликт - это столкновение и противодействие между носителями религиозных ценностей, которые обусловлены различиями в их мировоззрении, представлениях и отношении к сакральному, разной участием в религиозной жизни.⁴⁹

С точки зрения Т.Голуенко, религиозный конфликт – это столкновение религиозных индивидов и групп по поводу различных позиций в вопросах вероучения, религиозной деятельности и правил построения религиозной жизни. Конфликт может выливаться в форму разногласий и споров, конкуренции и борьбы, конфронтации и религиозной вражды, которая

---

⁴⁷ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990

⁴⁸ Нуруллаев А.А. Проблемы диалога религий в эпоху глобализации. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2001. № 3 с.28-35

⁴⁹ Орлянский В.С. Конфликтология. Киев, 2007

связана с фанатизмом и во многих случаях выливалась в религиозные войны.⁵⁰

Согласно определению, предложенному И.Р.Аминовым:

«религиозный конфликт — частный случай социального конфликта, при котором сталкиваются мировоззренческие установки, идеи и концепции двух или более религиозных конфессий».⁵¹

Взяв за основу определение В.А.Тишкова, а также отталкиваясь от приведенных выше определений, можно вывести авторское понимание религиозно-политического конфликта. Конфликтующими сторонами в данной разновидности конфликта выступают не этносы, а представители различных религиозных общин, которые могут конфликтовать как друг с другом, так и с нерелигиозными акторами, такими, например, как государство или иные светские политические или общественные силы.

В таком случае получается, что религиозно-политический конфликт – это разновидность конфликта, которая развивается между двумя или более сторонами; при этом хотя бы одна из сторон развивающегося конфликта придерживается, отстаивает или действует от имени религиозных позиций.

В целях дать более полное определение религиозно-политическому конфликту нам представляется целесообразным опереться на теоретико-методологические выкладки, восходящие к концептуальному осмыслению этнополитического конфликтов, предложенному В.А.Тишковым⁵² и А.-Х.А.Султыговым⁵³.

В итоге к использованию предлагается следующее уточненное определение религиозно-политического конфликта - религиозно-политический конфликт является особой разновидностью социально-политического конфликта, которая характеризуется определенным уровнем

---

⁵⁰ Голуенко Т. А. Религиозные конфликты в современном мире: теоретический аспект. Барнаул, 2004

⁵¹ Аминов И.Р. Понятие и сущность этнического и религиозного конфликта: теоретико-правовой аспект / И. Р. Аминов, А. Т. Исмаилов // Молодой ученый. 2017. № 20 (154). С. 322-323

⁵² Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль.1993. №4. С. 8

⁵³ Султыгов А.-Х.А. Этнополитические противоречия и формы их разрешения: исторический опыт и современные реалии. М., 2006. С. 12

конфликтного взаимодействия его сторон, столкновением интересов различных религиозно-конфессиональных и общественно-политических групп, религиозно-конфессиональных групп и государства, массовыми беспорядками, сепаратистскими выступлениями и даже состоянием гражданской войны, в которых раскол и противостояние происходят по линиям религиозно-конфессиональных различий.

«Религиозные конфликты как сложный феномен, многообразный по своим истокам и генезису, по историческому времени, пространству, в котором он разворачивается, всегда имеют место в религиозной жизни. Одни из них протекают неизменно, в рамках, правилах, установленных религией, как подсистемой с ее институтами, другие конфликты не только пренебрегают внутренними правилами, но и пытаются вырваться наружу, нарушая равновесие подсистемы и ставя под угрозу устойчивость общественной системы в целом».⁵⁴

Религиозные конфликты – одни из самых тяжело поддающихся урегулированию, поскольку они касаются самых сокровенных и святых чувств и ценностей человека. Как утверждает А.Пчелинцев, «специфика религиозных конфликтов заключается в том, что они затрагивают духовную жизнь людей, внутренний мир верующих, связанный с миром иным, божественным».⁵⁵

Существует огромное количество причин и факторов, порождающих религиозно-политические конфликты. Применив к религиозно-политическим конфликтам тезисы В.А.Шнирельмана о причинах конфликтов, отметим, что и в случае, собственно, религиозно-политических конфликтов, «уместно проводить различия между конфликтом в узком и широком смысле».⁵⁶

В первом случае, в логике В.А.Шнирельмана, речь идет об идентичности и о сохранении тех параметров (религия, культура), которые признаются ее фундаментальной основой. Во втором случае, как он считает, борьба происходит под лозунгом упразднения дискриминации, в чем бы та

---

⁵⁴ Самошонков К.Н. Религиозный конфликт как объект социально-философского анализа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004

⁵⁵ Пчелинцев А. Пресса и религиозные конфликты // <http://www.religio.ru/relicoc/199.html>

⁵⁶ Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.6

ни проявлялась.⁵⁷ В данном случае – дискриминации по религиозным признакам.

Применив к религиозно-политическим конфликтам тезисы В.А.Шнирельмана о причинах конфликтов, следует отметить, что они встречаются там, где дискриминируемая политически, социально или как-либо еще, группа имеет религиозный облик.⁵⁸

Далее, несколько переформулировав под цели данного исследования выкладки М.Гектора, можно выделить три основных фактора:

1. Конфликтную по своей природе объективную обделенность религиозную периферийных групп многоконфессионального государства в процессе его непрерывной модернизации;

2. Осознание этой обделенности членами той или иной религиозной общины как образа коллективных взаимоотношений в обществе;

3. Формирование крайних и радикальных идей и позиций, как реакции обделенной религиозной общности на несправедливое отношение духовных или политических властей, политизация религиозной солидарности.⁵⁹

При этом, по мнению ряда авторов, помимо объективных факторов, определяющих генезис, динамику и направления развития конфликтов, нельзя оставлять за рамками исследования и целенаправленные действия участников конфликта и внешних акторов, которые существенно влияют на ход развития конфликтного противостояния.⁶⁰

Конструктивистский подход к изучению конфликтов позволяет охватить эти попытки целенаправленного воздействия на ход развития конфликта в рамках нашего исследования. Особенно данный аспект актуален в отношении религиозно-политических конфликтов, в которых количество

---

⁵⁷ Там же

⁵⁸ Там же

⁵⁹ Радугин А.А. Политология. М., 2001. С. 293-294

⁶⁰ См.: Веретенников Д.Н. Инструментальный подход к политическим конфликтам. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2005. С.6

заинтересованных лиц возрастает стремительно уже в самой начальной стадии.

Вдобавок к этому, в условиях разрушения социальных, культурных и иных связей, усиливается роль религии как традиционно значимого канала социальной стратификации. Примеры этому разворачивались на наших глазах. В последние полтора десятилетия XX в. на всем постсоветском и постсоциалистическом пространстве бывшего СССР и Восточной Европы происходили процессы слома, дезинтеграции и трансформации прежних политических структур.

Распад Советского Союза сопровождался серьезными этнополитическими конфликтами и кровопролитными войнами на его южных рубежах. Корни этих конфликтов уходят как в советское время, так и в эпоху Российской империи. Как и следовало ожидать, эти процессы сопровождалась нарастанием центробежных сил и резким возрастанием этнического, религиозного, территориального обособления и сепаратизма. Стремительный демонтаж и развал единого политико-идеологического лагеря, начавшись с Восточной Европы и обрушив СССР, явились серьезным испытанием на прочность и для Российской Федерации.⁶¹

Закономерно, что на развалинах внезапно обрушившихся политико-идеологических конструкций моментально появляется великое множество идей, моделей, концепций, претендующих на то, чтобы заполнить образовавшийся властный и духовный вакуум.

В этих условиях бурно возрождаются и расцветают идеи формирования моноэтнической или теократической государственности, доходящие в своих крайних проявлениях до шовинизма и объявления священной войны против иноверцев; на передний план выдвигаются факторы, которые отличают народы друг от друга.

Процесс распада не закончился падением СССР - он фактически продолжился в Грузии, Молдавии, Азербайджане и Украине. Эти

---

⁶¹ См.: Гаврилов В., Шепова Н. Нетрадиционные войны на постсоветском пространстве. М., 2009. С. 37

болезненные процессы особенно наглядно проявляются в кавказском регионе через стремительную мобилизацию исторического сознания, резкий рост религиозности, причем в ее самой конфликтогенной форме, и т.д.⁶²

Некогда приглушенные императивы национального, религиозного сознания и исторической памяти вновь обостряются до предела, моделируя образы контр-общины, контр-класса или контр-группы и проецируя на них все обиды, страхи, ненависть и разочарование. Таким образом, закономерно возрастает роль религиозного фактора как в политике в целом, так и в мотивации индивидуального политического поведения, в частности. Существенно также то, что многие авторы, изучающие природу современных конфликтов, делают это через призму исторического развития тех или иных регионов, анализ процессов оформления отдельных этнических и религиозных идентичностей, появления «национальной идеи», религиозных и иных сообществ и т.д.

Как отмечает Р. Брубейкер, анализ этих исследований разрушает миф о якобы застарелых вековых конфликтах, так как многие современные конфликты оказываются побочным результатом нациестроительства, связанного с особенностями нашей эпохи. Так называемые «глубокие исторические корни конфликта» оказываются мифологемой, призванной легитимировать конфликт путем создания образа «векового врага».⁶³

В этом отношении российские исследователи вычленяли три основные причины нарастания конфликтной напряженности в сфере религиозных отношений, разворачивания дезинтеграционных процессов и актуализации проблем религиозного обособления:

- задержка самоидентификации России,
- утрата федеральным центром инициативы реформирования страны в первое постсоветское десятилетие,

---

⁶² См.: Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 463–465

⁶³ Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 81–86

- отсутствие объединяющей национальной идеологии.⁶⁴

В силу указанных факторов на Северном Кавказе, и, в первую очередь, в Дагестане, вспыхнула серия конфликтов, связанных с абсолютизацией и противопоставлением принципов права той или иной религиозной общины на реализацию всех своих претензий или амбиций.

Сложившаяся традиция в сфере кавказоведческих исследований приводит к тому, что наиболее значительная часть ученых и экспертов при изучении процессов в религиозно-политической сфере чаще всего анализирует количественные показатели роста числа верующих, числа мечетей, религиозных школ – медресе, исламских институтов, а также анализирует каналы и степень влияния на кавказских мусульман зарубежных сил. Эти процессы уже достаточно подробно описаны в работах таких отечественных исламоведов, как А.В.Малашенко, Д.В.Макаров, И.П.Добаев, З.С.Арухов и других.⁶⁵

Тем не менее, попыток исследования того, как религиозно-политические процессы и конфликты отражаются в информационной сфере, а также того, как этими процессами можно управлять, практически нет.

По итогам данного параграфа отмечу, что на основе анализа определений ряда зарубежных и отечественных авторов мной было предложено авторское уточненное определение религиозно-политического конфликта.

Согласно этому определению, религиозно-политический конфликт является особой разновидностью социально-политического конфликта, которая характеризуется определенным уровнем конфликтного взаимодействия его сторон, столкновением интересов различных религиозно-конфессиональных и общественно-политических групп, религиозно-

---

⁶⁴ См.: Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000. С. 4

⁶⁵ Малашенко А. В. Религию невозможно отделить от политики // Отечественные записки. 2013. № 1 (52); Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000; Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов-на-Дону, 2005; Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. Махачкала, 1999; Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016

конфессиональных групп и государства, массовыми беспорядками, сепаратистскими выступлениями и даже состоянием гражданской войны, в которых раскол и противостояние происходят по линиям религиозно-конфессиональных различий.

Кроме того, в данном параграфе был проанализирован ряд объективных и субъективных причин эскалации религиозно-политических конфликтов, среди которых:

- распад единого политического и идеологического пространства,
- обделенность периферийных социальных групп большого государства,
- их борьба за сохранение своей идентичности,
- прямое участие в эскалации конфликта его участников, а также внешних акторов.

1.2. Особенности зарождения конфликтного потенциала в религиозном поле постсоветского Дагестана

Как уже отмечалось выше, противоречия, появившиеся в постсоветский период, в том числе и в религиозной сфере, привели, с одной стороны, к формированию конфликтной среды, которая породила в идеологическом пространстве в целом и уже – в исламском пространстве Дагестана беспрецедентный раскол. Этот раскол и внутренний конфликт настолько значимы в понимании феномена религиозных процессов в постсоветском Дагестане, что его анализу посвящены многие научные и аналитические материалы российских и зарубежных исламоведов.

Действительно, процесс религиозного возрождения в постперестроечном Дагестане был отмечен прогрессирующим расколом исламского пространства, и данный раскол привел к появлению враждующих между собой общин и направлений. Это и был этап зарождения теологических и доктринальных разногласий в среде дагестанских мусульман. То есть этап зарождения конфликта, полностью религиозного по своей сути.

Исследуя причины, природу, линии и глубину раскола некогда единого духовного институционального исламского пространства России, было бы полезно воспользоваться тезисами о «структурах размежеваний» или «структурах раскола»⁶⁶ политологов С.М.Липсета и С.Роккана.⁶⁷ Их исследования по природе и причинам социально-политических расколов общества в разных странах показали, что эти расколы возникают в начале

---

⁶⁶ Стоит отметить, что теория «структур размежевания» или «структур раскола» возникла в рамках социологической школы исследования поведения избирателей в США в трудах американских ученых под руководством П.Лазарсфельда. Ключевой идеей данной социологической концепции является утверждение о том, что солидарность индивидуума с определенной социальной группой определяет его политический выбор. См.: Lasarsfeld P., Berelson B., Guadet H. The People's Choice. How Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign. New York - London, 1969. P. 148

⁶⁷ См.: Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. N 4; Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments // The West European Party System. Oxford, 1990

масштабных социальных трансформаций (например, при создании национального государства или во время индустриальной революции).⁶⁸

Ключевым понятием в концепции С.М.Липсета и С.Роккана стало понятие "раскола" или "размежевания". Данная концепция постулирует следующие характерные черты социального размежевания:

- социальное размежевание есть структурный конфликт между социальными группами;
- ключевые социальные размежевания складывались исторически на протяжении десятков и сотен лет;
- социальные размежевания "транслируются" в политическую систему посредством партий, позиционирующихся "на полюсах" таких размежеваний.⁶⁹

Подобные социально-политические расколы, даже, когда речь идет о расколах внутри духовной элиты, отчасти во многих случаях обуславливаются достаточно общими причинами и факторами - расколом политических элит, личным соперничеством за власть, внешним воздействием, слабой экспертной обеспеченностью управления, исторической памятью и т.д.⁷⁰ Все эти причины и факторы справедливы как в отношении раскола поздней советской и новой демократической политических элит нашей страны, так и в отношении раскола духовной элиты и духовного пространства Дагестана.

Весьма полезно привести здесь теоретические выкладки В.А.Шнирельмана применительно к причинам эскалации этнополитических конфликтов в условиях краха прежних политических и социальных структур и зарождения новых линий раскола в обществе. Они вполне соответствуют и специфике зарождения и эскалации конфликтов религиозно-политических. Тем более, что сам автор отмечает, что его выкладки относятся «и к

---

⁶⁸ Гельман В. Шахматные партии российской элиты // Журнал «Pro et Contra», Том 1, 1996 год, № 1, Зима

⁶⁹ См.: Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. N 4;

⁷⁰ Вартумян А. Этнический фактор и проблемы становления диаспор // http://www.mashtots.ru/archive/history_15.htm (Дата обращения 09.05.2024)

религии», но в случае, «если последняя воспринимается, прежде всего, как культурная идентичность, а не вера». С его слов, в этом случае ее функция сводится к выстраиванию границ идентичности, что собственно и усугубляет зарождающиеся расколы, и не имеет ничего общего ни с моралью, ни с ценностями.

«Это-то и обеспечивает высокую конфликтогенность такой сконструированной этничности».⁷¹

С.М.Липсет и С.Роккан, к примеру, отталкиваясь от того, что ключевые социальные размежевания складывались исторически на протяжении десятков и сотен лет, отмечали наиболее важные структурные расколы для стран Европы:

- между центром и периферией,
- между церковью и государством,
- между городом и селом,
- между собственниками и рабочими.⁷²

Очень важно для целей нашего исследования и понятие «критической точки» или «критического события», которое также вводят в свое исследование С.М.Липсет и С.Роккан. Под ним они понимают открытый конфликт, в котором выразилась сущность раскола. Так, для раскола западноевропейского общества по линии «церковь-государство», таким критическим событием были Реформация и Контрреформация XVI-XVII вв. Для расколов по линиям «село-город» и «рабочие-собственники» в качестве критических обстоятельств выступили промышленная революция XIX в. и революция 1917 г. в России соответственно.⁷³

---

⁷¹ Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.7

⁷² См.: Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. N 4. С.210

⁷³ См.: Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. N 4. С.210

Отечественные исследователи В.Коваленко и Е.Мощелков в современной России видят раскол между предназначением России, её миссией в мире и её политикой, между русской идеей и русской историей.⁷⁴

Т.Становая описывает раскол российской политической элиты по другой линии:

«Фактически сформировался идеологический раскол элиты, которая всегда была прагматична, на прогрессистов и консерваторов».⁷⁵

Таким образом, следуя логике концепции цитируемых авторов, для того, чтобы понять суть расколов, которые и привели к эскалации исследуемого конфликта в Дагестане, необходимо отследить вкратце историю и динамику общественно-политической ситуации в республике, дошедшей до «критических событий», или до «критической точки», породившей раскол и открытый конфликт в среде дагестанских мусульман.

Дагестан – самый многонациональный регион России, и каждый народ Дагестана отличается собственной моделью социального поведения и отношения к религии. Исламское пространство республики также предельно разнообразно и состоит из множества различных религиозных общин, следующих различным направлениям и традициям в исламе.

Для того, чтобы понять степень этой разнородности, следует воспользоваться общепринятой в исламоведческой среде классификацией мусульманских общин Дагестана.⁷⁶ Данная разнородность мусульманских общин республики, как подчеркивается в изученных по данной проблеме трудах, влияет на характер отношений между ними, а также на характер отношений этих общин с государственными структурами.

---

⁷⁴ Коваленко В. И., Мощелков Е. Н. Российская государственность: идеология и самосознание народа // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. №2. - 1993. - с.3-15

⁷⁵ Становая Т. Пять элит на фоне транзита. Московский Центр Карнеги, 2020 // <https://carnegie.ru/2020/02/27/ru-pub-81158> (Дата обращения 09.05.2024)

⁷⁶ См.: Бобровников В.О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2; Макаров Д.В. Радикализация ислама в Дагестане: возможности и пределы джихадизма // Общественные науки и современность. N 6, 2004; Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001; Кисриев Э.Ф. Ислам и политика в Дагестане. М., 2004; Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 134. М., 2000

Первая община дагестанских мусульман, согласно используемой классификации – это представители суфийской традиции в исламе, впитавшие в свою религиозную практику элементы местных национальных культур. Большинство современных исследователей именуют данную версию ислама – «традиционной».⁷⁷ Именно эта версия ислама, за некоторыми отличиями, господствовала в Дагестане на момент присоединения Дагестана к России. При этом сам суфизм в Дагестане также не однороден, поскольку в республике он представлен тремя тарикатами (духовными орденами): Накшбандийским, Шазилийским и Кадирийским, являющихся своеобразными духовными школами, сочетающими в себе методы и приемы мистического познания истины, особый свод морально-этических положений и формы внутренней организации.⁷⁸

Вторая община дагестанских мусульман в используемой здесь классификации представлена заметно растущей общиной фундаменталистов, на бытовом уровне и в СМИ, именуемых «ваххабитами», а в среде ученых – «салафитами». Этот ислам фундаменталистского – или салафитского – толка, проповедует возврат к первоосновам веры, к образу жизни пророка Мухаммада и «праведных предков» (араб. «ас-салаф ас-салихун») и очищение ислама от более поздних нововведений. Это направление, согласно некоторым экспертам, также имеет в Дагестане достаточно долгую историю.⁷⁹

Часть исследователей в своих работах выделяет и третью общину дагестанских мусульман, которая представлена дагестанской школой исламских правоведов (факихов) Шафиитской правовой традиции (мазхаба). Она сформировалась еще до присоединения Дагестана к России, в основном

---

⁷⁷ См., например: Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000;

⁷⁸ Исмаилов А. Ш., Ханбабаев К. М., Рагимов А. А. Религии в Дагестане: история и современное состояние. Махачкала, 2007; Шихалиев Ш.Ш., Из истории появления в Дагестане последователей накшбандийского и шазилийского тарикатов // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень № 1 (4), Махачкала, 2003

⁷⁹ Идрисов Ю. М. Идейно-политическое наследие мусульманской интеллигенции Дагестана в контексте межрегионального сотрудничества и межобщинного диалога // Материалы I Международной молодежной научно-практической конференции 14 мая 2007 года - Ежегодный сборник научных статей Нижний Новгород, 2007 №1 С 41-45; Ислам на территории бывшей Российской империи // Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 222–223

в самоуправляющихся мусульманских общинах даргинцев. В их общинах позиции мусульманских юристов, правоведов и судей были настолько крепки, что во многих обществах они оспаривали власть выборных правителей. В дагестанском обществе Акуша-Дарго, к примеру, к моменту вхождения этих земель в состав России, фактически сложилось и на протяжении сотен лет существовала ситуация двоевластия.⁸⁰

Политическими лидерами общества были два человека - выборный правитель и шариатский судья (кадий). Эту версию ислама тоже принято считать традиционной для региона, хотя ученые и религиозные лидеры этого направления ислама некоторое время не признавались официальным Духовным управлением мусульман Дагестана в силу разных причин.⁸¹

К данному перечню некоторые исследователи предлагают добавлять и четвертую общину дагестанских мусульман, оформившуюся в последние годы – модернисты, или просвещенные реформаторы.⁸² Они немногочисленны и в эту общину входят представители интеллигенции, учащейся молодежи, средних городских слоев. Они выступают за современную трактовку догматов, этики и культа ислама с учетом научно-технического и социального прогресса в мире. Следует отметить, что у этой школы были свои последователи в Дагестане еще до Революции 1917 г., самым известным из которых был А.Каяев, ориентировавшиеся на идеи таких всемирно известных рационалистов и реформаторов, как Д.Афгани, Р.Рида и М.Абду.⁸³

Поскольку основной накал противоборства наблюдается между последователями суфийского и салафитского ислама, то больше внимания следует уделять именно этим двум группам. Если же спуститься еще на один

---

⁸⁰ См., например: Аликберов А.К. Эпиграфические памятники Акуша-Дарго периода сефевидской экспансии XVI-XVIII вв. // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей. под ред. А.К.Аликберова и В.О.Бобровникова. М., 2010; Гуруев Д. К. Институт кадия и этноправовые особенности возникновения и развития союза сельских обществ Акуша-Дарго в XVIII - первой половине XIX веков // Северо-Кавказский юридический вестник. N 2, 2011. С. 28

⁸¹ См., например: Казенин К.И. Крепок ли тыл России на Северном Кавказе. М., 2004

⁸² См., например: Новицкий И.Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. Краснодар, 2011. С. 48

⁸³ См.: Kurbanov R. The Clerical Board of Russian Moslems. Contradictions and Developmental Dynamics // Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2011

уровень классификации исламских общин рассматриваемого региона, то практически в каждой из отмеченных групп – суфиев, шафиитских правоведов и салафитов - можно выделить более узкие национальные и районные подгруппы. Например, практика суфийских общин в кумыкских, аварских, табасаранских районах отличается довольно по широкому ряду характеристик.

То же самое и в салафизме, внутри которого по степени приверженности тем или иным положениям веры, по моделям социального поведения, отношения к обществу и власти, можно выделить салафитов «гимринских», «цумадинских», «кадарских», «гунибских», «юждаговских» и т.д., в зависимости от района формирования этих общин.⁸⁴

Это наблюдается несмотря на то, что особенностью процесса распространения салафитской идеологии на Северном Кавказе в последние годы являлось то, что они делают все возможное для преодоления «рамки этнической обособленности» и «пытаются выступать в качестве единой идейно-политической силы».⁸⁵ В принципе, сам С.М.Липсет, через концепцию которого в работе рассматривается конфликт в Дагестане, в своих трудах выделял такую категорию, как «подвижность социальных расколов».⁸⁶

Что касается исследуемого раскола и конфликта в Дагестане, нужно отметить, что в их последующем развитии происходит заметная политизация религиозного конфликта. Переложив применительно к специфике религиозно-политического конфликта наработки В.А.Шнирельмана, стоит заметить, что в такой ситуации образ собственной версии «религиозной традиции» начинает отличаться определенной аморфностью, и у ее носителей возникают трудности с ее описанием.

При этом именно образ «религиозной традиции», а вовсе не ее наполнение, обладает самооценностью. «Религиозная традиция» служит

---

⁸⁴ См.: Kurbanov R. The Clerical Board of Russian Moslems. Contradictions and Developmental Dynamics // Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2011

⁸⁵ Малашенко А. В. Религию невозможно отделить от политики // Отечественные записки. 2013. № 1 (52)

⁸⁶ См., например: Липсет С.М. Неизбывность политических партий // Политическая наука. 2006. N 1

удобной объяснительной матрицей, дающей возможность «обнаруживать смысл» происходящего вокруг, в частности объяснить конфликт, который в таких условиях неизбежно получает «религиозную окраску».⁸⁷ Этот религиозный изначально конфликт в Дагестане начал стремительно политизироваться за счет роста политических требований одной из сторон конфликта – салафитской общины, а также в силу вмешательства в теологические разногласия между религиозными общинами государственных структур Дагестана.

Подтверждением данному механизму трансформации служат исследования А.-Х.А.Султыгова, который пишет, что фактором, усиливающим политизацию конфликтов, не являвшихся таковыми в своем начальном этапе, является «появление нового политического субъекта в конфликте».⁸⁸ В подтверждение данного тезиса можно привести целый ряд исследований современных российских авторов, которые изучали в последние годы резкое обострение политического конфликта в Сирии с появлением в этом конфликте новых акторов, таких, как запрещенная в России организация ИГИЛ и шиитское движение Хезболла.⁸⁹

Итак, как уже отмечалось выше, в Дагестане в результате политических и социально-экономических потрясений обозначился ряд конфликтогенных противоречий и ситуаций, замешанных на претензиях той или иной религиозной общины, но в силу своего происхождения могущих быть отнесенными к одному широкому религиозно-политическому конфликту:

---

⁸⁷ Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.7

⁸⁸ Султыгов А.-Х.А. Урегулирование этнополитических конфликтов в современных условиях: зарубежный опыт и Россия. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2006

⁸⁹ Горбунова Н.М. Ливанский кризис: трансформация общества и государства // Восток-Oriens. 2013. – No 4. – С. 114–122; Ипатов А.М., Ипатова В.П. Борьба Хезболлы против ИГИЛ в ходе сирийского конфликта // *Filo Ariadne*. – 2018. – No 3; Евгеньев А. и Соловьёв Р. Исламское государство Ирака и Леванта: социально-экономический анализ // Мировое и национальное хозяйство. Материалы научной студенческой конференции «Экономика современных вооруженных конфликтов». Издание МГИМО МИД России, 2015. – No 3 (34); Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // Пути к миру и безопасности. – 2017. – No 1(52). Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). – С. 13–54; Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2020. Т. 64. № 6. С. 22–37

- Конфликт между мусульманскими общинами Дагестана, в первую очередь, между суфийскими и салафитскими общинами;
- Конфликт между последователями Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) и всеми остальными мусульманскими общинами республики, не согласными с политикой ДУМД;
- Конфликт между ДУМД и политической элитой Дагестана, состоявший большей частью, в напряженном торге ДУМД за большие преференции со стороны власти в сфере подчинения ДУМД все большего количества сфер общественной жизни – образования, информационной политики, организации хаджа и т.д.;
- Конфликт представителей салафитских общин с несалафитским, зачастую светским окружением и всем дагестанским обществом;
- Конфликт представителей салафитских общин с официальными властями Республики Дагестан.

Понимание сути их разногласий, позиций противостоящих друг другу сторон, взаимных претензий и требований, логики развития и эскалации конфликта, особенно в преломлении к информационной сфере, станет одним из ключевых пунктов нашего исследования, что, как мы надеемся, позволит нам выйти на осознание масштаба данного конфликта и возможных моделей его преодоления и урегулирования.

Таким образом, в рамках данного параграфа удалось выявить и детальнее изучить «линии раскола» при обрушении некогда единых политико-идеологических структур, факторы зарождения в расколоте подобным образом религиозно-идеологическом поле конфликтного потенциала, факторы и траектории последующей политизации религиозного конфликта, а также рассмотреть, между какими именно общинами мусульман Дагестана пролегли эти линии раскола в постсоветский период.

В связи с этим исследование религиозно-политического конфликта в Дагестане в постсоветский период будет осуществляться далее именно в динамике его развития между четырьмя основными его участниками:

суфийской общиной, салафитской общиной, дагестанскими властями и дагестанским обществом.

ГЛАВА 2.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ ДАГЕСТАНА

2.1. Трансформация информационного пространства Дагестана под влиянием религиозно-политических процессов в постсоветский период

Начавшаяся после краха СССР демократизация России создала предпосылки для формирования открытого информационного пространства⁹⁰, которое создавало новые возможности обеспечения прозрачности работы государственных структур, консолидации общества на принципиально новой основе, доступа широких масс к новым общественным и политическим технологиям, развития единого гражданско-правового сознания жителей России.

Однако ситуация в некоторых регионах России начала развиваться в обратном направлении. Особенно это видно в республиках Северного Кавказа, где растущая динамика развития информационного пространства привела не к росту открытости и консолидации, а, во многом, напротив, к фрагментации информационных потоков, их замыканию на региональном уровне⁹¹ и даже формированию противостоящих общественно-политических лагерей, дошедших в этом противостоянии до информационной войны друг против друга.

Особенно активно и трагично эти процессы протекали в Дагестане и, по понятным причинам – в Чечне, где ускорение информационных процессов

---

⁹⁰ В рамках данной работы я ориентируюсь на определение информационного пространства, данное М.В.Катковой, через такие его характеристики, как «многоуровневая структура, предполагающая протяженность и одновременное сосуществование скоординированных и взаимодействующих объектов». Автор утверждает, что эти «атрибутивные свойства имеются не только у физического, но и любого другого пространства». «Следует отметить, что широкое применение и популяризация в масс-медиа словосочетания «информационное пространство» не обуславливает разработку его содержания как научного понятия. Можно сделать вывод, что употребление этого термина в общем смысле скорее метафорично, чем научно. Тем не менее операционализация понятия «информационное пространство» необходима и основывается на анализе базовых компонентов его структуры». См.: Каткова М.В. Понятие «информационное пространство» в современной социальной философии // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. С.23-24

⁹¹ См.: Паленая Е.М. Тенденции трансформации информационного пространства современного Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2004

изначально создало условия для формирования социальных лагерей, противостоящих друг другу на национально-культурной и религиозной основе.⁹² В рамках данного исследования важно отметить процессы, связанные с тем, что начавшийся в конце 1980-х гг. курс М.Горбачева на либерализацию общественно-политической жизни советского общества создал условия для возрождения религиозной жизни в Дагестане. Все перечисленные выше социально-политические направления развивались также внутри ислама и все мусульманские общины получили новый импульс и новые возможности для своего развития.

После десятилетий тихого подавления исламской политико-правовой практики и интеллектуальной мысли царской властью, а затем – в особых уже формах – и советской властью, началась резкая активизация деятельности мусульманских общин в регионе по всем направлениям. Этот феномен в регионе приобрел весьма сложные и многоаспектные измерения.

Относительно стремительно трансформации Дагестана под воздействием религиозного фактора В.Бобровников пишет:

«Последнее десятилетие XX века и начало нового тысячелетия прошли для кавказских мусульман под знаком бурного исламского подъема. Как по мановению волшебной палочки, регион из советского превратился в исламский. Резко изменился внешний облик городов и селений, само течение частной и общественной жизни. Ислам стал основой социализации детей и подростков. Открылись исламские школы и вузы. Появились исламские партии и движения разных направлений, исламская периодика и даже русскоязычный исламский Интернет».⁹³

Не только отдельные политики, но даже руководители республики начали все чаще апеллировать к исламу и признавать его существенную роль в жизни дагестанского общества. Весьма показательна, к примеру, фраза бывшего президента Дагестана М.Алиева:

---

⁹² Дополнительно по фрагментации информационных потоков см.: Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004

⁹³ Бобровников В.О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2

«Без религии нет нашей истории, и мы будем помогать нашим традиционным религиозным течениям... и укрепим в этих целях позиции Духовного управления мусульман...».⁹⁴

Учитывая данные тенденции в рамках нарастающего два последних десятилетия процесса возрождения интереса к исламу у дагестанского населения, ряд исследователей предлагает рассматривать его как продолжение многовекового процесса исламизации Дагестана. К примеру, А.Малашенко писал, что процесс исламизации Дагестана продолжается до сих пор и поэтому он склонен определять пробуждение религиозного сознания народов региона и их стремление к возрождению исламских традиций, подорванных советской властью, не как «реисламизацию», а как «доисламизацию» региона.⁹⁵

Как отмечают сами дагестанские исследователи, с момента крушения власти КПСС в 1991 г., в республике активно пошел процесс строительства и восстановления мечетей, регистрации местных религиозных общин, создания религиозных учебных заведений, выпуска религиозной литературы; дагестанские мусульмане получили возможность свободно поддерживать связи с единоверцами из других стран.

Так, на фоне 28 мечетей, существовавших в Дагестане в советские годы, показательны масштабы развития исламской инфраструктуры в постсоветские годы. По имеющейся на сайте Комитета по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями РД статистической информации, на 01.11.13 г. в Республике Дагестан функционировало 2495 исламских объединения: 1262 джума и центральных мечетей населенных пунктов, 856 квартальных мечетей, 254 молитвенных дома, 14 высших учебных заведений и 105 медресе.⁹⁶

---

⁹⁴ Цит. по работе: Шихсаидов А.Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999, № 4. С. 113

⁹⁵ Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001

⁹⁶ Информация о религиозных объединениях в Республике Дагестан на 01.11.2013 г. Сайт Комитета по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями РД // <http://komrelig.ru/informatsionnye-sistemy/233-informatsiya-o-religioznykh-ob-edineniyakh-v-respublike-dagestan-na-01-11-2013-g>

Как отмечает ряд авторов, эти цифры особенно показательны по сравнению с цифрами по другим регионам России. Так, к концу первого десятилетия 2000-х гг. в Карачаево-Черкесии действовало чуть более 100 мечетей, в Кабардино-Балкарии – около 150, в Адыгее и Краснодаре – всего 26 мечетей.⁹⁷ В.Бобровников отмечает, что возвращение ислама в общественную жизнь республики сопровождалось бурной политизацией общества. Падение однопартийной советской системы привело к появлению в Дагестане целого ряда исламских партий и движений:

«Их объединяли общие глобальные цели: восстановление религиозных свобод мусульман, возврат от государственного атеизма к исламу, объединение мусульман страны на основе шариата, а в перспективе и возрождение высокой дореволюционной исламской культуры».⁹⁸

При этом, как отмечает дагестанский исследователь К.Ханбабаев, динамичное исламское возрождение своим неизбежным следствием имело исламизацию массового сознания дагестанского общества. Для демонстрации данного процесса он приводит данные социологических исследований, проведенных среди студентов высших учебных заведений Дагестана. Согласно их итогам, в 1985-1986 гг. из 800 респондентов к верующим отнесли себя 23,6%, к неверующим - 56,8%, к атеистам - 11,4%. Уже в 2000 г. из 5300 респондентов назвали себя верующими 75,8%, неверующими - 4,7%, атеистами - 3,9%.⁹⁹

Таким образом, за прошедшие десятилетия число верующих студентов увеличилось в 3 раза, атеистов - уменьшилось в 3 раза, а неверующих - в 12 раз. Вполне естественно, что столь стремительные изменения в

---

⁹⁷ Кратов Е.В., Кратова Н.В. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике. М., 2008; Правильный ислам. В Нальчике откроется Северокавказский исламский университет // <http://07kbr.ru/2013/02/02/pravilnyj-islam-v-nalchike-otkroetsya-severo-kavkazskij-islamskij-universitet/> (Дата обращения 09.05.2024); Ханбабаев К.М. «Шариатизация» постсоветского Дагестана: мифы и реальность // Ислам и право в России. Вып. 1. М., 2004. С. 158; Бабич И.Л. Республика Кабардино-Балкария: мечети и исламские общины // Ислам и право в России. Вып. 3. С. 37; Бабич И.Л. Республика Адыгее и Краснодарский край: мечети и исламские общины // Ислам и право в России. Вып. 3. С. 84

⁹⁸ Бобровников В.О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2

⁹⁹ Ханбабаев К.М. Учащаяся молодежь Дагестана и религия // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень № 2 Комитета Правительства РД по делам религий. Махачкала, 2002. С. 77

общественном сознании жителей республики не могли не отразиться на всех сторонах жизни общества, включая и информационную.

Именно на этом этапе в Дагестане и началась та фрагментация информационного пространства, о которых пишут Е.Паленая¹⁰⁰ и А.Садчикова¹⁰¹, приведшая к замыканию отдельных информационных потоков на уровне отдельных регионов и даже социально-политических групп. В итоге данный процесс, как мы увидим далее, катализировал формирование противостоящих общественно-политических лагерей, дошедших в этом противостоянии до информационной войны друг против друга.

В принципе процесс фрагментации информационного пространства шел вслед именно тем социальным размежеваниям, о которых писали С.М.Липсет и С.Роккан, отмечая на примере стран Европы размежевание между сообществами верующих и светскими государственными и социальными институтами как одно из ключевых.¹⁰²

Причем, как уже было отмечено выше, эти авторы ввели в свои труды понятие "критической точки" или "критического события", под которым они понимали событие, в котором выразилась сущность раскола.¹⁰³ Вполне очевидно, что для изучаемого раскола дагестанского общества и последующей фрагментации информационно-идеологического пространства таким «критическим событием» стал распад Советского Союза и полный обвал прежних политико-идеологических конструкций.

Сам процесс фрагментации информационного пространства Дагестана в его светско-религиозном сегменте начался со стремительного роста печатных СМИ религиозного содержания. В разные годы в республике печатались газеты «Исламские новости», «Свет ислама», «Мусульманская

---

¹⁰⁰ Паленая Е.М. Тенденции трансформации информационного пространства современного Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2004

¹⁰¹ Садчикова А.С. Локальное информационное пространство как фактор становления гражданского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов, 2013

¹⁰² Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С.210

¹⁰³ Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С.210

газета», «Ассалам», «Исламский вестник», «Исламская молодежь», журналы «Ислам», «Мусульманская цивилизация». Многие из этих изданий выходят сразу на всех языках народов Дагестана. Также в Дагестане за все последние годы растут объемы завозимой в республику и публикуемой на месте религиозной литературы, причем не только на русском, но и на арабском, турецком, персидском, английском и на всех языках Дагестана.¹⁰⁴

Кроме печатных медиа, дагестанские мусульмане активно осваивают и электронные СМИ. На республиканском телевидении Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) два раза в неделю проводит религиозную передачу «Мир вашему дому» на русском языке. Кроме того, в республике существуют десятки частных телевизионных каналов городского и районного уровней, на которых количество религиозных программ не поддается исчислению.

Среди электронных сайтов, наиболее влиятельных на поле мусульманского просвещения в Дагестане, стоит назвать сайты www.islam.ru, www.islamdag.ru, www.assalam.ru, www.nurul-islam.ru, www.al-azhar.ru, www.islamcivil.ru, www.salaf.ru и другие. Как отмечают эксперты, за последние десятилетия, «исламские СМИ Дагестана заняли свою прочную нишу в информационном пространстве и вносят существенный вклад в пропаганду исламской идеологии, этики, культа и образа жизни».¹⁰⁵

Таким образом, очевидно, что с середины 80-х гг. XX в. все возрастающую роль в политической, общественной жизни и национальных отношениях в Дагестане играет религиозный фактор. Все активнее религиозное сознание в республике выступает как средство возрождения и развития религиозного самосознания населения.

В республике сформировалась большая группа мусульманского духовенства, активно пропагандирующая исламские ценности и отстаивающая свои корпоративные интересы. Активно участвуя в

---

¹⁰⁴ Вайс М. Исламское государство: Армия террора. М., 2016. С. 19

¹⁰⁵ Ислам и исламизм в Республике Дагестан: история и современность // www.i-r-p.ru/download/key-25289/file-files5/.../4.1.doc

общественной жизни, они во многом определяют критерии духовно-нравственного развития дагестанцев, особенно сельского населения.

Как писал дагестанский исламовед К.Ханбабаев, как следствие фрагментации информационно-идеологического пространства республики, в формировании общественного сознания дагестанцев за последние 15 лет огромную роль стал играть исламский фактор, проявляющийся в двух аспектах:

- во-первых, через расширение и углубление религиозного убеждения людей, приобщения их к глубинным, содержательным вопросам веры, Корана, других вероучительных источников ислама;

- во-вторых, интересом к обрядовым сторонам ислама, вызванным возрождением ислама в республике.

В общественном сознании дагестанцев повысился престиж мусульманских организаций. Исламские организации осуществляют свою деятельность в самых различных сферах – в распространении исламского вероучения, в области образования, культуры, благотворительной, общественно-политической.¹⁰⁶

Сегодня ислам уже воспринимается дагестанцами как носитель общечеловеческих духовных ценностей, существенный элемент культурного наследия дагестанских народов. В современных условиях в общественном сознании дагестанцев утвердилось мнение о том, что ислам является не только формой общественного сознания, но и носителем нравственных общечеловеческих ценностей, составной частью культурного наследия, одним из существенных факторов, формирующих национально-этническое сознание дагестанцев.¹⁰⁷

Все это свидетельствует о широком возрождении ислама и исламских ценностей в современном Дагестане, который, по словам профессора,

---

¹⁰⁶ Ханбабаев К.М. Исламская тематика в светских и исламских СМИ Дагестана // <http://dargo.ru> (Дата обращения 09.05.2024)

¹⁰⁷ Аликберов А., Бобровников В., Бустанов К., Кемпер М. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 1-е изд. 2018. 2-е исправл. и дополн. изд. М.: ИВ РАН, 2019. С. 253

эксперта Государственной Думы РФ К.Султанова, «остается центром мусульманского просвещения, духовным оплотом ислама на Кавказе».¹⁰⁸

Информационное пространство Дагестана на фоне этих бурных процессов возрождения мусульманских практик, а также параллельного оформления религиозно-идеологических лагерей стремилось ко все большей фрагментации. По оценкам российских экспертов, это был период «дезинтеграции информационного пространства Северного Кавказа». И происходила эта дезинтеграция усилиями радикально настроенных этнополитических и религиозных элит на производство и воспроизводство этнокультурной, религиозной и историко-политической информации, на утверждение обособления и локализации этнических и религиозных групп друг от друга и на выстраивание дистанции между народами региона и российским центром.¹⁰⁹

Оттого в информационном пространстве умеренных мусульманских общин в Дагестане, как следствие дальнейшей фрагментации и дезинтеграции, шло формирование и параллельного информационного пространства – радикальных мусульманских общин и групп. Дополнительными катализаторами в их радикализации и переходе на откровенно экстремистские и антигосударственные позиции служили растущее влияние на эти общины зарубежных спонсоров и проповедников, а также разрушительных по своим последствиям двух военных компаний в соседней Чечне.¹¹⁰ Еще, до разгрома вторгшихся из Чечни на территорию Дагестана боевиков под предводительством Хаттаба и Ш.Басаева в 1999 г. в республике выходили газеты радикальных общин «Путь ислама», «аль-Муджахид», «ар-Райа аль-Исламийа», «Халифат». Это были издания,

---

¹⁰⁸ Ханбабаев К. М. Исламская тематика в светских и исламских СМИ Дагестана // Собрание трудов «Южнороссийское обозрение». Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 19

¹⁰⁹ См., например: Паленая Е.М. Тенденции трансформации информационного пространства современного Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2004; Рева Е.К. Особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: Межнациональный аспект. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2015;

¹¹⁰ Вайс М. Исламское государство: Армия террора. М., 2016. С. 32

призывающие к свержению светской власти и установлению на Кавказе исламского правления.

После их ликвидации в 1999 г., радикальные проповедники начали активно осваивать Интернет. На тот момент пропагандистскую работу на верующих региона вели два основных ресурса – сайт чеченских сепаратистов www.kavkazcenter.com¹¹¹, который пытался занять нишу ключевого рупора «кавказского джихада», а также сайт карачаевских боевиков www.camagat.com¹¹² – первый влиятельный информационный ресурс нечеченских боевиков. Это если не принимать в расчет огромное количество иных сайтов, созданных чеченскими сепаратистами, но не игравших такой роли в интернационализации¹¹³ вооруженного сопротивления на Кавказе, как эти два ресурса.

Отдельно стоит отметить появившиеся после сайты диверсионно-террористических группировок дагестанских боевиков www.jamaatshariat.com¹¹⁴ и www.vdagestan.com¹¹⁵. Кроме этих сайтов были созданы такие менее известные сайты дагестанских салафитов, сочувствующих или напрямую оказывающих поддержку боевикам, как www.badrcenter.org¹¹⁶, www.azannews.com, www.ummanews.com, www.zamanaonline.com и другие.

На видеосерверах, в первую очередь на видео сервисе YouTube, уже в те годы было выложено огромное количество видеоматериалов радикального

---

¹¹¹ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистский материалов Министерства юстиции РФ

¹¹² Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистский материалов Министерства юстиции РФ

¹¹³ В данном исследовании мы опираемся на определения понятия «интернационализация конфликта», приведенном в работах отечественного исследователя Е.Степановой. Она пишет, к примеру, что под «интернационализацией» следует понимать не только прямое вмешательство сил иностранного государства/государств на стороне одного из участников внутреннего конфликта, но и весь комплекс международных усилий по внешнему регулированию конфликта (в том числе под предлогом посредничества между противоборствующими сторонами). См.: Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2020. Т. 64. № 6. С. 22–37

¹¹⁴ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистский материалов Министерства юстиции РФ

¹¹⁵ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистский материалов Министерства юстиции РФ

¹¹⁶ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистский материалов Министерства юстиции РФ

и экстремистского характера. По оценкам многих экспертов, эти серверы стали тем полем, на котором радикалы долгие годы переигрывали умеренных проповедников. Кроме сайтов активность по продвижению тех или иных идей активно ведется через интернет-форумы, чаты и социальные сети, такие как www.odnoklassniki.ru, www.vkontakte.ru и другие.

Активно осваивали радикальные проповедники и вполне легальные интернет-площадки - такие, как Форум дагестанской оппозиционной газеты «Черновик» www.chernovik.net/forums, и Форум Дагестанского государственного университета www.forum.dgu.ru. На этих форумах республиканского значения долгие годы велась активная пропаганда салафитских и экстремистских идей через перепечатку и размещение проповедей и статей салафитских проповедников, цитат из воззваний боевиков, шли активное обсуждение и пропаганда экстремистских идей.¹¹⁷

Поскольку в текущем идеологическом конфликте в Дагестане, кроме суфиев и салафитов принимали участие и другие стороны – представители официальных властей, светской интеллигенции и административно-политической номенклатуры, то стоит уделить внимание и их позициям. Поскольку в динамике фрагментации информационного пространства в республике, светский общественно-политический лагерь сначала неуклонно терял свое влияние, а затем также неуклонно восстанавливал после изменения российской политики в отношении Чечни и НВФ с приходом к власти В.В. Путина.¹¹⁸

В распоряжении государственных властей Дагестана находились государственные и республиканские каналы ГТРК «Дагестан», РГВК «Дагестан», ТВ «Махачкала», радио и газеты на национальных языках «Хакикат» (аварский язык), «Замана» (даргинский язык), «Ёлдаш» (кумыкский язык), «Лезги газет» (лезгинский язык) «Илчи» (лакский язык) и др., официальное издание «Дагестанская правда», муниципальные и

¹¹⁷ Вайс М. Исламское государство: Армия террора. М., 2016. С. 27

¹¹⁸ См. например: Ланда К. Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. Махачкала, 2009; Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М., 2016

районные издания, Республиканское информационное агентство «Дагестан», целый ряд правительственных и муниципальных и сайтов.

Даже при таком количестве государственных, прогосударственных и умеренно-исламских СМИ, им долгое время не удавалось приглушить наращивавшую свою эффективность пропагандистскую активность радикальных и экстремистских медиа-ресурсов. Данный факт был обусловлен многими факторами, о ряде из которых будет сказано в последующих параграфах исследования.

В данном же параграфе на основе подходов зарубежных и отечественных исследователей отмечается, что в дагестанском обществе социальный раскол между светской и религиозной частью общества, а также последующая фрагментация информационного пространства стали ключевыми в череде социальных расколов постсоветского периода.

2.2. Оформление линий информационно-идеологического противостояния сторон религиозно-политического конфликта в постсоветском Дагестане

Уже в первое десятилетие после краха Советского Союза под влиянием системного социально-политического кризиса в стране, серии этнополитических конфликтов, религиозного бума, начала боевых действий в Чечне и других факторов кардинальной трансформации подверглось как общественное сознание жителей республики, так и их социально-политическое поведение, предпочтения, а также идеологическое и информационное пространство Дагестана.

Одновременно с этим процессом в республике шел процесс формирования линий идеологического раскола и информационного противоборства между различными общинами верующих, между лагерем верующих и светских дагестанцев, а также между радикальным мусульманским лагерем и официальными властями республики.¹¹⁹

Несомненно, плюрализм и множественность идей и ценностей - основа современного демократического общества. Тем не менее, это нисколько не мешает приверженцам некоторых идеологий противостоять другим идеологическим системам, бороться за расширение своего идеологического пространства, за овладение умами представителей других культур и субкультур, тем самым, осуществляя идеологическую экспансию. Подобное соперничество идеологий принято в науке называть конфликтом (противоборством, войной) идеологий.

Здесь было бы полезно вернуться к концепции С.М.Липсета и С.Роккана о «структурах раскола» для понимания того, каким образом эти линии раскола приобретали идеологическое обоснование и звучание. Авторы вводят понятие "идеологический раскол", который описывает логику

---

¹¹⁹ Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов-на-Дону, 2016

перехода социальных расколов в идеологическую сферу. Так, согласно им, упоминавшийся нами выше раскол в западноевропейском обществе по линии «село-город» оформился с зарождением идеологической дихотомии «консерватизм-либерализм».

Раскол общества между классами и нарастание классовой борьбы привели к идеологическому расколу «левые-правые» в политическом спектре Западной Европы, и т.д. Именно возникновение подобных идеологических расколов вслед за расколами социальными приводило по линиям расколов к зарождению в политическом поле структур, борющихся за интересы собственных социальных и политических групп.

Например, по линии раскола «центр-периферия» возникли политические партии на этнической и языковой основе; по линии раскола «село-город» – консервативные, либеральные и аграрные партии; по линии раскола «рабочие-собственники» – социалистические партии. Наконец, по линии раскола «церковь-государство», согласно С.М.Липсету и С.Роккану, возникли партии религиозные.¹²⁰

Из-за этого в момент закладывания конфликтогенных противоречий и все большего напряжения межобщинных отношений в Дагестане каждая из сторон формирующегося конфликта оперировала только своим видением конфликтной ситуации, имела на этот счет свои исторические и идеологические версии возникновения подобной ситуации.

При этом историческое и идеологическое обоснование своих претензий "выстраивалось в значительной мере таким образом, что предопределяло желательные ответы на вопросы об "исконности", "справедливости" претензий, исторических обид и новых идеологических притязаниях сторон конфликта.¹²¹ Эти построения есть идеологическое подспорье реальных или

---

¹²⁰ Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С.215

¹²¹ См., например: Эффендиева Д.А. Чеченские события и Дагестан: последствия и исторические уроки. Махачкала, 2002. С. 11; Иванов В. Вторая чеченская. Исторический портал. М., 2018. С.5

иллюзорных интересов», - пишет А.Цуциев, рассматривая закладывание линий противостояния в осетино-ингушском конфликте.¹²²

Позволив себе развитие положений А.Цуциева применительно к религиозно-политическому конфликту в Дагестане, отметим, что конфликтующие стороны в Дагестане при идеологическом обосновании своих интересов оперировали, чаще всего, такими категориями как:

- Традиционность или нетрадиционность той или иной версии ислама для Дагестана.
- Соответствие или несоответствие той или иной обрядовой практики образу жизни и заповедям пророка Мухаммада.
- Степень лояльности или враждебности той или иной религиозной общины официальным властям Дагестана.
- Ориентация на мирные или насильственные методы достижения целей той или иной религиозной общины.

При этом, в момент оформления линий размежевания и начинающегося противоборства, механизм формирования образа контр-группы в конфликте был основан на замене положительных черт и характеристик противостоящей группы или общины на негативные, отрицательные. Так "гордый" превращается в "высокомерного", "храбрый" – в "жестокого", "предприимчивый" – в "пронырливого" и "коварного" и т.д.¹²³

Как отмечает В.А.Шнирельман, условия описанных выше общественных потрясений начинали подталкивать потенциальных участников конфликта к ускоренному определению собственной идентичности через «воссоздание якобы традиционной культуры из самых разных компонентов, включая и традиционные, но по-новому переосмысленные». Этот процесс больше напоминает «изобретение традиции», когда в поисках своей «подлинной культуры» этнос осваивает и

---

¹²² Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992-...): его предыстория и факторы развития. М., 1998. С. 83

¹²³ См.: например: Эффендиева Д.А. Чеченские события и Дагестан: последствия и исторические уроки. Махачкала, 2002. С. 11

интериоризирует миф о «традиционной культуре». Люди, живущие в мифе, особенно склонны к стереотипизации окружающего мира, навязываемой им таким мифом, предлагающим четкое деление на «своих» и «чужих». ¹²⁴

При этом, как отмечает исследователь, обе группы описываются в терминах «традиционной культуры» и ее «ценностей», которые на самом деле существуют только в воображении людей, ибо в реальной современной жизни они пользуются совсем другой культурой и руководствуются совсем иными ценностями. Примечательно, как продолжает В.А.Шнирельман, что сами люди таких разительных противоречий чаще всего не осознают. Понятия «культура» и «ценности» служат им идеальным образом, позволяющим при необходимости с легкостью отличать «своих» от «чужих» и сплачиваться против последних. ¹²⁵

При этом, как отмечал еще Г.Зиммель, если стороны в конфликте осознают себя выразителями надличностных устремлений, борющимися не за себя, а исключительно за правое дело, то это может придать столкновению радикальный и безжалостный характер. ¹²⁶ Ту же самую мысль приводил и Л.Козер:

«Осознание себя борцом за надличностную "истину" или систему ценностей углубляет непримиримость обеих сторон...». ¹²⁷

Именно такая ситуация и наблюдалась в религиозно-политических конфликтах в Дагестане, где каждая сторона идентифицировала себя с общиной, единственно придерживающейся истинного пути, обделенной в прошлом и стремящейся восстановить свои поправленные права.

Вполне естественно, что цели возрождения былого величия и возрождения «истинного ислама» за счет контр-группы воспринимались как благородные и «святые», что ни в коей мере не способствовало диалогу

---

¹²⁴ Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.7

¹²⁵ Там же

¹²⁶ Simmel G. Conflict. Glencoe, 1955. P. 39

¹²⁷ Козер Л.А. Основы конфликтологии. СПб, 2001. С. 116

сторон зарождающегося конфликта и в принципе не могло порождать у этих сторон готовности пойти на какие бы то ни было уступки. Конфликт, таким образом, стремительно перерастал в свою открытую фазу.

Для того, чтобы понять суть их разногласий, анализ которых и станет одним из ключевых пунктов данного исследования, предстоит отследить вкратце историю и логику усугубления этих разногласий и идеологического раскола в среде дагестанских мусульман через контент-анализ официальных заявлений и деклараций сторон.

Что касается позиций противоположных позиций и взаимных оценок, которые сформировали линии размежевания и последующего противостояния представителей дагестанских версий ислама, то глава ДУМ Дагестана, муфтий А.Абдуллаев относительно своих идеологических оппонентов и конкурентов в лице салафитских общин заявлял, что:

«Мы не должны допустить в наш дом – Дагестан - экстремизм ни под каким видом, будь то чуждая нам ваххабитская идеология или всякая смута, которая несет нам горе и проблемы. Дагестанский народ был свидетелем того, что любое экстремистское вторжение является большой бедой для всех нас».¹²⁸

Очень важно для понимания архитектуры и логики религиозно-политического конфликта в Дагестане следующее заявление муфтия:

В: «В чем, по-Вашему, зло идеологии ваххабизма?»

А.Абдуллаев: «Если ислам – это милосердие, мир, спокойствие, уважение и благородство, то все противоположное этому есть ваххабизм».¹²⁹

Далее А.Абдуллаев прямо подчеркивает, что:

«Главной целью ваххабизма является захват власти. Для достижения этой цели используются любые методы... О каком исламе может идти речь среди бандитов, которые с оружием в руках нападают на безоружных детей, стариков и женщин? Люди, знакомые с исламом, не совершают преступлений, они хорошо знают, что за каждое свое деяние надо будет держать ответ перед Всевышним в день Великого суда.

¹²⁸ Интервью с муфтием. Просвещение - наше главное оружие // Ислам. Духовно-просветительский журнал. No 1 (1). Январь-февраль, 2002. С.5-6

¹²⁹ Там же

Тем не менее, всегда будут люди, стремящиеся причинить вред исламу, неважно, ваххабиты это, террористы или еще кто-то еще. Поэтому мусульмане должны быть бдительны».¹³⁰

О неприятии суфийской общиной республики салафитской идеологии говорил и заместитель муфтия Дагестана А. Тагаев.

«Наши мнения с ваххабитами по многим теологическим вопросам расходятся кардинально».¹³¹

Но при этом, защищая тарикат (суфийский путь в исламе – авт.) от нападков на него оппонентов из салафитского лагеря, муфтий А. Абдуллаев, отмечает, что:

«Из-за бараката (религиозной благодати – авт.) тариката в Дагестане нет на постсоветском пространстве такого чистого и совершенного ислама».¹³²

А. Абдуллаев также выступал против насильственного насаждения шариата в Дагестане и считал, что для создания исламского государства «сегодня нет необходимых условий». Но при этом он убежден, что «ислам может объединить народы, укрепить их дружбу, сделать их братьями в полном смысле слова».¹³³

Что касается салафитского лагеря в Дагестане, то в нем оформилось, как умеренное, так и радикальное крыло. Наиболее ярко позиции умеренных салафитов отстаивал признанный лидер этого направления А.-К. Ахтаев. Он выступал против развала Советского Союза и отвергал насильственный путь внедрения исламской идеологии. Наиболее известный лозунг салафитов о необходимости возврата к первоначальным, чистым основам ислама он пытался примирить с ценностями современного мира:

---

¹³⁰ Интервью с муфтием. Просвещение - наше главное оружие // Ислам. Духовно-просветительский журнал. No 1 (1). Январь-февраль, 2002. С.5-6

¹³¹ Спор мусульман между собой // Независимая газета. 21.08.1999

¹³² Абдуллаев А.-Х. Что такое тарикат? // Алим и ученые против ваххабизма. Сб. ст. Махачкала, 2001. С. 15

¹³³ За права верующих, но против экстремизма // Молодежь Дагестана. 19.09.2003. С. 39

«Ислам никогда не был врагом науки и прогресса. И если мы призываем к возврату в первые века ислама – это может означать только состояние духа, а никак не разрушение современных форм производства...».¹³⁴

В отличие от радикальных салафитов, А.-К.Ахтаев призывал к диалогу с представителями других мусульманских общин. По поводу своего отношения к суфиям он заявлял:

«Вопросы суфизма и тариката очень тонкие, и я готов сесть за круглый стол с мусульманами, принадлежащими к различным направлениям в исламе, ради согласия и взаимопонимания».¹³⁵

Если умеренные салафиты признавали существующую власть и ограничивались богословской критикой и полемикой с лидерами суфизма, то радикальные салафиты начали открыто обвинять их в неверии и ставить перед собой цели вооруженной борьбы с правящим режимом, низложения светской власти в Дагестане и установлении шариатского правления.

Так, один из лидеров радикального салафитского крыла М.Багауддин писал:

«Ислам – лучший строй. А другие строи – строи сатаны... Мы воюем с гяурами (неверующими – авт.), и гяуры воюют с нами постоянно. Сегодня они обладатели силы и обладатели многочисленного оружия, но мы - обладатели имана (веры – авт.), поэтому мы непременно победим, у нас - Аллах, а у них - сатана. Аллах всемогущ, а сатана слаб».¹³⁶

По поводу суфийского направления в исламе еще в 1989 г. М.Багауддин публично заявлял, что тарикат – ошибочная теория и начал открытую борьбу против него. В своих многочисленных выступлениях,

---

¹³⁴ Сверяя время с первоисточником. Председатель редакционного Совета журнала «Мусульманская цивилизация» Ахмад-Кади Ахтаев отвечает на вопросы читателей // Мусульманская цивилизация. No 2. Февраль, 1995. С. 103

¹³⁵ Ахтаев А. Суфий должен быть политиком // Ат-таухид. No 1. 1994. С. 17

¹³⁶ Багауддин М. Учебник арабского языка. Первый год обучения. М., 1992. С. 152

записанных на видео- и аудиокассетах, М.Багауддин критиковал суфийских шейхов, называя их «раковой опухолью» и «язвой в исламе».¹³⁷

В этом случае видно, как срабатывает механизм создания в назревающем конфликте образ контр-группы через приписывание ей негативных черт. М.Багауддин обвиняет суфийских шейхов в переходе в вопросах веры и поклонения к неверию, искажению ислама, привнесению в него недозволенных новшеств.¹³⁸ В вопросах общественно-политических салафиты также декларируют в корне отличающиеся от суфиев позиции.

Так, М.Багауддин заявлял:

«Истинный мусульманин может быть покорен только законам Аллаха!.. Я не принимаю и не подчиняюсь ни одному российскому закону. А если дагестанцы не хотят жить по закону Аллаха, то мы будем принимать конкретные меры... А мы, воины Аллаха, обязаны донести его слово... А пока они (дагестанские милиционеры – авт.) живут по российским законам – они для нас неверные...».¹³⁹

В вопросах джихада, радикальное крыло салафитов не ограничивалось трактовками суфиев и умеренных салафитов о том, что «джихад – это духовное самосовершенствование». Напротив, они открыто заявляли, то джихад – это борьба за распространение и установление ислама во всем мире, в том числе и вооруженным путем.¹⁴⁰

Таким образом, контент-анализ заявлений и деклараций сторон демонстрирует в каких именно формулировках шло выстраивание конструкции религиозного конфликта между мусульманскими общинами Дагестана. Более того, в отличие от предыдущих исторических периодов, в данном случае конфликт выстраивался прямо на глазах у всего остального дагестанского общества – на страницах периодических изданий и даже на экранах республиканского телевидения.

---

¹³⁷ Нурмагомедов С. Долгая дорога в Рай «шейха» Багаутдина кочераги // Молодежь Дагестана. No 40. 01.10.1999

¹³⁸ Мухаммад Б. Намаз. 2-е изд. М., 1999. С. 6

¹³⁹ Кожаева Э. Амир Багаудин: «Нападение я одобряю» // Молодежь Дагестана. 18.06.1999. С. 5

¹⁴⁰ Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000

При этом, из приведенных выше цитат со всей очевидностью вытекает вывод о начавшейся политизации религиозного изначально конфликта, и превращении его в конфликт религиозно-политический, поскольку одна из общин – радикальное крыло салафитского лагеря начало открыто выставлять политические требования, подрывать легитимность властей и призывать к свержению конституционного строя в республике.¹⁴¹

В постепенном нарастании напряженности между мусульманскими общинами и официальными властями Дагестана предельно ясная картина для наблюдателя вырисовывалась только в части отношений властей и радикальной части салафитского лагеря. Поскольку между ними, если не учитывать попыток дагестанских властей лавировать между сторонами чисто религиозного тогда еще конфликта в 1990-х гг., развитие конфликта и противостояния привело к продолжающемуся и до сего дня силовому противоборству и попыткам физически уничтожить противоположную сторону. Что касается отношений дагестанских властей с суфийским полем и находящимся под влиянием одной из суфийских общин муфтиятом, то отношения здесь намного сложнее и труднее поддаются описанию.

Следует отметить, что дагестанское духовенство по сравнению с работниками ДУМ остальных республик Кавказа, намного более независимо и самостоятельно. При том, что в других республиках, даже таких исламизированных, как Чечня и Ингушетия, главы ДУМ целиком ориентируются на правящую верхушку. Примерами тому были случавшиеся в истории противостояния ДУМ Дагестана и правительственных структур, а также случаи перехода дагестанского духовенства в открытую оппозицию властям.

Так, российский востоковед Д.Макаров напоминает, что открытый переход ДУМД на сторону оппозиции в августе 1998 г. серьезно подорвал доверие политической элиты тех лет к руководству муфтията. После этого

---

¹⁴¹ Ланда К. Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009; Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов / Под ред. Добаева И.П. Москва – Ростов-на-Дону, 2016

случая дагестанские власти, судя по всему, избрали тактику сдерживания и нейтрализации ДУМ Дагестана как одного из центров силы.¹⁴²

Как пишет российский кавказовед Р.Курбанов, несмотря на сложные отношения с ДУМ Дагестана, республиканские власти, до событий 1999 г. пытавшиеся поддерживать отношения с различными ветвями тариката, впоследствии сделали ставку только на общину суфийского шейха Накшбандийского и Шазилийского тарикатов Саида-афанди Чиркейского (Ацаева), которая и контролировала дагестанское Духовное управление.¹⁴³ Последовавшие за этим попытки чиновничьего корпуса подчинить весь массив дагестанских мусульман представителям одного из исламских направлений в Дагестане и вызывали сопротивление со стороны верующих остальных направлений ислама в Дагестане.¹⁴⁴

Однако, на взгляд многих экспертов, данная ставка властей Дагестана только на одно из направлений ислама в республике серьезно изменила расклад сил на дагестанском религиозном поле. При этом данная ставка была расценена последователями Саида-афанди Чиркейского, как доказательство перехода властей на их сторону в нарастающем идеологическом, теологическом и доктринальном противостоянии с другими направлениями ислама в Дагестане. Официальное духовенство взяло на себя задачу обеспечения религиозно-идеологической поддержки правительства перед лицом нападков радикальных салафитов, которые, обвиняя руководителей республики в неверии (куфр), считали возможным вести против режима вооруженный джихад и активно содействовать объединению Дагестана с "исламской" Чечней, вышедшей де-факто из-под влияния Москвы.

Так, в Заключении Совета алимов (ученых-богословов) ДУМ Дагестана от 28 июля 1998 г. говорилось, что хотя правители республики и не следуют установлениям шариата, но все же открыто не отрицают ислама и поэтому являются не безбожниками (кафирами), а лишь грешниками (фасиками),

---

¹⁴² Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000

¹⁴³ Курбанов Р.В. Блеск и нищета официального ислама в Дагестане: опыт, ошибки, уроки. Религия и СМИ // <http://www.religare.ru/article12784.htm> (Дата обращения 09.05.2024)

¹⁴⁴ Там же

вести джихад против которых запрещено.¹⁴⁵ Подход официального духовенства к проблеме джихада против правительства соответствовал одному из важных принципов мусульманского права: во избежание кровопролития допустимо поддерживать даже несправедливого правителя.¹⁴⁶

Ярко выраженную патриотическую позицию заняло официальное духовенство и в ходе вторжения в Дагестан отрядов Ш.Басаева и Хаттаба в августе-сентябре 1999 г. Руководители ДУМ Дагестана решительно осудили вторжение, заявив о недопустимости рассматривать его как джихад. Они призвали всех мусульман встать на защиту родины и веры, и даже призвали возносить молитвы за успех федеральных сил, сражающихся с боевиками Басаева.¹⁴⁷

Тем не менее, как писал дагестанский исламовед К.Ханбабаев, несмотря на все процессы бурного религиозного возрождения, уже к концу 1990-х гг. стало предельно очевидным, что ислам в республике так и не стал консолидирующим верующих фактором, усилились разногласия, как среди мусульманского духовенства, так и среди верующих. К разделению по национальному признаку в последнее время прибавился и раскол верующих на разные течения, приведший в ряде случаев к массовому противостоянию и кровопролитию. Год за годом углублялись противоречия между лагерем истово верующих, исламскими политическими структурами, государством и обществом в целом. Сложилась ситуация, когда общество и государство придерживаются светского устройства, а мусульманские общины выступают за создание в Дагестане исламской модели общества и даже государства, хотя и с некоторыми оговорками.¹⁴⁸

При этом, со слов дагестанского кавказоведа Э.Кисриева, на протяжении всего периода зарождения и эскалации конфликта происходило следующее:

---

¹⁴⁵ Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000

¹⁴⁶ Там же

¹⁴⁷ Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов-на-Дону, 2016

¹⁴⁸ Ханбабаев К. М. Исламская тематика в светских и исламских СМИ Дагестана // Собрание трудов «Южнороссийское обозрение». Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 19

«Подавляющее большинство населения Дагестана считало и считает, что исламская активность должна оставаться в строгих и известных границах, выполняя функции удовлетворения сугубо религиозных, ритуальных потребностей, но не распространяться и, тем более, не подчинять себе сферы гражданской и общественно-политической жизни, правового порядка и всей сферы духовных предпочтений современного человека в областях науки, культуры и идеологии».¹⁴⁹

Он же утверждает, что конфликт дагестанского общества с мусульманскими общинами республики, будь то официальные или неофициальные, возникал только в тех случаях, когда ревностные верующие стремились расширить сферу своего влияния и контроля за счет государства или светского общества.¹⁵⁰

Действительно, конфликт, обретающий каждый год новую степень сложности, вовлекающий все более широкие круги дагестанского населения, не мог оставить равнодушным дагестанское общество. Первой общественной группой, открыто начавшей вмешиваться в разворачивающееся противостояние, стала светская научная интеллигенция республики, сформировавшаяся еще в советские годы.

Тем не менее, если в советский период к этой группе интеллигенции относилось большинство дагестанских ученых, творческих работников, то в исследуемый период они уже составляли уже не столь значимую часть дагестанской интеллигенции в силу появления огромного разнообразия иных позиций и отношений к религии в постсоветском Дагестане.¹⁵¹ Таким образом, нарастающая фрагментация информационно-идеологического пространства Дагестана стала пролегать уже не только через религиозные общины, но и сообщества светской интеллигенции республики.

Следует отметить, что светская интеллигенция постсоветского Дагестана также оказалась неоднородной в своем отношении к

---

¹⁴⁹ Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // http://www.portal-credo.ru/site/?act=press&type=list&press_id=315 (Дата обращения 09.05.2024)

¹⁵⁰ Там же

¹⁵¹ Ханбабаев К. М. Исламская тематика в светских и исламских СМИ Дагестана // Собрание трудов «Южнороссийское обозрение». Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 19

возрастающей роли ислама, а также к нарождающемуся на их глазах религиозному конфликту.

Часть светских ученых открыто выступала против всяких форм открытого проявления религиозности. Очень емко их отношение к происходящим процессам выразил доктор философии, преподаватель ДГУ С.Муслимов. Он писал об изменениях последних лет:

«Воинствующий дух клерикалов создал в духовной жизни республики такую атмосферу, при которой прекратились всякие дискуссии между наукой и религией, осуществляется односторонняя пропаганда религиозных ценностей, на нет сведена критика религиозного миропонимания, небезопасным стало публичное высказывание атеистических убеждений».¹⁵²

Данная часть светских ученых не ограничивалась критикой клерикалов, но и била тревогу по поводу роста насилия в республике и призывала противоборствующие стороны к миру. Так, известный в республике религиовед М.Вагабов писал:

«Главная задача верующих и неверующих на сегодняшний день – это поменьше щеголять вывесками «атеизм» или «религия», а всем вместе, сообща преодолеть грозящий обществу социально-экономический и идейный крах».¹⁵³

Другая часть светской интеллигенции готова была смириться с растущей религиозностью дагестанцев. Но при этом и они били тревогу по поводу разгорающегося конфликта и призывали стороны образумиться. Так, главный редактор газеты «Молодежь Дагестана» Г.Абашилов, утверждавший, что он является «сторонником просвещенного ислама», заявлял:

«Одна из самых больших опасностей для мира и благополучия в Дагестане таится именно в противостоянии тарикатистов и ваххабитов. Люто ненавидя друг друга, не высказывая ни малейшего

---

¹⁵² Муслимов С.Ш. Эволюция и состояние свободомыслия в современном Дагестане // Наука и социальный прогресс Дагестана. (Материалы 3-й республиканской конференции, посвященной памяти Х.М.Фаталиева, 23-24 января 1995 г.). Т.1. Махачкала, 1997. С. 60

¹⁵³ Вагабов М.В. Изучение ислама – на научную основу // Народы Дагестана. Республиканский общественно-политический журнал. № 2. 1999. С.37

намерения найти точки соприкосновения и пойти на разумные компромиссы, они, вольно или невольно, приближают ситуацию к серьезнейшему конфликту».¹⁵⁴

Находились среди дагестанской интеллигенции и те, кто, критикуя ожесточенные взаимные нападки суфиев и салафитов, тем не менее, выступали с резкими заявлениями в поддержку исламской общественной и даже политико-правовой системы. Так, преподаватель ДГУ, историк С.Асиятилов, учредивший даже в свое время Исламскую демократическую партию Дагестана, заявлял:

«Каждый мусульманин мечтает о том дне, когда в его стране будет установлен исламский порядок, и его будет судить не двуглавый орел, а шариатский суд».¹⁵⁵

Таким образом, можно отметить, что даже включившаяся в развивающийся конфликтный дискурс научная и творческая интеллигенция Дагестана не смогла ни показать должного единства в своем отношении к нарастающей религиозности дагестанцев, ни мобилизовать остальную часть дагестанского общества на удержание сторон конфликта от насилия.

Вместо этого в дагестанском общественном, идеологическом и информационном пространствах утвердилась еще одна линия размежевания, раскола и взаимного отчуждения – между верующими и неверующими. Тому послужили совершенно противоположные позиции относительно фундаментальных принципов обустройства современного общества и государства, относительно принципов развития республики, на которых стояла светская и исламская части дагестанского общества, а также непреодолимые противоречия внутри самого исламского пространства.¹⁵⁶

Приходится констатировать, что существующие на сегодняшний день в общественном и политическом пространстве республики идеологии – светская и исламская противоречат друг другу в своих фундаментальных

---

¹⁵⁴ Абашилов Г. Караван. Махачкала, 1998. С. 33

¹⁵⁵ Асиятилов С.Х. Ислам спасет будущее Дагестана. Махачкала, 1999. С. 7

¹⁵⁶ Ланда К. Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009; Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М., 2016

принципах и положениях. К примеру, утверждение о том, что единственным источником власти является народ – в светской политической идеологии, и обратное утверждение о том, что единственным источником власти является Бог – в системе исламского вероубеждения, будучи привнесенными в сферу практического политического поведения приводят не просто к общественно-политическому конфликту, но к расколу во всех сферах дагестанского общества.¹⁵⁷

Идеологический раскол между светской частью общества и верующими предельно очевиден и понятен. Особенно учитывая значительную инерционность светского, секуляризованность и даже атеизм общественного сознания значительной части дагестанцев, состоявшихся именно в советские годы. Также, учитывая невероятное рвение и безудержность в проповеди, социальной и политической экспансии другой части дагестанцев – убежденно верующих и соблюдающих мусульман.

Весьма справедливым в отношении этих процессов на данном этапе развития дагестанского конфликта нам представляется замечание академика В.А.Тишкова, который на основе анализа всех постсоветских конфликтов конца XX века отмечал их общую черту:

«Во всех случаях имела место настойчивая и осознанная индоктринация рядовых участников конфликта» в пользу внутригрупповой солидарности и вооруженной борьбы как средства решения накопившихся противоречий.¹⁵⁸

По итогам данного параграфа, посвященного оформлению линий взаимного отчуждения и информационно-идеологического противостояния, как в религиозном, так и в светском сообществах республики, отметим, что на момент эскалации религиозно-политического конфликта в Дагестане ни одна из общественных сил – ни мусульманская, ни светская – не смогла

---

¹⁵⁷ Рашидов С.Ф. Конфликт исламских идентичностей в современном Дагестане. Измаил, 2019. С. 116

¹⁵⁸ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.642

предложить республике приемлемой модели преодоления нарастающего противостояния и братоубийственных вооруженных столкновений.

Здесь, применительно к теме нашего исследования, необходимо упомянуть еще одну причину – в республике в постсоветские десятилетия не сложилось нового поколения общественных лидеров и гражданских активистов, способных консолидировать остальную часть общества перед лицом общей угрозы. Тем более – способной овладеть самыми современными технологиями общественной, идеологической и информационной работы в высоко-конкурентной информационно-идеологической среде, в которую было фактически вброшено дагестанское общество после краха Советского Союза и начала затяжного системного кризиса в постсоветской России.

2.3. Информационное противоборство сторон религиозно-политического конфликта

На дальнейшем этапе религиозно-политического конфликта в Дагестане стороны перешли уже к открытому противоборству. В рамках данного исследования из всех пространств открытого противостояния вызывает интерес информационное пространство и информационное противоборство сторон конфликта.

В последующем анализе следует опираться на определение, данное термину «информационное противоборство» профессором А. Манойло. Согласно ему:

«Информационное противоборство – соперничество социальных систем в информационно-психологической сфере по поводу влияния на те или иные сферы социальных отношений и установления контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые им для дальнейшего развития, а другие их утрачивают».¹⁵⁹

То есть применительно к религиозно-политическому конфликту в Дагестане информационное противоборство сторон конфликта можно определить, как соперничество религиозных общин, светских социальных групп и правительственных структур в информационно-психологической сфере по поводу влияния на религиозные, идеологические и политическое сферы. Развитие конфликтной ситуации в информационном поле на данной стадии конфликта предполагало уже сторонами конфликта развертывание собственного агитационно-пропагандистского аппарата, борьбу сторон за монополизацию информации о противостоянии и представление сути конфликта в выгодном для себя свете.

Необходимо сделать две важные ремарки, относительно времени перехода стороны религиозно-политического конфликта в Дагестане к открытому противостоянию, а также относительно уровня, на который это

---

¹⁵⁹ Манойло А.В. Современные интерпретации термина «информационная война». ШПИ. Алтай, 2012 // <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1550> (Дата обращения 09.05.2024)

противостояние вышло в информационном плане. Переход конфликта в фазу открытого и бескомпромиссного противостояния по времени пришелся на 1998-2003 гг. То есть, на последние годы «перемирия» между российскими властями и самопровозглашенными властями в соседней для Дагестана Чечне, а также на первые годы второй военной кампании в той же Чечне.¹⁶⁰

Для целей диссертации понимание данных событийных параллелей чрезвычайно важно, поскольку оно дает осознание того, что в этот период дагестанские власти, общество и мусульманские общины, участвующие в конфликте, были фактически на передовой крупномасштабных вооруженных действий и предельно ожесточенного противоборства в информационно-идеологическом поле. Для религиозно-политического конфликта в Дагестане обе военные кампании в Чечне были не просто фоном, но еще и значительным катализатором степени интенсивности и ожесточенности противостояния. Стоит отметить еще один немаловажный факт: представители радикального крыла дагестанской салафитской общины внесли и со своей стороны существенный вклад в религиозную радикализацию чеченских сепаратистов, а также непосредственно принимали участие в вооруженных столкновениях на территории Чечни.

Р.Абдулатипов в те годы постоянно озвучивал данную проблему в СМИ и на встречах с представителями властей республики. Так, он сам упоминает, как в интервью «Новым известиям» в июне 1999 г. на вопрос корреспондента:

«Не пугает ли Вас чеченизация Дагестана?», Р.Абдулатипов ответил: «Меня больше беспокоит дагестанизация Чечни».¹⁶¹

Он же, отмечая, что главной задачей является «вытаскивать самих дагестанцев из Чечни», заявлял, что за десять дней до войны в Дагестане (вторжения боевиков Ш.Басаева и Хаттаба в Дагестан в 1999 г. – авт.) им

---

¹⁶⁰ Рашидов С.Ф. Конфликт исламских идентичностей в современном Дагестане. Измаил, 2019. С. 95

¹⁶¹ Абдулатипов Р. Что такое невежество и как с ним бороться? // http://old.nasledie.ru/oboz/N11_99/11_05.HTM (Дата обращения 09.05.2024)

была написана записка на имя С. Степашина о том, что «срочно надо любым способом вытащить из Чечни Хачилаева, Адалло, Багауддина (лидеров салафитской общины Дагестана – авт.)¹⁶², тысячи дагестанцев...»¹⁶³

Итак, представляется целесообразным рассматривать данный этап противостояния сторон религиозно-политического конфликта в Дагестане именно в увязке с событиями в соседней Чечне. И при этом необходимо отметить, что к данному конфликту уже подключились государственные структуры федерального уровня. Несомненно, в тех событиях самым масштабным было информационно-идеологическое противостояние и противостояние официальных властей Дагестана, соседних кавказских республик и федерального центра, с одной стороны, и представителей радикального вооруженного подполья – с другой. Вначале это противостояние было целиком связано с поддержкой дагестанскими экстремистами чеченских боевиков в ходе активных военных действий на территории Чеченской Республики.¹⁶⁴

Со временем, по мере пропитывания чеченского и дагестанского обществ идеями радикального ислама, противостояние выплескивается за пределы не только Чечни, Дагестана и Северо-Восточного Кавказа, но и самой России, превращаясь в один из мощнейших рычагов массированного информационного воздействия на российское руководство и общественное мнение россиян, а также на мировое сообщество. Именно с этим фактом связан второй фактор, на котором нужно акцентировать внимание – это уровень, на который это противостояние вышло в информационном плане. Поскольку, именно в этот момент начала стремительно нарастать

---

¹⁶² Здесь имеются в виду лидеры радикальных дагестанских салафитов Надириша Хачилаев, Адалло и Мухаммад Багаудин – авт.

¹⁶³ Абдулатипов Р. Что такое невежество и как с ним бороться? // http://old.nasledie.ru/oboz/N11_99/11_05.HTM (Дата обращения 09.05.2024)

¹⁶⁴ Ланда К.Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009; Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов / Под ред. Добаева И.П. Москва – Ростов-на-Дону, 2016

интернационализация и глобализация конфликта в Дагестане с подключением к нему влиятельных зарубежных игроков и сил.¹⁶⁵

Данный процесс в рамках развития религиозно-политического конфликта в Дагестане лежал в общей логике развития внутренних конфликтов по всему миру. Поскольку, как отмечают зарубежные и отечественные авторы, в 90-е гг. XX в. именно ограниченные конфликты внутреннего интернационализованного характера стали основным типом вооруженного противостояния.¹⁶⁶ При этом, как пишет отечественный исследователь Е. Степанова, внутренние интернационализованные конфликты конца XX в. объединили в себе наиболее опасные черты как международных, так и внутригосударственных конфликтов.¹⁶⁷ С ее слов, наиболее опасной чертой международных конфликтов можно считать возможность их ускоренной эскалации – как вертикальной (повышение уровня интенсивности конфликта), так и горизонтальной (распространение конфликта на другие страны и районы).

«Комплексный характер угроз, создаваемых конфликтами внутреннего интернационализованного типа, - как объясняет автор, - связан и с тем, что они, как правило, являются частью более обширных зон локально-региональной нестабильности, для которых характерна постоянная военно-политическая напряженность и периодические вспышки насилия (например, «дуга нестабильности», протянувшаяся вдоль

---

¹⁶⁵ См., например: Адиев А.З. Этнополитические конфликты в Дагестане: особенности и механизмы урегулирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь, 2009; Степанова Е.А. Интернационализация локально-региональных конфликтов // *Международная жизнь*. 2000; №11. С. 46-53; Рашидов С.Ф. Конфликт исламских идентичностей в современном Дагестане. Измаил, 2019. С. 99; Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // *Пути к миру и безопасности*. – 2017. – No 1(52). Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы); Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // *Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО)*. 2020. Т. 64. №6

¹⁶⁶ Подробнее см.: US Intervention Policy for the Post-Cold War World. New Challenges and Responses / Ed. by Kanter A., Brooks L.F. L., 1994; Wallenstein P., Sollenberg M. After the Cold War. Emerging Patterns of Armed Conflict. 1989–1994 // *Journal of Peace Research*. 1995. V. 32, No 3. P. 345–360; The International Dimensions of Internal Conflicts / Ed. by Brown M.E. Cambridge (Mass.), 1996; Евстафьев Д. Ограниченные вооруженные конфликты и проблемы безопасности России. М., 1996. С. 5, 8–13

¹⁶⁷ Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М., 2001. С. 6; Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // *Пути к миру и безопасности*. – 2017. – No 1(52). Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). – С. 54; Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // *Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО)*. 2020. Т. 64. №6. С. 35

южного «подбрюшья» России - от Кавказа до Восточного Туркестана, и примыкающие к этой дуге конфликты в Афганистане и Кашмире...».¹⁶⁸

Таким образом, интернационализация и глобализация религиозно-политического конфликта в Дагестане вывели его за точку невозврата, придав ему необратимый характер, что сделало его урегулирование невозможным только силами дагестанских властей и гражданских структур.

В принципе, если коснуться именно информационного аспекта конфликта, это именно та стадия, которую А.Манойло называет стадией информационно-психологической войны:

«Исходный локальный конфликт разрастается до глобальных масштабов, в него вовлекаются новые субъекты и сферы деятельности, ранее не затрагиваемые исходным столкновением интересов».¹⁶⁹

Причем, переходя к анализу информационного противоборства сторон конфликта на этом этапе, стоит отдельно отметить масштаб развернутой пропагандистской активности со стороны радикального исламского подполья, которое на этом этапе нашло себе значительную поддержку в лице сепаратистов в соседней Чечне.

Не вдаваясь в анализ и оценку идеологического содержания агитационно-пропагандистских мероприятий этой стороны, следует определить этот феномен резкой активизации информационно-идеологической активности как яркое свидетельство эффективности нового вида оружия – информационного, позволяющего через воздействие на мировое общественное воздействие добиваться успехов в войне с численно и материально-технически превосходящим противником.

Таким образом, в огромной степени противоборство российского государства и представителей радикального подполья Дагестана и Чечни разворачивалось не только на полях сражений, но и в медиа пространстве.

---

¹⁶⁸ Там же

¹⁶⁹ Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003. С.278; Манойло А.В. Современные интерпретации термина «информационная война». ШПИ. Алтай, 2012 // <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1550> (Дата обращения 09.05.2024)

Это признавал и министр иностранных дел России И.Иванов, заявлявший, что по мере успешного развития в Чечне антитеррористической операции, против России, по существу, был открыт информационный фронт.¹⁷⁰

При этом перерастание информационного противоборства федерального центра и представителей радикального подполья в полномасштабную информационно-идеологическую и информационно-психологическую войну нельзя связывать только с военными действиями в Чечне. Чечня стала просто передовой линией более масштабного фронта противостояния, на котором столкнулись интересы не только ичкерийских лидеров и российской элиты, но и международных политико-идеологических, военных и финансовых блоков.¹⁷¹

В этом противоборстве можно очертить, по крайней мере, три информационно-идеологических фронта, на которых реализовывались конкретные мероприятия по информационному противоборству сторон конфликта:

- первый фронт разворачивался непосредственно в эфирном и печатном пространстве самих кавказских республик – Чечни и Дагестана;
- второй фронт охватывал СМИ общероссийского значения и, соответственно, был предназначен для оказания воздействия на российскую общественность;
- третий информационный фронт был развернут на уровне зарубежных СМИ для воздействия на международное сообщество.

Непосредственно на Кавказе открытое противоборство радикального лагеря с властями в республиках и самим российским государством разворачивалось под знаменами национальной и религиозной идеи. Вооруженное противоборство с российскими властями под национальными знаменами имело место в Чечне в первые годы вооруженного конфликта.

---

¹⁷⁰ О.Панфилов. Несколько заметок по поводу информационной политики Москвы в Чечне // <http://www.russkiiivopros.com/?pag=one&id=112&kat=7&csl=23> (Дата обращения 09.05.2024)

¹⁷¹ Ланда К.Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009

В.А.Тишков отмечает, в каких категориях оно воспринималось в начале развития конфликта вовлеченными в него сторонами:

«Логика эскалации конфликта в масштабную разрушительную войну в Чечне в первой половине 1990-х годов свидетельствует о том, что обе конфликтующие стороны, особенно чеченские сепаратисты, фактически отвергали сценарии уступок или упорного торга для разрешения конфликта или же просто не имели представления о доступных вариантах действий за пределами открытой конфронтации».¹⁷²

С его слов, аргументация конфликта на основе таких категорий, как «свобода» и «самоопределение», не оставляла боевикам места для мирных вариантов, ибо сами аргументы включали в себя понятие, не подлежащее обсуждению и компромиссу. Для федеральных сил, особенно для генералов, было важно одержать победу и водрузить флаг в Грозном наподобие флага победы в Берлине в 1945 г.

«Выбраться из этих аргументов чрезвычайно сложно, хотя их реальное содержание и значимость для каждого конкретного человека ничтожны», -

отмечал В.А.Тишков относительно логики закладывания конфликта в Чечне.¹⁷³ На взгляд отечественного исследователя В.Михайлова логика развития подобных конфликтов приводит к образованию «воронки противостояния», накопления обид, формирования в сознании противостоящих друг другу сторон образа врага, взаимным проецированием представлений «одномерных человек» или «недочеловек».

Процесс завершается перерастанием межэтнического противостояния в антагонизм, и события отныне разворачиваются по принципу «зеркального отражения», когда практически все дела и поступки одной из сторон

---

¹⁷² Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. Сс. 642-643

¹⁷³ Там же

противостояния бумерангом возвращаются в качестве ответных мер и действий другой стороны противостояния.¹⁷⁴

По той же схеме разворачивалось противостояние в Дагестане и Чечне, которое с каждым годом начало приобретать все более религиозно-политический характер. Для Дагестана это был вектор политизации религиозного конфликта, а для Чечни – пропитывания политического и военного противостояния религиозным содержанием. Религиозное противостояние начало набирать обороты в Чечне под влиянием зарубежных и дагестанских радикальных проповедников, хотя проникновение радикальных религиозных идей началось задолго до этого.¹⁷⁵

Как отмечалось ранее, проникновение радикальных трактовок ислама на Северный Кавказ начиналось на рубеже 1980-1990 гг. с призыва к исламу, организации духовных школ, выпуска литературы и другой агитационной деятельности. Уже позднее в Чечне и Дагестане начинается этап создания религиозно-политических движений, партий, создаются общины радикально настроенных мусульман, создаются агитационно-пропагандистские и военизированные структуры с собственными аналитическими и учебными центрами, прекрасно обученными и вооруженными отрядами, опирающимися на финансовую поддержку из-за рубежа.¹⁷⁶

Эту важную особенность этнополитического и религиозно-политического конфликта – подвижность смыслов его легитимации участниками противостояния – подметил В.А.Тишков. Эта категория «подвижности смыслов легитимации» описывает ситуацию, когда в ходе конфликта заявленные в начале его зарождения лозунги борьбы быстро забывались или же осознанно менялись на другие.

---

¹⁷⁴ Михайлов В. А. Принцип «воронки» или механизм развертывания межэтнического конфликта // Социологические исследования. 1993. №5. С.75; Зазнаев О.И. Фарукшин М.Х. Этнические аспекты политических институтов и процессов. М., 2021. С.250

¹⁷⁵ Ланда К.Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009; Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов / Под ред. Добаева И.П. Москва – Ростов-на-Дону, 2016

¹⁷⁶ Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала, 2002. с. 125

«Так, например, со временем аргументы сохранения этнокультуры и групповой целостности в Чечне уходили на второй план, а основными становились аргументы религиозного джихада, отмщения или меркантильного расчета».¹⁷⁷

При этом усиленными темпами шло формирование альтернативного официальному информационно-пропагандистского аппарата национальных и религиозных группировок, наиболее решительно настроенных на обострение отношений с местными и российскими властями и готовых при необходимости к открытому вооруженному столкновению.

Так, в Кадарской зоне Дагестана для идеологической подготовки адептов радикального ислама были установлены телетрансляторы и спутниковая телестанция, которые в течение длительного времени передавали программы, пропагандирующие учение "чистого ислама", учебные фильмы по организации диверсионных актов против российских войск и федеральных органов власти.¹⁷⁸

Для ведения информационной войны против российских властей на территории Чечни была создана специальная группировка сил и средств, в одном из учебных центров радикальных групп под Сержень-Юртом были организованы специальные курсы, на которых боевиков обучали основам психологической и идеологической обработки населения и личного состава подразделений вооруженных сил и внутренних войск МВД РФ. Агитационно-пропагандистский аппарат чеченских сепаратистов был представлен также телеканалами «АС», «Кавказ» и «Маршо» («Свобода»), курируемыми соответственно Ш.Басаевым, М.Удугвым и С.Радуевым.¹⁷⁹

Перед началом второго интенсивного витка противостояния чеченских сепаратистов и Российской Федерации в октябре 1999 г. по личному приказу А.Масхадова в Чечне был сформирован специальный батальон психологической войны, в состав которого вошли 30 различных

---

¹⁷⁷ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С. 643

¹⁷⁸ Известия. 28 сентябрь 1999

¹⁷⁹ Турпалов Л. Средства массовой информации Чеченской республики в условиях российско-чеченского противостояния // http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus16_1.htm

подразделений. В распоряжение этого формирования была выделена полученная из-за рубежа передвижная телестанция. Подготовленные ее персоналом пропагандистские программы предназначались не только для местного населения, но и для личного состава Объединенной группировки на Северном Кавказе.¹⁸⁰ Кроме того, для ведения информационной войны активно использовались и средства массовой информации Чечни. Под руководством главного идеолога сепаратистов М.Удугова было создано Информационное агентство "Кавказ-центр", открывшее одноименный сайт в сети Интернет.¹⁸¹

Для расширения зоны вещания на приграничные районы Дагестана в селении Шатой на средства одного из полевых командиров ускоренными темпами велось строительство нового телецентра. После вторжения в августе 1999 г. из Чечни в Дагестан группировки боевиков под командованием Хаттаба и Ш.Басаева планировалось и, практически, было осуществлено телевизионное вещание «Исламской шуры (совета - авт.) Дагестана», разъяснявшее местному населению цели и задачи боевиков.

Накануне вторжения во многих населенных пунктах республики было распространено большое количество газет, журналов, брошюр и иных печатных изданий, популяризовавших среди местного населения идеи радикального характера.¹⁸²

Как отмечает отечественный исследователь З.Арухов, сравнительный анализ специфики двух вооруженных конфликтов на территории Чечни позволяет выявить два новых фактора, свидетельствующие об активном влиянии на ситуацию в республике процессов глобализации, в целом соответствующих общемировым тенденциям развития. Речь идет об использовании при сопротивлении федеральным властям религиозного и

---

¹⁸⁰ Красная звезда. 2 март 2000

¹⁸¹ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

¹⁸² Независимая газета. 7 сентябрь 1999

информационно-пропагандистского фактора, точнее, практической реализации их новых форм и методов.¹⁸³

Содержание информационных материалов пропагандистского аппарата радикалов зависело от конкретной целевой аудитории, для которой они были предназначены. Представляется обоснованным на самом Северном Кавказе выделить три категории лиц, на которые осуществляли свое воздействие представители экстремистов:

- собственные вооруженные группировки боевиков, при воздействии на которые, в первую очередь, преследовались цели сплочения своих рядов, идеологической подготовки, поднятия боевого духа;
- мирное население северокавказских республик, воздействие на которое преследовало цели консолидации на антироссийской основе населения Чечни и Дагестана, а в более широком плане и всего Кавказа, дискредитации российского правительства и проводимой им политики, представления России как страны-агрессора, и, в конечном итоге, духовного отчуждения как можно большего количества людей от России;
- российские военнослужащие, рядовой, сержантский и офицерский состав воинских частей и подразделений милиции, воздействие на которых осуществлялось для их запугивания и устрашения, для дискредитации военно-политического руководства и проводимой ими политики, для ослабления боевого духа и внушения мыслей о приемлемости дезертирства либо сдачи в плен.

Со стороны российских властей же мероприятия и операции соответствующего характера на северокавказском фронте, с точки зрения теории информационной войны, по направленности на целевую аудиторию можно было подразделить на:

---

¹⁸³ Арухов З.С. Чеченский конфликт и киберпространство // Современное положение Чечни: социально-политический аспект // Южно-российское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. 4.С. 90

- информационно-психологические операции и информационно-идеологические мероприятия, направленные против вооруженных групп представителей сепаратистов и экстремистов;
- информационно-психологические операции и информационно-идеологические мероприятия, ориентированные на гражданское население Чечни, Дагестана, соседних республик Кавказа и остальных регионов России.¹⁸⁴

Информационная активность федеральной стороны в этом конфликте на первоначальном этапе противостояния не отличалась большой эффективностью из-за вполне объяснимых причин общего структурного кризиса, коснувшегося и боеспособности, и профессионализма армии и соответствующих спецслужб. Вот как комментировал ситуацию в первую чеченскую кампанию полковник Генштаба ВС РФ А.Юрин:

«Сразу подчеркну, что наши усилия... были чрезвычайно затруднены отсутствием подготовительной информационно-пропагандистской компании на государственном уровне, с привлечением соответствующего масштабу и серьезности акции творческого потенциала».¹⁸⁵

Следует отметить, что анализ мероприятий, предпринимавшихся федеральной стороной в данном противоборстве несколько затруднен недоступностью информации и сведений для открытого пользования, в том числе и для научного исследования. Представляется вполне обоснованным нежелание российских спецслужб преждевременно делать подобного рода информацию достоянием общественности и раскрывать свои профессиональные секреты. Об эффективности работы в данном направлении мы можем судить и по косвенным признакам, таким как морально-психологический настрой личного состава вооруженных сил,

¹⁸⁴ Об этом см., например: Медведев Р. Война в Чечне и война на страницах печати // http://www.rg.ru/anons/arc_2000/0217/1.htm (Дата обращения 09.05.2024); Стриженко А.А. Освещение локального конфликта в Чечне, как проявление информационной войны в российских СМИ. Барнаул, 2003

¹⁸⁵ Слово бывает сильнее бомб // Газета «Красная звезда», 14 февраль 1995

решимость и готовность политиков и административных работников разрешить кризисную ситуацию.

Но по имеющимся источникам, можно сделать вполне определенный вывод, что ко второму этапу контртеррористической операции против сепаратистов и экстремистов, начавшейся в 1999 г. именно в Дагестане, федеральной стороне удалось перехватить инициативу и обеспечить успехи не только в вооруженном противоборстве, но и на полях информационного и идеологического противоборства.¹⁸⁶

В то время, как самых больших успехов в деле информационного противоборства с российскими властями боевики достигли в ходе первой чеченской кампании при очевидной слабости информационно-пропагандистского аппарата федеральной стороны.

С федеральной стороны тонко выверенной, с учетом психологических особенностей целевой аудитории информационно-пропагандистской кампании, как мы уже отмечали выше, долгое время не наблюдалось. Одним из факторов успеха сепаратистской и радикальной исламской информационно-идеологической кампании против российских властей и неуспеха самих федеральных властей в борьбе против сепаратистов и экстремистов являлась способность противоборствующей стороны говорить на языке другой стороны.¹⁸⁷

Так, чеченские сепаратисты и дагестанские экстремисты в информационном противоборстве с федеральными властями пользовались языком европейских и христианских ценностей, говорили о гуманизме, о преступлениях перед человечностью со стороны России, о страшной гуманитарной катастрофе на Кавказе и так далее. Именно этот фактор

---

¹⁸⁶ Вайс М. Исламское государство: Армия террора. М., 2016. С. 36

¹⁸⁷ Освещение конфликта в Чечне, как проявление информационной войны в российских СМИ // <http://trip-trial.blogspot.ru/2014/03/info-war.html> (Дата обращения 09.05.2024)

предопределил тот факт, что чеченцы были услышаны не только российскими демократами, но и мировой общественностью.¹⁸⁸

Кроме того, как отмечает В.А.Тишков, к этим проблемам добавились и другие, которые он описывает, как «капитализацию конфликта» в Чечне. Под этим словосочетанием он понимает сложившуюся в первую чеченскую кампанию ситуацию:

«В вооруженную борьбу и в делящееся насилие оказывались вложенными конкретные интересы групп и людей, имеющие достаточно меркантильную природу: повышение званий для офицеров и «боевые» деньги для военнослужащих по контракту, оплата внешними спонсорами террористических актов и «сопротивления», наживаемые на торговле людьми деньги и другие расчеты на разного рода извлекаемый из продолжения конфликта капитал».¹⁸⁹

Информационно-пропагандистские же материалы федеральной стороны, как пишут эксперты, предназначались «русскому уху», но были непонятны и не воспринимались кавказцами.¹⁹⁰ В немалой степени этому способствовала и когорта российских журналистов, пропитанных идеями необходимости демонтажа «последней в мире империи», проповедовавшая на волне демократизации постсоветского общества идеи борьбы с тоталитарным и имперским прошлым и необходимости поддержки сепаратистских тенденций на национальных окраинах.¹⁹¹

Эта часть российских журналистов в период первой военной кампании в Чечне продвигала лозунги о необходимости продолжения демонтажа огромной «русской империи» и избавления от «имперских пережитков», а затем и борьбы за полную демократизацию российского общества,

---

¹⁸⁸ Галина Э. Ф. Информационная политика СМИ в годы Первой чеченской кампании 1994–1996 годов // Филологические науки в России и за рубежом: Материалы II Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). СПб., 2013. С. 86-87

¹⁸⁹ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. Сс. 643-644

¹⁹⁰ См.: Языковые основы информационной войны на Кавказе. // Логос. 1999, №8. С. 5

¹⁹¹ См.: Освещение конфликта в Чечне, как проявление информационной войны в российских СМИ // <http://trip-trial.blogspot.ru/2014/03/info-war.html> (Дата обращения 09.05.2024)

приостановления «геноцида чеченского народа» и гуманитарной катастрофы в Чечне и Ингушетии.¹⁹²

Как отмечает В.А.Тишков, «часть российского общества разделяла доктрину этнического самоопределения для чеченского народа и поддерживала «неизбежный уход» Чечни из России в силу своей «цивилизационно-культурной несовместимости». С его слов, «среди сторонников чеченской независимости, т.е. вооруженного сепаратизма и терроризма, были не только некоторые радикально настроенные демократы-правозащитники, но и серьезные академические эксперты и даже высокопоставленные чиновники и советники российского президента».¹⁹³

При этом военно-политическое руководство Ичкерии было открыто и доступно журналистам, как российским, так и западным. Легкость, с которой устраивали журналистам встречи с Д.Дудаевым, З.Яндарбиевым, А.Масхадовым, Ш.Басаевым, Хаттабом вводили в заблуждение российских журналистов, привыкших к атмосфере закрытости информации, ее недоступности и цензуры. Журналистам активно помогали в сборе материалов. Многие российские СМИ поддерживали чеченских сепаратистов и религиозных радикалов из Дагестана и других регионов Кавказа, создавая им ореол борцов за свободу. Российская армия, ее руководство и действия при этом представлялись в самом негативном плане.¹⁹⁴

Именно такое отношение части российских СМИ к первой чеченской кампании в немалой степени способствовало подрыву боевого духа российских солдат. Излюбленной темой в средствах массовой информации России стал отказ некоторых солдат от направления в Чечню, практически незавуалированная пропаганда дезертирства, призыв к солдатским матерям направляться в Чечню и забирать из боевого строя своих сыновей.

---

¹⁹² См.: Языковые основы информационной войны на Кавказе. // Логос. 1999, №8. С. 5

¹⁹³ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.644

¹⁹⁴ Галина Э. Ф. Информационная политика СМИ в годы Первой чеченской кампании 1994–1996 годов // Филологические науки в России и за рубежом: Материалы II Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). СПб., 2013. С. 86-87

Эта «невнятность в отношении конфликта в Чечне среди российской общественности», со слов В.А.Тишкова, «играла вдохновляющую роль для вооруженных сепаратистов, полагавших, что Россия устанет от Чечни, особенно от больших жертв, и в конечном итоге согласится со своим поражением, как это произошло в Афганистане за несколько лет до этого». ¹⁹⁵

Со слов российского академика, «неопределенность и шарахание от одного варианта к другому привели в конечном итоге к затягиванию войны в Чечне и к более крупным жертвам и разрушениям». Отсюда он делает вывод, что «ясность позиции государственной власти и общества, затронутого вооруженным конфликтом, а также наличие политического консенсуса по части сепаратистского вызова имеют важное значение в разрешении конфликта». ¹⁹⁶ Информационная же деятельность боевиков носила, активный, наступательный и скоординированный характер. Созданный М.Удуговым "Центр стратегических исследований" разрабатывал и проводил целые информационные операции в российских и западных СМИ. ¹⁹⁷ Активно использовалась (и используется) на российском направлении и сеть Интернет, где создано множество сайтов, о которых мы писали выше.

В принципе, первичный успех боевиков в информационной войне против России объясняется и с помощью понятия «асимметричного информационного оружия», предлагаемого А.Манойло, к которому начали активно прибегать боевики на данном этапе. По А.Манойло, на применение слабым, но агрессивным противником асимметричного информационного оружия «нет реакции защиты симметричного порядка», так как «асимметричность дает возможность наносить серьезный вред сильнейшему противнику, находя слабые места в его симметричной защите». ¹⁹⁸

---

¹⁹⁵ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.645

¹⁹⁶ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.645

¹⁹⁷ Der Spiegel. 1999. № 45

¹⁹⁸ Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003. С.278; Манойло А.В. Современные интерпретации термина «информационная война». ШПИ. Алтай, 2012 // <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1550> (Дата обращения 09.05.2024)

Подобные асимметричные удары на информационном поле по позициям российского государства со стороны кавказских экстремистов всегда сопровождалась или предварялась асимметричными ударами по военным и даже гражданским целям. Речь идет о таких неожиданных ударах со стороны боевиков, как захват больницы в Буденновске Ш.Басаевым в 1995 г., вторжение боевиков со стороны Чечни на территорию Дагестана в 1999 г., с последующим их «отыгрыванием» в информационной сфере.

Как писал отечественный исследователь З.Арухов, если в период вооруженной стадии конфликта 1994-1996 гг. на первое место выдвигалась, прежде всего, этническая или национальная идея, то второму конфликту придается в основном явный религиозный характер. Вместе с тем, если вооруженные действия в середине 1990-х гг. лишь обострили религиозную обстановку в республике, то в конце десятилетия ислам, являясь бесспорным религиозным, духовным и социальным фактором, превратился и в серьезный политический инструмент.¹⁹⁹

Как отмечает российский эксперт В.Коровин, успешным действиям боевиков на общероссийском информационном фронте способствовало и то, что у России на тот момент отсутствовала долгосрочная стратегия не только в отношении Чечни и Дагестана, но и всего северокавказского региона.²⁰⁰

Лидеры боевиков приложили значительные усилия для того, чтобы информация об обстановке в Чечне и Дагестане на тот момент проходила исключительно через их руки, в чем вначале намного опередили прессы-центры федеральных войск и информаторов из государственных структур.

Основным объектом подобного воздействия являлась российская общественность, которой пропагандисты боевиков стремились доказать, что военная операция на Кавказе бесперспективна. Преследовались также цели дискредитировать российское правительство и военное руководство,

---

¹⁹⁹ Арухов З.С. Чеченский конфликт и киберпространство // Современное положение Чечни: социально-политический аспект // Южно-российское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. 4.С. 90

²⁰⁰ Коровин В. У России нет в целом стратегии действий на Северном Кавказе // <http://skfonews.info/article/169> (Дата обращения 09.05.2024)

дестабилизировать обстановку вокруг региона путем запугивания и деморализации населения.

На международном уровне в разворачивании информационного фронта против России принимали участие непосредственно сами боевики и зарубежные общественные организации, официальные круги иностранных правительств и межправительственных организаций, заинтересованные в проведении на Кавказе собственной политики.²⁰¹ При этом лейтмотивом всех информационно-пропагандистских сообщений и материалов на международном уровне являлись доказательства и свидетельства о всевозможных нарушениях российской стороной прав человека в Чечне и Дагестане, об усугубляющейся ситуации гуманитарной катастрофы.

Несомненно, в деле разворачивания информационно-идеологического фронта на международном уровне огромную роль сыграли, опять-таки, сами чеченские и дагестанские боевики. В целях воздействия на мировую общественность сепаратисты и экстремисты активно привлекали иностранных журналистов. Их использовали, снабжая соответствующей информацией и щедро оплачивая заказные материалы. Всячески приветствовались действия зарубежных СМИ, которые были направлены на подрыв национальных интересов России в северокавказском регионе.

Опираясь на поддержку зарубежных общественных организаций и представителей диаспор кавказских народностей в некоторых восточных странах, пользуясь нейтралитетом, а иногда и поддержкой властей, сепаратисты и экстремисты создали информационные центры в Азербайджане, Грузии, Украине, Литве, Финляндии, Турции, Польше, которые принимали самое активное участие в информационной войне против России. Через эти структуры распространялись различные сведения, призванные ознакомить общественность стран Запада со "зверствами солдат в отношении мирного населения", "геноциде чеченского народа" и

---

²⁰¹ Ланда К. Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009; Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М., 2016

"гуманитарной катастрофе на Северном Кавказе". Многие зарубежные СМИ пользовались сведениями, охотно предоставляемыми этими информационными центрами.²⁰²

Со слов В.А.Тишкова:

«Особую мобилизующую роль сыграл дальний внешний круг сторонников чеченской независимости от России». <...> «С момента возникновения конфликта в Чечне у него оказалось огромное число внешних симпатизаторов в странах бывшего СССР, в исламском мире и в странах Запада. Образ «гордого маленького народа», в отношении которого Россия совершила агрессию, был закреплен не только мировым медийным сообществом, но и резолюциями международных организаций, заявлениями многих государственных деятелей и общественных активистов».²⁰³

Далее, развернув широкомасштабную антироссийскую пропагандистскую кампанию, кавказские экстремисты особо рассчитывали на поддержку Турции, которая самым непосредственным образом заинтересована в ослаблении российских позиций на Северном Кавказе.²⁰⁴

Учитывалось также и то, что зона уверенного приема телевидения Турции охватывает территорию Дагестана, Чечни и других республик региона. Передачи турецкого радио, транслирующего программы ряда западных радиостанций ("Би-Би-Си", "Голос Америки"²⁰⁵ и др.), могут принимать более 5 млн. человек в Азербайджане, Дагестане и других республиках региона.²⁰⁶ В целом, просепаратистская пропаганда в радиозфере велась на 16 языках, а ее объем был доведен до 300 часов в сутки.²⁰⁷ В тот период к радиопропаганде из-за рубежа присоединилась

---

²⁰² Арухов З.С. Чеченский конфликт и киберпространство // Современное положение Чечни. ЦСРИП ИППК при РГУ. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. №4. С. 90-95; ИТАР-ТАСС. 14 октябрь 1999; Ланда К.Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009; Шахата Р. Земля государств, потерпевших фиаско. Каир, 2015. – С. 128-129

²⁰³ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.645

²⁰⁴ Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М., 2016

²⁰⁵ Министерство юстиции РФ внесло данные СМИ в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации

²⁰⁶ Британская корпорация радиопередач // <http://www.lib.aliyev-heritage.org/ru/400146.html> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁰⁷ ИТАР-ТАСС. 25 декабрь 1999

радиостанция "Свобода"²⁰⁸, начавшая вещание из Праги на трех языках Кавказа - черкесском, чеченском и аварском.²⁰⁹ Выбор этих языков далеко не случаен, поскольку именно эти три самых многочисленных народа Кавказа наиболее упорно и ожесточенно сопротивлялись российской государственности на протяжении всего XIX столетия и в первые годы советской власти.

Таким образом, очевидно, что именно открытое информационное противоборство сторон противостояния ускоренными темпами приводило к интернационализации религиозно-политического конфликта в его открытой вооруженной фазе в Чечне и Дагестане. При этом, как отмечает Е. Степанова, это приводило к их ускоренной эскалации - вертикальной (в плане повышения интенсивности) и горизонтальной (в плане распространения на новые регионы).²¹⁰

Кроме того, освещение западными СМИ событий на Кавказе носило явный характер сочувствия представителям боевиков. С вторжением группировок боевиков в Дагестан летом 1999 г. в СМИ западных стран появились публикации и репортажи в поддержку Ш.Басаева и Хаттаба, предрекавшие им победу над российскими войсками. Общим лейтмотивом западной пропаганды было то, что вторжение боевиков в Дагестан прямо отвечает интересам Запада, которому следует действовать на Кавказе более активно.

С началом контртеррористической операции в Чечне к информационному наступлению подключились официальные круги НАТО, их сателлиты из числа стран Восточной Европы, Прибалтики, а также международные организации (в первую очередь - ОБСЕ, а также ЕС, Совет

---

²⁰⁸ Министерство юстиции РФ внесло данное СМИ в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации

²⁰⁹ Радио «Свобода» начинает вещание на Северный Кавказ // http://archive.svoboda.org/archive/ll_russia/0402/ll.040402-2.asp (Дата обращения 09.05.2024)

²¹⁰ Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М., 2001. С. 6

Европы и др.). Последовали согласованные заявления с выражением озабоченности западных стран по поводу предпринимаемых Россией мер.²¹¹

Относительно решимости западных стран следовать курсу на поддержку отделения Чечни от России, академик В.А.Тишков напоминает, что «внешние акторы продолжали «воевать» в Чечне и после того, как военные действия там закончились и начался процесс мирной реконструкции»:

«Политическая и моральная ангажированность внешнего дальнего круга на освобождение Чечни от «мини-империи» России не позволяла признать поражение вооруженного сепаратизма в Чечне».²¹²

На этом фоне широко использовались и используются боевиками и возможности информационной компьютерной сети Интернет. Так, в Интернете активно работало и продолжают работать несколько информационных серверов, организованных представителями чеченской диаспоры в США, Великобритании, Финляндии, Грузии, Литве и Эстонии. Всего в глобальной компьютерной сети было размещено более 100 сайтов боевиков на русском, английском, арабском, французском, немецком, японском, украинском, эстонском, литовском и других языках.²¹³

Российский ученый З.Арухов писал по этому поводу:

«Если в период первого конфликта российские и зарубежные средства информации, как правило, непосредственно работали в Чечне, и достаточно эффективно использовались отдельными идеологами республики, то в период второго конфликта пропаганда сепаратистов с первых дней переместилась в основном в мировые компьютерные сети. Метаморфозы обусловлены коренным изменением условий в период этих вооруженных конфликтов».²¹⁴

---

²¹¹ Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М., 2016

²¹² Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.645

²¹³ Вайс М. Исламское государство: Армия террора. М., 2016. С. 25

²¹⁴ Арухов З.С. Чеченский конфликт и киберпространство // Современное положение Чечни: социально-политический аспект // Южно-российское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. 4.С. 90

Не стоит сбрасывать со счетов все более увеличивающееся количество исламских сайтов, теле- и радиопередач, знакомящих мировую общественность с несколько отличным от российского и западного видением международной ситуации и, в частности, в отношении арабо-израильского конфликта, войны в Афганистане, пакистано-индийского противостояния и ситуации на Кавказе. Со слов отечественного исследователя Е.Степановой, подобное растущее увязывание внутригосударственного конфликта с более обширными зонами «локально-региональной нестабильности вдоль южного «подбрюшья» России» – от Ближнего Востока до Восточного Туркестана порождало совершенно новый уровень «комплексных угроз безопасности российского государства».²¹⁵

Со стороны боевиков на этом этапе главным объектом информационного воздействия в данном случае являлась мировая общественность, представители международных общественных организаций и правительств иностранных государств. Основной целью подобного воздействия являлась интернационализация конфликтов на Кавказе путем втягивания в него диаспор кавказских народностей России, стран Ближнего Востока, подключение к процессу мирного урегулирования международных посредников в лице миссий ООН, ОБСЕ и Евросоюза.

Исследователь в области информационной войны А.В.Манойло отмечает, что современные войны все более становятся психологическими, напоминают масштабную PR-кампанию, при этом собственно военные операции постепенно отесняются на второй план и играют четко определенную и ограниченную роль, отведенную им в общем сценарии военной кампании.²¹⁶ Т.е. собственно крупным силовым операциям современности предшествуют масштабные информационные кампании, представляющие собой «мягкий» вариант войны и призванные выполнить

---

²¹⁵ Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М., 2001. С. 6

²¹⁶ Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». Киев, 2005, №8. С. 73-80; Манойло А.В. Современные интерпретации термина «информационная война». ШПИ. Алтай, 2012 // <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1550> (Дата обращения 09.05.2024)

определенные функции. В войнах такого типа широко используется набор технологий связей с общественностью, поскольку объектом данных акций является в первую очередь влияние на общественное сознание с целью его изменения в нужном направлении.²¹⁷

В общественном мнении зарубежных стран активно формировался образ России как страны-агрессора, пытающейся "подавить освободительное движение чеченского народа", и параллельно с этим - позитивный образ чеченцев как борцов за свободу и независимость своей страны.

С одной стороны, это усиливало давление мирового общественного мнения на Россию, а с другой - западный обыватель готовился к особому сценарию, если военно-политическое руководство НАТО решит прибегнуть в северокавказском регионе к военной силе, начало чему было положено вводом американских военных инструкторов в Грузию.²¹⁸ Данный этап развития религиозно-политического конфликта в Дагестане, тесно сопряженный с двумя военными кампаниями в Чечне и с военными операциями по разгрому экстремистских анклавов в самом Дагестане развивался по всем законам полномасштабных информационных войн.

Гражданское сообщество Чечни и Дагестана в ходе этих крупномасштабных боевых действий на территориях обеих республик и в ходе информационных баталлий, развернувшихся от регионального уровня до международного, ключевой роли не сыграло. Не показали себя эффективными на этом этапе противостояния и медиа-ресурсы умеренных мусульманских сил региона.

Следует привести мнение на этот счет бывшего главного советника Департамента гуманитарной политики и общественных связей Управления внутренней политики Администрации Президента РФ, члена Правления Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования А.Гришина, который летом 2010 г., призвал исламские СМИ, зарегистрированные в

---

²¹⁷ Гаврилов Г. А. Информационная война и паблик рилейшнз // Молодой ученый. 2012. №6. С. 243-245

²¹⁸ Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М., 2016

России, проводить более жесткую линию в борьбе с экстремизмом и терроризмом, посетовал на их невысокую эффективность. На первом в истории РФ форуме татарских религиозных деятелей, он отметил следующее:

«Исламские СМИ у нас – это серьезная проблема, несмотря на то, что им, в том числе сайтам религиозных организаций, нами оказывается серьезная поддержка».²¹⁹

Таким образом, несмотря на всю остроту религиозно-политического конфликта в республике, несмотря на то, что информационные ресурсы всех сторон противостояния работают на пределе своей мобилизации, представители региональной и федеральной власти вынуждены констатировать недостаточную активность, а иногда и пассивность руководителей исламских приходов, организаций, учреждений в сфере образования. При этом государство оказывает серьезную материальную помощь исламским религиозным учреждениям: утверждены госстандарты исламской теологии, выпускникам исламских вузов выдаются дипломы государственного образца. Тем не менее, государственные СМИ, медиа-ресурсы официального мусульманского духовенства Дагестана, информационные ресурсы умеренных мусульманских общины оказались далеко не столь эффективными в предупреждении набирающего обороты религиозно-политического конфликта, как того требовала текущая ситуация.²²⁰

Тем не менее, в эти годы стала наблюдаться определенная степень мобилизации и консолидации общественности в попытках если не преодолеть сам конфликт, то хотя бы на локальном уровне снизить его остроту или разрушительные последствия. Более подробно на данном аспекте мы остановимся в параграфах третьей главы диссертации.

---

²¹⁹ Исламские СМИ должны активнее бороться с экстремизмом, считают в администрации президента РФ // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=37403> (Дата обращения 09.05.2024)

²²⁰ Там же

Таким образом, на основе проведенного в данном параграфе анализа, отметим, что информационная война, которая разворачивалась в рамках религиозно-политического конфликта в Дагестане параллельно с двумя военными кампаниями в Чечне, явилась катализатором процесса интернационализации данного конфликта, его выхода через открытое информационное пространство далеко за пределы Кавказа.

Параллельно с этим процессом происходило все большее увязывание конфликта в Дагестане и Чечне с глобальным конфликтом между радикальными группировками и государственными структурами на Ближнем Востоке, что привело к порождению нового уровня угроз безопасности российскому государству. Данный этап противостояния сторон религиозно-политического конфликта завершился разгромом радикальных анклавов в Дагестане, массовыми арестами пособников и сторонников экстремистских группировок, затяжным процессом урегулирования последствий вооруженного конфликта в соседней Чечне.

Все же мира Дагестану это не принесло. Несмотря на разгром основных экстремистских центров, ликвидацию и аресты лидеров радикальных группировок, сама проблема религиозно-политического противостояния в республике так и не была решена. Оттого религиозно-политический конфликт в Дагестане просто перешел на другой этап – еще более асимметричного противоборства сторон конфликта, чем на предыдущем этапе.

2.4. Переход религиозно-политического конфликта в фазу асимметричного противоборства

Согласно мнению большого количества экспертов, завершение активной фазы боевых действий в Чечне не привело к завершению религиозно-политического конфликта на Кавказе, но привело лишь к его переводу в другую степень интенсивности и на другой уровень противоборства.

Еще на момент начала второй чеченской кампании было трудно себе представить такую ситуацию, что в других республиках Северного Кавказа появятся свои лидеры вооруженного подполья. Несмотря на это, война в Чечне воспитала целое поколение боевиков нечеченских национальностей, более ожесточенное и дерзкое, чем поколение боевиков первой чеченской войны. Дагестанские, ингушские, кабардинские, карачаевские, балкарские боевики, получив боевой опыт в Чечне, вернулись в свои республики и принялись за формирование вооруженных группировок в тылу федеральных сил.

Таким образом, вторая чеченская война за короткое время из чеченской превратилась в общекавказскую исламскую, из «войны за освобождение Ичкерии» в «джихад за установление шариата на всем Северном Кавказе». Вооруженное противостояние российскому государству на Кавказе перестало нести только чеченский этнический оттенок и начало втягивать в свои ряды все новых и новых адептов протестных идей со всех соседних республик и краев. Весьма показателен и тот факт, что в течение последнего десятилетия в Дагестане наблюдался резкий приток в ряды боевиков представителей наиболее де-исламизированных в советский период народов – лакцев, лезгин и ногайцев, а также татар, башкир, казахов и даже русских.²²¹

Таким образом, после разгрома экстремистских анклавов в Дагестане, разгрома основных группировок боевиков в Чечне и фактического

---

²²¹ См., например: Сухов И. «Где война, где не война, а где ислам». Московские новости. 27.04.2011

выдавливания их остатков в соседние республики, переход боевиков к новой тактике борьбы, в том числе и на информационном поле, был предопределен и предсказуем, оставался только вопросом времени.

Как пишет кавказовед А.Ярлыкапов, значительным катализатором перехода религиозно-политического конфликта в Дагестане и в соседних республиках в новую фазу послужил еще один фактор. Именно окончательный отказ кавказских боевиков от «ичкерийской» тематики и переход под черные знамена всемирного «джихада».²²² В огромной степени на такой вектор развития вооруженного конфликта в Чечне и Дагестане повлияли зарубежные проповедники. Об этом же пишет и В.А.Тишков, отмечавший, что «одна из причин поражения умеренных позиций и победы экстремистских элементов заключалась во внешней поддержке курса на вооруженную сецессию и на отторжение Чечни от России».²²³

В итоге, после гибели очередного ичкерийского лидера А.-Х.Садулаева в июне 2006 г. и провозглашения кавказскими боевиками ликвидации «Республики Ичкерия» и создания вместо нее в октябре 2007 г. «Имарата Кавказ» как военно-политического образования, призванного стать в будущем составной частью всемирного исламского Халифата, сотни прежде мирных мусульман начали пропитываться идеями поддержки боевиков.

Это был последний шаг в глобализации и интернационализации религиозно-политического конфликта в Чечне и Дагестане. Со слов кавказоведа Р.Курбанова:

«Окончательное превращение чеченского «газавата» во всемирный «джихад», «широкая интернационализация рядов боевиков за счет выходцев из других республик Кавказа и исламских стран» – все это коренным образом изменило религиозно-политический ландшафт Северного Кавказа».²²⁴

---

²²² Ярлыкапов А. «Традиционного ислама на Северном Кавказе нет» // <http://lenta.ru/articles/2015/03/04/salafism/> (Дата обращения 09.05.2024)

²²³ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.644

²²⁴ Курбанов Р.В. Глобализация сознания мусульман Кавказа – призыв и джихад // Центральная Азия и Кавказ. № 6 (48) 2006. С. 79

Р.Курбанов подтверждает гипотезу о том, что замена «ичкерийского» флага на черный флаг «Имарата Кавказ» привела в ряды боевиков большое количество прежде считавшейся мирной верующей молодежи. С его слов, «пока в чеченском войне преобладала национальная компонента, салафитские группы в соседних республиках старались дистанцироваться от этой войны», чтобы не касаться порицаемой радикальными версиями ислама борьбы за национальные интересы.²²⁵

Как только война, которую вели боевики начала глобализироваться, как только они начали апеллировать к исламским принципам, к джихаду и Халифату, между боевиками и молодыми салафитами, тяготевшими к радикальным сценариям, начало появляться все больше точек идеологического соприкосновения.

Со слов Р.Курбанова, такое идеологическое и активно-деятельностное смыкание рядов боевиков и прежде мирных салафитских джамаатов явилось последним аккордом в деле вызревания на Кавказе религиозного сознания и модели поведения нового типа – открытого всему исламскому миру, ориентированного на обновление ислама, жесткого и бескомпромиссного в вопросах военно-политического противостояния, открытого при этом всем последним научным и технологическим разработкам в информационной, пропагандистской, политической, военно-диверсионной и организационно-управленческой сферах:

«Кавказский фронт стал полноценной составной частью мирового исламского джихада».²²⁶

Данный момент чрезвычайно важен в понимании дальнейшей траектории развития религиозно-политического конфликта в Дагестане, поскольку именно на этом этапе локальные противоречия между религиозными общинами, а также между общинами и государственной

---

²²⁵ Курбанов Р.В. Глобализация сознания мусульман Кавказа – призыв и джихад // Центральная Азия и Кавказ. № 6 (48) 2006. С. 80

²²⁶ Там же

властью окончательно перешли на уровень тотальной войны на уничтожение противной стороны без всяких компромиссов и возможностей мирных переговоров, которые для Дагестана еще были возможны в период обеих чеченских кампаний.

Факторами запуска нового витка радикализации экстремистски настроенных участников конфликта послужили затяжные военные операции в Афганистане, Ираке и Сомали. Это именно то смыкание религиозно-политического конфликта на Кавказе с глобальной «дугой нестабильности», протянувшейся от Северной Африки до Восточного Туркестана, о которой писала отечественный исследователь Е. Степанова.²²⁷ Одним из последствий этого смыкания, в частности, явилось то, что дагестанские боевики, объявившие о присоединении ко «всемирному джихаду против неверных» начали активно перенимать тактику и стратегию проведения диверсионно-террористических атак, а также ведения информационной войны у боевиков в самых горячих точках мира, в том числе у Талибана и аль-Кайды.²²⁸

Данный вектор дагестанских боевиков на расширение целей и методов своей диверсионно-террористической и информационной борьбы до «стандартов международного террористического интернационала» реализовывался параллельно тактике ухода к подпольной борьбе от открытого противостояния с государственными силовыми структурами, как это было на предыдущем этапе конфликта. Боевики на данном этапе окончательно перешли к новой тактике – создания малых диверсионно-террористических групп, объединенных единой идеологией, единой стратегией и единой целью. Стратегия информационной войны дагестанских боевиков в этот момент также сконцентрировалась на тотальной,

---

²²⁷ Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М., 2001. С. 6

²²⁸ См., например: Талибы признали Чеченскую республику Ичкерия // <http://lenta.ru/vojna/2000/01/16/taliban/> (Дата обращения 09.05.2024); Чеченское посольство открыто в Афганистане // <http://archive.is/iNki#selection-523.0-523.42> (Дата обращения 09.05.2024); Теракт в Хасавюрте - сигнал о продолжении сопротивления, считают эксперты // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/175953/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента; Егоров И. "Аль-Каида" в России // «Российская газета». 02.05.2011

агрессивной и непримиримой войне против всех политических и общественных сил, мешающих реализации их сценария.

Огромную роль в интернационализации конфликта в Дагестане и его переводу на глобальный уровень сыграли интернет-ресурсы и, в первую очередь, сайт «Кавказ-центр»²²⁹, уже к тому времени поддерживавшийся сети на русском, английском, арабском и турецком языках.²³⁰

Сами подпольные диверсионно-террористические группировки боевиков на территории Дагестана появились раньше, чем у них появились собственные информационные ресурсы. Некоторое время за неимением собственного информационного ресурса, боевики Дагестана для обнародования собственных обращений, заявлений и отчетов об осуществленной диверсионно-подрывной деятельности пользовались услугами сайта «Кавказ-Центр»²³¹.

Очевидно, что к середине 2000-х гг. дагестанские боевики стали явно задыхаться от отсутствия собственного информационного ресурса. Интернет в республике еще не был доступен широкому кругу населения, а потребность в вербовке новых боевиков и доведении своих идей и позиций до дагестанского общества у экстремистов постоянно возрастала.²³²

Именно по этой причине боевиками наряду с отправкой своих заявлений на сайт «Кавказ-Центр»²³³ широко применялась тактика распространения в мечетях города пропагандистских листовок с заявлениями, обращениями и призывами. Показательно, что еще до начала регулярного размещения материалов дагестанских боевиков на сайте

---

²²⁹ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²³⁰ Турпалов Л. Средства массовой информации Чеченской республики в условиях российско-чеченского противостояния // http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus16_1.htm (Дата обращения 09.05.2024)

²³¹ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²³² См., например: Хайдар А. Информационная война с точки зрения Шариата // <http://www.jamaatshariat.com/content/view/full/853/34/> - Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²³³ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

«Кавказ-Центр»²³⁴ к этой тактике прибегал укрывавшийся в чеченских горах «амир дагестанских моджахедов» Р. Халилов.

К примеру, еще до начала активной деятельности в Дагестане диверсионно-террористической группировки «Джамаат «Шариат» в 2004 г. в республике началась так называемая война листовок, когда «амир Раббани» обращался к населению от имени «моджахедов Дагестана». В тот раз листовки привели к большому информационному резонансу в республике. О факте их распространения и их содержании сообщили практически все ведущие печатные издания, и даже республиканское телевидение.²³⁵ Как мы уже писали выше, основная информационно-идеологическая активность дагестанских боевиков начала реализовываться через созданный в марте 2007 г. сайт диверсионно-террористической группировки «Джамаат «Шариат» - www.jamaatshariat.com.

Здесь стоит уделить внимание подходам экстремистов к информационному противоборству, для того, чтобы осознать, как понимают, воспринимают и как подают читателям свою активность информационные структуры боевиков. Как становится известно из материалов сайта, информационная команда боевиков воспринимает свою работу не иначе, как информационный джихад. Боевики перестали ограничиваться в своей информационной работе только проповедями, призывами и отчетами о совершенных нападениях и терактах. Они на своих ресурсах начали разработку целых стратегий более широкой информационной работы, к которой они склоняли своих сторонников.

Так, в ряде материалов они призывали своих сторонников освоить все методы, инструменты и каналы, «которые предоставляют бойцам информационного джихада и даже обычным верующим мусульманам на Кавказе мощные орудия в борьбе против «сил неверия». Далее шло перечисление этих инструментов с утверждением, что «торжество Религии»

---

²³⁴ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²³⁵ Абдулатипова Б. Листовки в мечети. Черновик, № 11, 18 марта 2004

невозможно без должного освоения сторонниками боевиков всех этих новых технологий и знаний, которыми они должны овладевать «параллельно с религиозными науками»:

1. Широкое распространение интернета;
2. Доступность DVD-технологий;
3. Распространение MP3 формата аудио;
4. Лазерная печать.²³⁶

Далее авторы боевиков обосновывают, что дают все эти информационные технологии:

«Записать DVD диск, распечатать брошюрку на компьютере — это может почти любая школьница, если ей один раз показать, как это делается. Убедить родственников подключить Интернет и читать новости оттуда и отказаться от телевидения — тоже по силу многим, не имеющим специальной подготовки. Купить MP3 плееры и раздать их своим родственникам и друзьям, чтобы они могли в свободное время слушать проповеди — тоже могут многие».²³⁷

Что же касается стратегических планов боевиков, то они вместо закрытия телевизионных и иных информационных каналов планировали их полное перепрофилирование под собственные нужды. Таким образом, экстремисты в Дагестане в очень короткий период времени не только осознали те преимущества, которые даруют им современные информационные технологии, но и в меру своих возможностей старались их осваивать и противостоять с их помощью всей информационной и политической системе региональных и федеральных властей.

В последующие годы в сети появилась целая россыпь еще несколько сайтов джихадистской направленности, которые и по дизайну, и по интерфейсу, и по схеме расположения материалов практически полностью повторяют те же характеристики сайта «Джамаат «Шариат». В числе этих сайтов стоит назвать двуязычный аваро-русский сайт дагестанских

---

²³⁶ Хайдар А. Информационная война с точки зрения Шариата // <http://www.jamaatshariat.com/content/view/853/34/> - Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²³⁷ Там же

салафитов www.guraba.net²³⁸, сайт «Независимого информационного издания Имарата Кавказ» - www.kavkazanhaamash.com²³⁹, сайт «Поэзия джихада» - www.djihadpoetry.jamaatshariat.com²⁴⁰, сайт www.chechentimes.net²⁴¹ и некоторые другие сайты. Судя по всему, все эти сайты разрабатывались по единому шаблону одной и той же командой специалистов.

В последующем к ним добавились и такие насыщенные по своему содержанию сайты, как www.vdagestan.com²⁴² и www.ummanews.com²⁴³. Сайт www.vdagestan.com, кстати, позиционирует себя, как «Официальный сайт Вилаята Дагестан», то есть территориальной единицы, якобы, созданного боевиками государства «Имарата Кавказа». Данный информационный ресурс поддерживается в сети на двух языках – русском и арабском.

Отдельно стоит упомянуть появившиеся в это время в сети сайты боевиков из других кавказских республик – сайт www.hunafa.com²⁴⁴, поддерживавшийся ингушскими боевиками и сайт www.islamdin.com²⁴⁵, поддерживавшийся боевиками Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Все эти информационные ресурсы, придерживаясь единой информационной стратегии, перепечатывая материалы друг друга, размещая переведенные на русский язык воззвания боевиков аль-Кайды, Талибана, боевиков Ирака, Сомали и Сирии, а также переводя собственные материалы на другие языки, не просто создали единую кавказскую информационную сеть. Они стали частью глобально радикального пространства экстремистско-

---

²³⁸ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²³⁹ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²⁴⁰ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²⁴¹ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²⁴² Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²⁴³ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²⁴⁴ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

²⁴⁵ Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

террористической направленности, ориентированного на пропаганду идей «всемирного джихада» и построения «глобального Халифата».²⁴⁶

В данном ключе стоит привести заявления одного из идеологических лидеров боевиков этого периода Я.Расулова, бывшего аспиранта ДГУ и профессионального религиоведа. Он, перейдя на сторону боевиков и возглавив их информационную работу, предупреждал:

«С распространением современных информационных технологий те топорные методы, которыми кафиры (неверные – авт.) привыкли подавлять мусульман на протяжении веков, перестанут приносить им хоть какие-то плоды».²⁴⁷

Влияние информационных материалов данных сайтов на сознание дагестанской и кавказской молодежи неуклонно росло. В ситуации высокой молодежной безработицы, коррумпированности системы образования, обнищания больших масс сельского населения, непрекращающихся ежедневных вооруженных столкновений боевиков и силовиков прямо на улицах дагестанских городов, ежедневных убийств, взрывов, расстрелов и похищений для абсолютно дезориентированной молодежи эти сайты стали заменой настоящей жизни. Молодежь, которая вначале была далека от радикальных идей, начала все чаще искать на данных сайтах сначала альтернативную официальной информации о событиях в республике, а затем пропитываться идеями радикалов и находить в них пример для подражания.

Любой человек, знающий психологию кавказских горцев, которые с легкостью поддаются призывам к борьбе с «несправедливостью», тем более, когда все это подается, как «справедливый джихад под исламскими знаменами против власти неверных», поймет, чем именно текстовые и видеоматериалы сайты легко завоевывали популярность среди кавказской молодежи. Именно об этом явлении говорил бывший вице-премьер

---

²⁴⁶ Арухов З.С. Чеченский конфликт и киберпространство // Современное положение Чечни. ЦСРИП ИППК при РГУ. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. №4. С.57

²⁴⁷ Хайдар А. Информационная война с точки зрения Шариата // <http://www.jamaatshariat.com/content/view/853/34/> - Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ

Дагестана Р.Д.Курбанов, курировавший до 2013 г. деятельность республиканской Комиссии по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни бывших боевиков, когда заявлял, что «мы являемся свидетелями вербовки сепаратистскими сайтами уже 15-летних ребят».²⁴⁸ На данном этапе религиозно-политического конфликта в Дагестане, основным полем разворачивания конфликта, рекрутирования и мобилизации новых сторонников радикальных идей стало именно Интернет-пространство. «Основная причина — именно Интернет, а не живая вербовка», - заявлял он в своем очередном интервью.²⁴⁹

Ответной мобилизации и консолидации общественных сил и гражданских структур Дагестана на столь агрессивную наступательную стратегию экстремистов исследование коснется в параграфах третьей главы. Пока же отметим, что на данном этапе развития религиозно-политического конфликта в Дагестане прямой диалог с наиболее радикальной стороной данного конфликта – боевиками и экстремистами – стал уже невозможен. Это произошло и в силу их физической недоступности для разговора, поскольку они уже перешли в подполье и прервали все связи с окружающим их обществом, а также в силу «идеологической закрытости» их сознания, исключающей возможность их переубеждения.

Причем степень «идеологической закрытости» боевиков на данном этапе достигла такой степени, что привела к появлению в Дагестане до тех пор невиданного явления – массового количества смертников, готовых умереть ради своих убеждений и унести с собой десятки жизней ни в чем не повинных людей. Именно на данном этапе религиозно-политического конфликта дагестанские боевики породили самое страшное оружие асимметричной войны – живые бомбы.

---

²⁴⁸ Разобщенность в Дагестане. Интервью с Ризваном Курбановым // <http://www.ndelo.ru/novosti-7/2738-gazobshchennost-v-dagestane> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁴⁹ На территории РФ нет оснований для военного джихада// <http://www.specletter.com/obcshestvo/2012-08-09/print/na-territorii-rf-net-osnovanii-dlja-voennogo-dzhihada.html> (Дата обращения 09.05.2024)

Причем это было оружие и прямого физического поражения, и поражения информационного. Поскольку каждый подрыв смертника, особенно когда это происходило в городах Центральной и Южной России – Москве, Волгограде, Пятигорске – в огромной степени подрывал всю ту конструктивную информационную, идеологическую и воспитательную работу, которую проводили и органы государственной власти, и некоторые представители гражданского сообщества в целях преодоления разрушительных последствий религиозно-политического конфликта в Дагестане. Через освоение этих разрушительных технологий боевики в значительной степени не только решали задачи по информационному обеспечению деятельности своих диверсионно-террористических групп, но и, несмотря на свой низкий уровень профессиональной подготовки, на некоторых направлениях информационной работы, можно это признать, достаточно успешно противостояли пропаганде, воспитательной и просветительской работе официальных властей.

В наш век асимметричных войн данная асимметричная конструкция информационного противостояния подпольных группировок, действующих все более агрессивно, будучи объединенными на основе сетевых принципов, и огромной государственной информационной и политической системы оставляет все меньше преимуществ второму игроку и дает все больше преимуществ первому. Из-за этого, отмечает Е. Куштавкина:

«суверенное государство оказывается не способным к эффективной борьбе» с подобными подпольными группировками, «руководство и ресурсы воспроизводства которых, зачастую находятся вне зоны компетенции правительства и сферы государственного суверенитета».²⁵⁰

Израильский военный теоретик М. ван Кревельд подводит под подобную трансформацию теоретическое обоснование. С его слов, сегодняшний характер вооруженных конфликтов дает большие

---

²⁵⁰ Куштавкина Е.А. Трансформационный подход к урегулированию североирландского этнополитического конфликта: позитивный опыт и структурные сложности // Вопросы национальных и федеративных отношений. Сб. науч. ст. под общ. ред. В. А. Михайлова, К. В. Калининой. М., 2010

преимущества «инсургентам от партизан до террористов в ведении ими боевых действий». ²⁵¹ Среди наиболее важных, отличительных характеристик этого нового типа войн он называет «нетринитарный», «нетрехчленный» характер, когда в них уже в отличие от войн, описанных такими классиками военной теории, как Карл фон Клаузевиц, невозможно развести стороны, участвующие в войне – правительство, армию и народ.

М. ван Кревельд предлагает посмотреть на конфликты на Кавказе именно через эту новую реальность. «Разве проблема не в том, что их нельзя разделить, и вы не можете определить, кого убивать, а с кем разговаривать?», - ставит он вопрос, приводя в пример и другие подобные конфликты «нетрехчленного» характера, с которыми сталкивались сильные державы – Израиль в Ливане; СССР в Афганистане; США во Вьетнаме; Франция в Индокитае и т.д. ²⁵²

М. ван Кревельд подчеркивал:

«В этих войнах современные системы вооружений не играют никакой роли, а если и присутствуют, – я говорю, например, о танках – они оказываются беспомощными. Часто результатом являются ощутимые жертвы среди местного населения, и нельзя недооценивать психологические последствия этого». ²⁵³

На взгляд А.Аклаева:

«В отличие от предыдущего периода преобладающие в современном мире конфликты являются асимметричными не только по вовлеченным в них участникам (не два суверенных государства, а государство и мятежная часть политизированных идентичностных групп населения), но и по другим качественным характеристикам (децентрализованный характер принятия решений центрами фрагментированной власти, осуществление вооруженного насилия не регулярными, а полувоенными вооруженными формированиями боевиков, широкое распространение методов терроризма и партизанской войны)». ²⁵⁴

---

²⁵¹ Ван Кревельд М. Война и современное государство // <http://polit.ru/article/2006/09/26/kreveld/>

²⁵² Ван Кревельд М. Война и современное государство // <http://polit.ru/article/2006/09/26/kreveld/> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁵³ Там же

²⁵⁴ См.: Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М., 2005

Этот же аспект считает предельно важным в нарастании эскалации конфликта и В.А.Тишков. С его слов, помимо всех остальных факторов, важно отметить следующее:

«В современном понимании конфликта нельзя сбрасывать со счета мотивы и факторы иррационального характера, вызывающие конфликт и не позволяющие его мирное разрешение».²⁵⁶

Далее он перечисляет эти иррационально-психологические факторы эскалации чеченского конфликта: «чувство отмщения за страдания и унижения старшего поколения, пережившего депортацию», «мотивы отмщения за потерянных родственников в ходе самой войны», «эмоционально-психологический фактор причастности к общему делу».²⁵⁷

Важность психологического эффекта такова, что «часто исход таких войн решает не результат реальных боевых действий, а то, что некоторые западные аналитики называют "фактором CNN"», - отмечает далее М. ван Кревельд.²⁵⁸ В связи с этим основную причину эффективности стратегии информационного противоборства дагестанских экстремистов, как нам представляется, достаточно убедительно можно объяснить также через идею, выдвинутую русским военным теоретиком Е.Месснером: в нынешнюю эпоху «воюющих движений психологические факторы стали доминирующими». Как пишет Е.Месснер, подобные воюющие движения – сугубо психологическое явление.²⁵⁹

Таким образом, анализ, проведенный в данном параграфе, показывает, что религиозно-политический конфликт в постсоветском Дагестане в своем развитии, эскалации и трансформации стремительно дошел до фазы асимметричного противостояния сторон с несопоставимыми возможностями

---

²⁵⁶ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.634

²⁵⁷ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.634

²⁵⁸ Ван Кревельд М. Война и современное государство // <http://polit.ru/article/2006/09/26/kreveld/> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁵⁹ Павлухин С. Война третьего тысячелетия // <http://www.chitalnya.ru/work.php?work=58764> (Дата обращения 09.05.2024)

и ресурсами. Постепенно растущая эффективность государственных структур в противоборстве с диверсионно-террористическими группировками региона в ходе развития данного конфликта приводила к тому, что последние начали наносить российскому обществу все более болезненные удары в логике асимметричных войн современности.

В асимметричной войне, которую ведут инсургенты против военно-политических систем современных государств, факторы психологической мобилизации, заразительности примеров самопожертвования, готовности умереть во имя собственных убеждений, играют ключевую роль. Особенно если учесть, с каким кумулятивным эффектом все эти факторы срабатывают в среде бурно возрождающихся общин верующих.

На данном этапе, со стороны гражданских структур Дагестана речь могла идти только о работе с группами риска – молодежью, только начинающей пропитываться радикальными идеями, с боевиками и экстремистами, уже осознавшими ошибочность своего пути и желающими вернуться к мирной жизни, а также со всеми остальными категориями дагестанского населения, вовлеченными помимо своей воли в данный конфликт. О причинах того, почему такой работы и активности со стороны гражданского общества Дагестана не наблюдалось, мы скажем ниже.

При этом в отношении изучаемого конфликта сложилась довольно интересная ситуация. Дело в том, что значительно число экспертов признает, что религиозно-политический конфликт в Дагестане, несмотря на количество вооруженных столкновений, не разрешен до сих пор. Он просто перешел на другую стадию своего развития.²⁶⁰

Для описания явления затягивающихся и не получающих своего разрешения конфликтов Ф.Морар предлагает ряд дефиниций, описывающих

---

²⁶⁰ См.: Соколов Д. Отказ от насилия — показатель зрелости власти и общества // Кавказское сотрудничество. 20.07.2014; Ярлыкапов А. Непримируемые подогревают Кавказ // «Expert Online», 29 августа 2012

разные форматы подобных конфликтов: неразрешенные, затянувшиеся, длительные, безвыходные или пролонгированные конфликты.²⁶¹

С его слов, термин «затянувшиеся конфликты» часто использовался для объяснения конфликтов в Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии и Нагорном Карабахе.

Ф.Морар пишет, что:

«оставаясь далеким от разрешения, конфликт становится более всеобъемлющим и бессимптомным. Он продолжается вне зоны внимания международных средств массовой информации и международных отношений, никогда не прекращая создавать последствия и новые реальные обстоятельства, даже если его классифицировали как «замороженный конфликт».²⁶²

Об этом же пишет отечественный исследователь В.Шнирельман, отмечая, что «некоторые опасные конфликты остаются в «замороженном» состоянии и чреватые новыми вспышками насилия».²⁶³ Мало того, со временем все большую роль в конфликтах приобретает религиозный фактор, усиливающий их интенсивность и разрушительный эффект.²⁶⁴

Что касается текущего религиозно-политического конфликта в Дагестане, то его разрешение фактически повисло в воздухе по причине практически полного физического исчезновения из архитектуры конфликта одной стороны – вооруженных формирований джихадистов, еще недавно ведших с государственными структурами республики непримиримую войну.

Следует также учесть, что столь стремительное исчезновение группировок боевиков не столько связано с успешностью действий силовиков по их выявлению и уничтожению, сколько с массовой миграцией

---

²⁶¹ Морар Ф. Миф о «замороженных конфликтах». За гранью иллюзорных дилемм // per Concordiam. Журнал по проблемам безопасности и безопасности Европы. №2, 2010. С.11

²⁶² Там же, С.12

²⁶³ Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.6

²⁶⁴ Fox J. Religion and state failure: an examination of the extent and magnitude of religious conflict from 1950 to 1996 // International political science review. 2004. Vol. 25. N 1. P. 55–76

джихадистов на Ближний Восток и их вливания в ряды новой международной джихадистской организации «Исламское государство».²⁶⁵

Тот факт, что массовый отъезд боевиков из Дагестана в Сирию и Ирак не разрешает конфликт в Дагестане, а наоборот создает угрозы нового уровня, писали А.Малашенко, А.Ярлыкапов, А.Черкасов и другие.²⁶⁶ Отсюда возникает сложность классификации религиозно-политического конфликта в Дагестане и определения того, как именно обозначить его сегодняшнюю стадию.

Ситуация такова, что, несмотря на массовый отъезд дагестанских и чеченских боевиков на Ближний Восток, часть дагестанских боевиков, включая лидеров террористической организации «Имарат Кавказ» все еще находятся на территории Дагестана и других республик Северного Кавказа, другая часть боевиков, включая их полевых командиров, оставаясь на территории республик региона присягают лидеру «Исламского государства»,²⁶⁷ а сам религиозно-политический конфликт продолжает развиваться в информационном пространстве, интернационализироваться и глобализироваться.

Проистекающие отсюда невероятная сложность данного конфликта, его параллельное развитие по нескольким каналам и региональным аренам, возникновение угроз безопасности страны совершенно нового уровня, заставляют научно-экспертное сообщество искать новые подходы к описанию и разрешению данного конфликта.

---

²⁶⁵ Отток комбатантов на Ближний Восток — одна из главных причин снижения градуса конфликта на Северном Кавказе // «Кавказский узел», 4 февраля 2014 // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256716/> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁶⁶ Отток комбатантов на Ближний Восток — одна из главных причин снижения градуса конфликта на Северном Кавказе // «Кавказский узел», 4 февраля 2014 // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256716/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента; Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 134. М., 2000; Малашенко А.В. Религию невозможно отделить от политики // Отечественные записки. 2013. № 1 (52)

²⁶⁷ См.: «Имарат Кавказ» вступил в конфронтацию с «Исламским государством» // http://www.inglifeneews.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7457:kavkaz&catid=1:news (Дата обращения 09.05.2024); «Имарат Кавказ» вступает в ИГИЛ // <http://sunna-press.com/analitika-i-islam/25-articles/obzor-i-mnenie/8942-imitat-kavkaz-vstupat-v-igil.html> (Дата обращения 09.05.2024)

ГЛАВА 3.

МОДЕЛИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ ДАГЕСТАНА

3.1. Проблемы трансформации конфликтной ситуации в постсоветском Дагестане

Как было показано выше, эскалация религиозно-политического конфликта в Дагестане в последние полтора десятка лет стремительно перешла от классических форм локального противостояния к разрушительным сценариям вооруженных столкновений, крупномасштабных боевых действий, совершения терактов против гражданского населения с использованием смертников, а также широкой интернационализацией и глобализацией информационного противоборства.

Разразившись между тремя ключевыми участниками – суфийской общиной, салафитской общиной и дагестанскими властями – религиозно-политический конфликт в Дагестане стремительно вышел за пределы возможностей ключевых участников по его урегулированию.

Как отмечала по этому поводу Е.Степанова, одна из наиболее опасных черт внутригосударственных конфликтов – их крайне упорный и ожесточенный характер:

«Эти конфликты являются также наиболее продолжительными: в тех случаях, когда гражданские войны послевоенного периода не заканчивались в первый же год, они, как правило, затягивались на десятилетия...».²⁶⁸

---

²⁶⁸ Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М., 2001. Сс. 6-7; Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1(52). Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). – С. 25; Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2020. Т. 64. № 6. С. 28

Этот же момент подчеркивал и В.А.Тишков, который писал, что эскалация конфликта в Чечне и Дагестане привела к тому, что на этой арене «вершили спектакль внешние акторы», а «конфликт перестал быть собственностью конфликтующих сторон».²⁶⁹

Выше уже рассматривался ряд причин, по которым «суверенное государство оказывается не способными к эффективному противостоянию» эскалации насилия со стороны участников конфликтов подобного формата и интенсивности, с включением в противостояние протестных и диверсионно-террористических группировок. Как отмечает Е.Куштавкина, происходит это из-за того, что:

«Разрабатывавшаяся в 1960-1980-е гг. прошлого века конфликтологическая теория и практика были ориентированы, прежде всего, на задачи регулирования, разрешения и предотвращения так называемых симметричных конфликтов, проявлявшихся в форме межгосударственных войн или региональных конфликтов, за которыми скрывалось, как правило, противостояние двух сверхдержав».²⁷⁰

На современном же этапе ряд авторов предлагает рассматривать еще один, дополнительный уровень сложности конфликтов подобного формата. А именно, подходить к их изучению и анализу с учетом их трансформации по мере их эскалации. Так, Р.Вяюрюнен считает, что:

«Множество теорий конфликта рассматривают проблемы, вокруг которых возник конфликт, акторов конфликта и их интересы как данность, и, исходя из этого, пытаются найти решение, которое устраняло бы или ослабляло противоречия между ними. Однако они не учитывают, что проблемы и интересы постоянно меняются в зависимости от социальных, экономических и политических изменений в обществе».²⁷¹

---

²⁶⁹ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.645

²⁷⁰ Куштавкина Е.А. Трансформационный подход к урегулированию североирландского этнополитического конфликта: позитивный опыт и структурные сложности // Вопросы национальных и федеративных отношений. Сб. науч. ст. под общ. ред. В. А. Михайлова, К. В. Калининой. М., 2010

²⁷¹ Vaughan R. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts. London, 1991. P. 17

Исходя из этого своего посыла, ученый выводит собственную классификацию типов трансформации конфликтов:

- трансформация структуры конфликта, когда трансформируется вся структура взаимоотношений в конфликте;
- трансформация акторов конфликта, связанная с внутренними изменениями сторон конфликта или появлением новых сторон;
- трансформация проблем, в связи с которыми возник конфликт;
- трансформация правил и норм, которые изначально присутствовали в конфликте.²⁷²

Вне всякого сомнения, что для религиозно-политического конфликта в Дагестане подобными факторами трансформации структуры противостояния, изначально зарождавшегося как сугубо религиозно-догматическое, стали его стремительная политизация со стороны салафитского лагеря, две вооруженные кампании в Чечне, получение дагестанскими верующими боевого опыта в Чечне, вторжение боевиков в Дагестан в 1999 г., убийства муфтия Дагестана С.Абубакарова и духовного лидера суфийского большинства республики шейха С.Ацаева и т.д.

Кроме того, существует ряд других серьезных факторов, которые влияли на динамику развития конфликта, на его постоянную многоуровневую и многовекторную трансформацию, что делало его невероятно сложным для полноценного осознания сторонами противостояния, жителями республики, журналистами и экспертами.²⁷³

Что касается трансформации проблем, по поводу которых возник и развивался конфликт, а также правил и норм, на которые изначально ориентировались стороны противостояния, то на всех описанных нами выше этапах развития данного конфликта дагестанские власти и общественные силы республики в меру своих возможностей пытались сдержать

---

²⁷² Vayrynen R. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts. London, 1991. P. 17

²⁷³ Кольба А.И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука, 2020, No 3. С. 53

дальнейшую эскалацию насилия и взаимной агрессии, вспыхнувших между двумя ключевыми мусульманскими общинами республики.

Тем не менее, эксперты указывают на такой скрытый от глаз общественности фактор трансформации акторов текущего религиозно-политического конфликта, как поддержка частью дагестанского чиновничьего корпуса высокого уровня напряжения и противостояния между сторонами конфликта.

Так, согласно мнению дагестанского социолога Э.Кисриеву:

«Местные чиновники были заинтересованы в том, чтобы существовали экстремистские группировки, с которыми надо бороться». (...) «Действия властей делают молодежь непримиримой. Сражаясь с новым, напряженно думающим об вере, мусульманским поколением, региональные функционеры доказывают Центру свою необходимость».²⁷⁴

По словам Э.Кисриева, часть федеральных чиновников также была «заинтересована в том, чтобы общественное сознание россиян было мобилизовано перед лицом этой страшной "ваххабитской" опасности»:

«Придавая религиозное звучание любому протесту на Северном Кавказе, чиновники всех уровней затушевывают серьезные социальные проблемы, которые приводят к появлению исламского радикализма – массовую безработицу при большой рождаемости, бедность населения».²⁷⁵

Естественно, что такая деструктивная роль отдельных федеральных и республиканских чиновников серьезно трансформировала конфликт, усугубляла его ход, заводила в глубокий тупик, приводивший к нереализуемости многих мирных инициатив, исходивших от властей, общественности и экспертной среды. Громкие разоблачения и аресты последних лет в среде дагестанского чиновничества на уровне руководства структур МВД, Администрации г. Махачкалы, дагестанского парламента по обвинению в связях с диверсионно-террористическим подпольем, а также в

---

²⁷⁴ Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // http://www.portal-credo.ru/site/?act=press&type=list&press_id=315 (Дата обращения 09.05.2024)

²⁷⁵ Там же

финансировании боевиков и использовании их в своих политических целях, в значительной степени подтверждают приведенные выше утверждения.²⁷⁶

На этом фоне вовлеченности части дагестанского чиновничьего корпуса в поддержание напряженности религиозно-политического конфликта в республике, дагестанское общество, особенно его граждански активная часть, оставалось наиболее заинтересованным в скорейшем разрешении конфликта актором. Данный факт также вносил свой вклад в трансформацию соотношений сил между участниками конфликта и сторонними акторами, каковым дагестанская общественность оставалась длительное время. Для достижения целей нашей диссертации нам необходимо проанализировать степень трансформации роли дагестанской общественности и отдельных гражданских структур в текущем конфликте, чтобы понять степень их влияния на изучаемое противостояние.

Участие дагестанской общественности в снижении остроты, урегулировании и преодолении последствий конфликта начало реализовываться уже в первые же годы эскалации вооруженного противостояния и было связано со случаями гражданского героизма обычных жителей дагестанских сел, которые ценой собственной безопасности пытались сдерживать агрессивные устремления боевиков.²⁷⁷

По общепризнанным в стране оценкам, во время событий 1999 г. общественность Дагестана показала высокую степень самоотверженности и консолидации перед лицом угрозы их малой родине. Тогда по всей республике была объявлена мобилизация добровольцев и ополченцев для разгрома боевиков, вторгшихся на территорию Дагестана из Чечни.

Героизм дагестанских ополченцев и простых граждан заслужил и высокую оценку Президента страны В.Путина, который на приеме в Кремле 29 декабря 2000 г., устроенном для дагестанской делегации, отметил:

---

²⁷⁶ Саид Амиров задержан благодаря показаниям Гучучалиева, заявляют силовики // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/225041/> (Дата обращения 09.05.2024); Задержан «авторитетный депутат» Народного Собрания Дагестана Магомед Магомедов // <http://www.kp.ru/daily/26099/2997348/> (Дата обращения 09.05.2024); Силовики Махачкалы заподозрили в причастности к заказному убийству // <http://izvestia.ru/news/547380#ixzz3Ibh8Jcrj> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁷⁷ Рашидов С.Ф. Конфликт исламских идентичностей в современном Дагестане. Измаил, 2019. С 55

«Мне как руководителю страны решительность в своих действиях в немалой степени придавали характер и настроения дагестанцев в те нелегкие дни. Дагестанцы проявили истинный патриотизм. Бандиты использовали не только силу, но и пытались спекулировать на религиозных ценностях, и здесь им не удалось вас обмануть. Ваши действия в целом помогли сплотить общество в республике и в стране».²⁷⁹

Данные события, как мы отмечали выше, явились на тот момент серьезным фактором трансформации структуры нарастающего религиозно-политического противостояния в республике. Поскольку впервые за весь период развития конфликта в него открыто вмешались общественные силы республики, самым серьезным образом изменив на определенный период его внутреннюю структуру и расклад сил в противостоянии.²⁸⁰

Дагестанские и чеченские боевики, а также радикальные салафиты, которые во все годы предыдущие стремительно наращивали свое влияние в Дагестане, формировали и укрепляли шариатские вооруженные анклавы на территории республики в Кадарской и Цумадинской зонах с резким включением в конфликт мобилизованной дагестанской общественности, потеряли практически все свои позиции в республике. В выявлении и сдаче

---

²⁷⁹ Цит.по: К 10-летию юбилею в Постпредстве РД при Президенте РФ прошли торжественные мероприятия // Сайт Главы Республики Дагестан. <http://president.e-dag.ru/rukovodstvo/postpredstvo/novosti/k-10-letnemu-yubileyu-v-postpredstve-rd-pri-prezidente-rf-proshli-torzhestvennye-meropriyatiya> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁸⁰ Приведем здесь несколько фактов о том, как жители некоторых сел республики противодействовали боевикам во время их вторжения в приграничные с Чечней Ботлихский и Новолакский районы Дагестана.

Тогда летом и осенью 1999 года объединенные силы дагестанских и чеченских боевиков под командованием Хаттаба и Ш.Басаева вторглись в ближайшие к Чечне районы Дагестана в уверенности, что население этих районов их поддержит. Однако против боевиков в те дни поднялись не только жители этих районов, но и практически все население Дагестана. М.Идрисов, в 1999 году – военный комиссар Ботлихского района Дагестана вспоминает, что только в его районе против боевиков поднялись около семи тысяч добровольцев. «Военкоматы раздавали людям оружие. Затем подтянулись армейские части», - рассказывает он. Цит.по: Сладков А. Терроризм: 10-я годовщина вторжения в Дагестан // <http://vesti7.ru/news?id=14854> (Дата обращения 09.05.2024)

Далее, правозащитник О.Орлов приводит факты того, как вели себя жители сел Новолакского района Дагестана в 1999 году после вторжения в их села боевиков из Чечни. «В селе Охар жители, после того, как боевики вошли в это село, собрались на площади перед мечетью и довольно резко потребовали от боевиков выйти из села. Небольшая группа молодежи, - такие действительно нашлись, кто заявил о поддержке боевиков и готовности сражаться вместе с ними, - была изгнана жителями села».

Другой пример, который приводит О.Орлов, касается соседнего села Шушия того же района, населенного чеченцами-аккинцами. Со слов Орлова, жители этого селения создали свой ополченческий отряд. «Вначале, они помогли и спасли милиционеров, которые находились на посту на границе. Они смогли их вывести за пределы зоны, оккупированной боевиками. В течении двух суток они не допускали в свое село боевиков». См.: События в Дагестане глазами очевидцев. Пресс-конференция Сергея Ковалева, Олега Орлова, Александра Соколова, Александра Черкасова // <http://www.index.org.ru/mayday/caucasus/conf2809.html> (Дата обращения 09.05.2024)

властям пособников боевиков, сторонников радикальных форм ислама, а также в изгнании радикальных проповедников из своих сел и районов приняло в тот момент практически все население Дагестана.²⁸¹

В последующие годы дагестанские власти в полной мере пытались использовать патриотический, воспитательный, мобилизационный и идеологический заряд событий того времени, организуя многочисленные круглые столы, встречи ополченцев с молодежью, вахты памяти, заказывая телевизионные передачи и фильмы. Несмотря на это, по ряду причин, фактор стремительной мобилизации дагестанского общества перед лицом общей угрозы, активного включения в процесс прекращения противостояния и кровопролития на религиозно-политической основе, постепенно сошел на нет. Данный факт привел к новому этапу трансформации структуры и акторов религиозно-политического конфликта в республике, который начал постепенно выходить на новый уровень.²⁸²

В связи с чем, по истечении более чем 15 лет с тех трагических и одновременно героических событий, экспертам приходится констатировать, что с постепенным самоустранением дагестанской общественности от участия в окончательном разрешении и прекращении текущего конфликта, власти также упустили инициативу, а сама тема широкого общественного противостояния дагестанского населения боевикам и радикалам перестала мобилизующим и консолидирующим образом влиять на жителей республики.²⁸³

Причин данного явления много и некоторые из них будут рассмотрены ниже. Пока же отметим, что события 1999 г., к сожалению, не послужили действенным фактором для системной организации самого дагестанского

---

²⁸¹ См., например: Акаев В. Военные столкновения между ваххабитами и последователями суфизма. Информационно-аналитический портал «Евразия». 30 октября 2013 // <http://evrazia.org/article/2405> (Дата обращения 09.05.2024); Суфизм и ваххабизм: социокультурная несовместимость // <http://www.jourclub.ru/22/1446/4/> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁸² См.: Гусейнов Г.Н. Маслиат - призыв к миру // Народы Дагестана. № 6, 2010; Дагестан устал от крови // <http://ansar.ru/society/2011/6/18/17339> (Дата обращения 09.05.2024)

²⁸³ Ильясов М. Нестабильность на Северном Кавказе: причины, факторы и возможные последствия // Бюллетень Regional Dialogue, №2; Исрапилов С. Дагестан выносит приговор российской власти // <http://otchizna.su/politics/6924> (Дата обращения 09.05.2024)

общества на основе патриотических и гражданских ценностей. После этих событий в Дагестане не родилось никакого широкого общественного движения или процесса гражданской самоорганизации в защиту общественных завоеваний того года, в защиту безопасности дагестанского общества.²⁸⁴

Все инициативы по использованию тематики тех событий принадлежали дагестанским властям, которые не смогли в полной мере сделать общественный подвиг простых дагестанцев «точкой сборки» активной части гражданского сообщества. В информационном поле также наблюдается снижение консолидирующего и воспитательного эффекта материалов и сюжетов о событиях тех лет.²⁸⁵

Отчасти произошедшую трансформацию в сознании дагестанцев объясняют журналисты еженедельника «Настоящее время». Газета в канун очередной годовщины со дня разгрома боевиков Ш.Басаева и Хаттаба в Дагестане отмечает, что через десять с лишним лет «единым фронтом давший отпор боевикам в 1999-ом г. Дагестан уже превратился в поле кровавого гражданского побоища» и что, «те же самые горцы, которые 12 лет назад в едином порыве встали на защиту Дагестана от внешнего посягательства, сегодня с полным равнодушием взирают на то, как их республика захлебывается кровью в непрекращающейся гражданской войне».²⁸⁶

Несмотря на всю катастрофичность развивающихся в республике событий, и то «гражданское оцепенение», в которое впала дагестанская общественность, до сих пор ни дагестанские власти, ни дагестанская общественность не смогли дать внятного ответа на то, что происходит с республикой и населением Дагестана, а также каким должен быть ответ Дагестана на стоящие перед ним вызовы.

---

²⁸⁴ См.: Сиражуудинова С.В. Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2012. С. 156

²⁸⁵ Рашидов С.Ф. Конфликт исламских идентичностей в современном Дагестане. Измаил, 2019. С. 60

²⁸⁶ См.: «Мочить» уже не работает... // Настоящее время. 2011 №37 от 23 сентября; Когда народ проигран // Настоящее время. 2011 №15 от 22 апреля

Понять то состояние, в котором пребывало тогда дагестанское общество, позволяет категория «социальной аномии», которым Э.Дюркгейм обозначал состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии обществ, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились.²⁸⁷ Такой же социальный диагноз ставит нашему обществу современный кавказский исследователь З.Жапуев. Согласно ему этот диагноз «определяется «болезненным» характером современной российской реальности, в которой фиксируется рост социальной аномии и воспроизводство деструктивных явлений в ходе общественной динамики».²⁸⁸

Отечественный исследователь Н.Покровский, характеризуя многообразие проявлений социальной аномии в обществе, пишет, что к числу легко наблюдаемых и определяемых «индикаторов» социальной аномии можно отнести «рост преступности, социальный хаос, «смятение душ», неясность жизненных целей, резкое снижение предсказуемости во времени тех или иных явлений, связанных с данной социальной системой, возрастание значимости материальных ориентации, как противоположных нравственным и духовным».²⁸⁹

Что касается представителей самого дагестанского общества, то одна из попыток понять, что происходит в дагестанском обществе, нашла отражение в материале местного исламоведа и журналиста Р.Гереева, который пишет о том, что республику поразил общественный раскол по причине глубокого «кризиса традиционного общества».²⁹⁰

---

²⁸⁷ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 235

²⁸⁸ Жапуев З.А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. № 6, 2012. С. 180

²⁸⁹ Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. Публицистика. М., 2008; Автор: Михайлов А. Теоретико-методологические основы явления девиации. // Вестник Адыгейского государственного университета. № 2, 2005. С.153; Туркиашвили Ш.А., Горозия В.Е. Понятие аномии и попытки его модификации // Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Выпуск 2 / Сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) Под ред. В.В.Парцвания СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С.249-258; Мещерякова Н.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социальной аномии в российском обществе // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2014. №3 (27). С.105;

²⁹⁰ Случилось страшное... // http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/866994-echo/

Относительно кризиса традиционного общества, проблему которого подняли дагестанские журналисты, отечественный исследователь В.Фельдман пишет, что данный вид кризиса представляет собой следующее:

«Критическое, переломное состояние социальной системы, когда уже происходит распад, в прошлом относительно устойчивых, социальных связей, причем имеющих жизненно важное значение для воспроизводства и развития общественной системы».²⁹¹

Согласно подходу отечественного исследователя Н.Я.Данилевского, любая цивилизация, представляющая самобытный культурно-исторический тип, имеет пределы своего бытия. Конец цивилизации Данилевский представлял, как время прекращения творческой активности народа. Он полагал, что в ситуации кризиса одни народы дряхлеют в апатии самодовольства, другие – впадают в апатию отчаяния.²⁹²

Согласно другому подходу, который развивал английский историк А.Тойнби, подобные социальные кризисы возникают в том обществе, где правящая элита перестает обновляться. Поскольку, с его точки зрения, общество имеет исторические перспективы до тех пор, пока правящая элита обладает способностью к конструктивным решениям и действиям и пока народ, определяемый как пассивное большинство, следует за элитой по пути реализации ее планов. При наличии таких тенденций в обществе, согласно А.Тойнби, закономерно начинается процесс деградации элиты, проявляющийся в утрате способности правящего слоя принимать рациональные и верные решения проблем, возникающих в жизни общества.²⁹³

В принципе, все эти выкладки применимы и к дагестанскому обществу периода постсоветского системного кризиса, который сопровождался и деградацией правящей элиты в республике, и ростом апатии населения, и

---

²⁹¹ Фельдман В.Р. Идеология в процессе деградации и кризиса традиционного общества народов Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. № 14, 2013. С.149

²⁹² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С.98

²⁹³ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 2002. С.323

нарастающим разложением традиционного общества и одновременными попытками радикальных мусульманских общин повернуть это разложение вспять насильственными методами.²⁹⁴ Именно эти процессы и описывал дагестанский журналист Р.Гереев, когда писал:

«Сегодня линия отчуждения, ненависти и вражды пролегает посреди самого дагестанского общества, разделяя семьи и противопоставляя ближайших родственников. Это говорит о том, что в Дагестане полным ходом идет настоящий распад самой социальной ткани, распад общества, как такового».²⁹⁵

Со слов В.Фельдмана, при наличии таких тенденций возможен полный распад социальной системы, или кризис общества преодолевается на путях самоорганизации, и общество приобретает новые исторические перспективы.²⁹⁶ На изучаемый период времени самоорганизации дагестанского общества перед лицом угроз набирающего обороты религиозно-политического конфликта еще не произошло.

В данной ситуации становится понятным, почему не увенчались успехом приведенные нами выше примеры того, как представители светской научной и творческой интеллигенции Дагестана пытались призвать к миру противоборствующие стороны конфликта. Поскольку логика развития именно религиозно-политического конфликта, как отмечалось в предыдущих параграфах, была такова, что стоящие на религиозных позициях стороны конфликта абсолютно не прислушивались к голосу светских деятелей, считая их в лучшем случае «несведущими в делах ислама», а в худшем – «неверными» и «врагами ислама». При этом в республике наблюдались попытки удержать стороны конфликта от насилия и представителями журналистского сообщества Дагестана, которые, сохраняя свои позиции в общественной и информационной системе республики, уже успели

---

²⁹⁴ Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов-на-Дону, 2016

²⁹⁵ Случилось страшное... // http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/866994-echo/ (Дата обращения 09.05.2024)

²⁹⁶ Фельдман В.Р. Идеология в процессе деградации и кризиса традиционного общества народов Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. № 14, 2013. С.149

пропитаться мусульманскими ценностями и начинали позиционировать себя, как соблюдающие мусульмане.

Примером такого деятеля является заместитель главного редактора газеты «Молодежь Дагестана» А.Мехтиханов. Он в своих материалах начал активно использовать религиозные доводы для удержания сторон конфликта от взаимного насилия. К примеру, он писал, что Коран, ислам запрещает терроризм, экстремизм. Так, в статье «Схватка» он пишет:

«Террористы убеждены, что их стратегическая «благородная цель» - создание всемирного исламского государства - оправдывает любые их действия в процессе ее достижения. Более того, они уверены, что в этом и заключается суть джихада. Вопреки их мнению Коран категорически запрещает навязывание исламского вероисповедания».²⁹⁷

Для подтверждения своего мнения, он приводит даже стихи из Корана. Далее А.Мехтиханов делает вывод о том, что:

«Любой экстремист-террорист, прикрывающийся благородными целями и красивыми словами и нарушающий этот принцип, бросает вызов тексту Священного Писания мусульман».²⁹⁸

А.Мехтиханов был не одинок в своих попытках достучаться до сознания дагестанцев через апеллирование к исламским текстам и ценностям. Данных тем в своих материалах и заявлениях также касались покойные ныне дагестанские журналисты и аналитики – директор Центра стратегических исследований и политических технологий З.Варисов, учредитель газеты «Черновик» Х.Камалов, заместитель главного редактора газеты «Новое дело» А.Ахмеднабиев и многие другие. Несмотря на приложенные усилия, их старания не приводили к желаемому эффекту. Спираль взаимного насилия в республике по мере растущей интернационализации и глобализации конфликта продолжала раскручиваться все стремительнее, а дагестанское общество продолжало все больше

---

²⁹⁷ Мехтиханов А. Схватка // Молодежь Дагестана. No 42. 19.10.2001. С. 3

²⁹⁸ Там же

самоустраняться от попыток решения конфликта, поскольку уже не успевало за его стремительной эскалацией.

Кроме интернационализации и глобализации конфликта, приобретения им асимметричного характера, о чем мы писали выше, стоит упомянуть еще несколько факторов, которые приводили к нарастающему самоустранению дагестанской общественности от стабилизирующего участия в конфликте. Среди этих причин стоит назвать нарастающее озлобление жителей республики по поводу неправовых действий со стороны республиканских и федеральных силовиков; растущее число похищений, пыток и расстрелов мирных жителей, подозреваемых в связях с боевиками; широкое вовлечение в ряды боевиков детей и родственников значительного числа жителей республики.²⁹⁹

В этом свете достаточно угрожающе выглядели прогнозы, которые дал развитию событий в республике один из идеологических лидеров боевиков Я.Расулов. В своей статье «Зеркало кавказской судьбы» Я.Расулов еще до вступления в ряды боевиков высказывал серьезные сомнения в том, сумеет ли постперестроечная Россия в век, в котором главенствующими являются демократические принципы и идеалы, декларирующие свободу слова и мысли, права отдельного человека и целых народов, справиться с вооруженными группировками под знаменами ислама, используя те самые методы, которые не помогли ни царскому, ни советскому режиму.³⁰⁰

Он на страницах печати открыто высказывал свою убежденность в том, что такая победа над «исламскими силами» в современном мире невозможна. Далее он обосновывал эту свою убежденность следующими примерами:

«Карательные акции переводят конфликт лишь в стадию глухого противления с перманентными вспышками вооруженного сопротивления и терактами против представителей власти и силовых структур.

---

²⁹⁹ См.: Количество похищений людей в Дагестане за год увеличилось более чем в 2 раза // Газета «Черновик». 28.02.2013; Милашина Е. Побеждает тот, кто заказывает // «Новая газета». 08.06.2009

³⁰⁰ Расулов Я. Зеркало кавказской судьбы // Черновик. 2004-09-10 №29

Дискредитирующая пропаганда со стороны «официального» ислама только усугубляет и обостряет конфликт».³⁰¹

Осознание этой неспособности официальных властей успешно противостоять вооруженному подполью, остановить распространение радикальных идей и настроений, все более растущую популярность идеи исламской государственности, вооруженного «джихада» и установления шариата в дагестанском обществе и позволяло боевикам все эти годы, несмотря на все свои физические потери, заявлять о своих стратегических успехах.

Современный израильский автор М. ван Кревельд подробно описал эти процессы в своей книге «Трансформация войны».³⁰² По словам этого военного теоретика, если государство теряет инициативу в вооруженном противостоянии с инсургентами и не может покончить с вооруженным сопротивлением на собственной территории в течение длительного времени, то этот факт оборачивается для государства стратегическим поражением, а для вооруженных группировок стратегическим выигрышем. Для победы же над вооруженными группировками государству необходимо решительно перехватывать инициативу и завершать конфликт в кратчайшие сроки.³⁰³

Это явление, по М. ван Кревельду, связано с тем, что что современные войны с боевиками и террористами обходятся правительствам и армиями большими издержками и негарантированностью скорых побед над противником:

«Часто результатом являются ощутимые жертвы среди местного населения, и нельзя недооценивать психологические последствия этого».³⁰⁴

---

³⁰¹ Расулов Я. Зеркало кавказской судьбы // Черновик. 2004-09-10 №29

³⁰² Creveld van, M. Transformation of Warfare. New York, 1991

³⁰³ См.: Ван Кревельд М. Трансформация войны. Пер. с англ. М., 2005. С. 25, 37

³⁰⁴ Ван Кревельд М. Война и современное государство // <http://polit.ru/article/2006/09/26/kreveld/> (Дата обращения 09.05.2024)

Так оно и произошло в дагестанском обществе, где череда непрекращающихся вооруженных столкновений между боевиками и силовиками, постоянные штурмы жилых домов, расстрелы подозреваемых в пособничестве боевикам, похищения жителей привели к тому, что в дагестанском обществе начала копиться усталость, апатия, раздражение и даже озлобленность по отношению к силовым и государственным структурам, которые на протяжении долгих лет не могут справиться с ситуацией в республике. Данный факт явился дополнительным фактором глубокой трансформации расклада сил внутри структуры дагестанского религиозно-политического конфликта.

Несомненно, на рост усталости и апатии населения на фоне непрекращающегося конфликта повлияли и высокая степень коррумпированности общественно-политической и социально-экономической жизни в республике, общий системный кризис, высокий уровень безработицы, засилье кланов и отсутствие перспектив для значительной части населения республики. На этом фоне редакция газеты «Настоящее время» задается очень острым для республики вопросом относительно того, почему в Дагестане, уже который год сотрясающегося от непрекращающейся войны между силовиками и боевиками, ни власть, ни боевики не могут переломить ситуацию в свою пользу? Далее редакция предлагает свой ответ на данный вопрос:

«Причина же, по которой ни одна из сторон не может добиться ощутимого результата в этой войне, проста. Пока силовики и боевики уничтожают друг друга, сила, которая могла бы все это прекратить, безучастно наблюдает за всей этой бойней. Речь идет о дагестанском обществе».³⁰⁵

В принципе, вывод журналистов о том, что большинство дагестанцев практически полностью самоустранилось от участия в этом конфликте властей и боевиков под предлогом, что «это для них чужая война», разделяют в республике многие. О равнодушии сегодняшнего дагестанского

---

³⁰⁵ Когда народ проигран // Настоящее время. 2011 №15 от 22 апреля

общества, с которым оно взирает на продолжающееся кровопролитие в республике, уже писалось выше. «Именно это является самым большим поражением, как власти, так и боевиков», - продолжает в своем материале газета «Настоящее время», отмечая, что ни дагестанское правительство, ни дагестанские боевики за эти годы не смогли завоевать доверие народа настолько, чтобы жители республики в этой войне приняли бы одну из сторон:

«Если бы правительство искоренило бы коррупцию в социальной, жилищно-коммунальной, медицинской и образовательной сферах, очистило бы общество от всех воров и казнокрадов во власти, встало бы на защиту прав простых людей против произвола чиновников, уничтожило бы клановость, то простые жители своими руками разделались бы с каждым из боевиков, смеющимся покушаться на такую власть».³⁰⁶

К сожалению, дагестанское общество за все этапы нараставшего десятилетиями религиозно-политического конфликта так и не смогло выработать соизмеримой с активностью и наступательностью боевиков готовности отстаивать мир и согласие в республике, а также свои собственные общественные и гражданские интересы. Со слов американского исследователя Р.Патнэма, для трансформации конфликта в сторону усиления конструктивной и стабилизирующей роли гражданских структур необходимо, чтобы гражданские активисты «создавали социальные сети» и поддерживали друг друга, что приводит к росту социального капитала, взаимного доверия между гражданскими активистами и росту уверенности в собственных силах.³⁰⁷

Несмотря на это, ситуация в Дагестане периода эскалации конфликта была далека от той, которую описывал Р.Патнэм, поскольку все эти годы общественное поле республики сохраняло предельную фрагментированность и замкнутость социальных групп в границах субэтнических и территориальных сообществ. Можно полагать, что это связано с тем, что

---

³⁰⁶ Когда народ проигран // Настоящее время. 2011 №15 от 22 апреля

³⁰⁷ Широков А. Надежда социальной инженерии // Журнал «Эксперт», 12 июня, 2006

процесс нарастания и углубления социальных расколов³⁰⁸, который в Дагестане был спровоцирован крушением СССР, не дошел до своего логического конца и не породил на тот момент обратных процессов социальной консолидации.³⁰⁹

Так, жители Дагестана после событий 1999 г., на протяжении всего хода конфликта на случаи прямой угрозы их интересам со стороны участников конфликта реагировали мгновенной мобилизацией только в тех случаях, когда это касалось их ближайших родственников.³¹⁰

Такая легкая мобилизация жителей дагестанских районов в деле защиты своих личных интересов вполне объяснима, поскольку историческое сознание дагестанских народов формировалось именно в рамках этих локальных сообществ, которые еще дореволюционные авторы называли «джамаатами» и «вольными обществами».

Уже на этом уровне, участвующие в протестах жители тех или иных районов, пытаются своими силами организовать своим акциям информационную поддержку. Зачастую они связываются со своими друзьями в республиканских СМИ и просят их осветить их акцию в СМИ, заявить об их требованиях и т.д. Как правило, дальше этого попытки инициирования некоей информационной кампании на этом уровне не идут.

---

³⁰⁸ См.: Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4

³⁰⁹ См., например: Агеева Е.А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (На примере полиэтничного региона). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004; Матвеев Ю.И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2002; Дыльнова Т. В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Саратов, 2005; Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф, 2010

³¹⁰ Таких случаев республика знает десятки. Весьма показательными в этом отношении являются митинг жителей Цунтинского района республики, выразивших свою готовность оказать вооруженное противостояние членам НВФ из-за убийства ими местного лесника, митинг жителей Цумадинского района недовольных задержанием силовиками их земляков – братьев Гаирбековых, митинг жителей Казбековского района против районного главы, которого они обвиняли в убийстве местного жителя и т.д. См.: Цунтинцы хотят в ополчение // Выпуск № 35 (971). 03 Сентября 2010; УФСБ по Дагестану выступило с заявлением по поводу митинга 28 апреля // <http://www.regnum.ru/news/447797.html#ixzz2uiCp2Dy0> (Дата обращения 09.05.2024); В Дагестане сместили обвиняемого в убийствах главу Казбековского района // <http://abkhasia.kavkaz-uzel.ru/articles/111735/?print=true> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента

Следующий уровень мобилизации дагестанских жителей в защиту собственных интересов наблюдается на национальном уровне, когда мобилизуются жители уже на уровне отдельного этноса. Например, как представители аварского, лезгинского или кумыкского и др. народов. Однако подобная мобилизация жителей Дагестана по национальному признаку, в отличие от мобилизации на сельском или районном уровне, за все эти годы ни разу не случалась в ответ на вызовы, исходящие от участников текущего религиозно-политического конфликта – боевиков или силовиков.

Национальная мобилизация, в основном происходила, в ответ на некие вызовы, исходящие от самой республиканской власти, или же в ответ на ее неспособность решить некую жизненную проблему того или иного народа республики.³¹¹ На данном уровне мобилизации участники организуемых общественных акций демонстрируют обычно более широкий подход к организации информационной кампании в свою пользу. Обычно в акциях подобного уровня уже принимают участие не просто сельские жители, но состоявшиеся представители того или иного народа – ученые, писатели, общественные деятели, аналитики, журналисты и бизнесмены.

Они помогают участникам подобных мероприятий выйти на более солидные СМИ республиканского, общекавказского и общероссийского уровня. Примером тому может служить тот факт, что об акциях Федеральной лезгинской национально-культурной автономии против переименования одной из улиц Дербента в честь бывшего президента Азербайджана Г.Алиева писали не только дагестанские и общекавказские СМИ, и даже такие солидные издания федерального уровня, как «Российская газета».

---

³¹¹ Здесь можно привести в пример многочисленные митинги представителей кумыкского народа, требующих от властей возвращения им их исторических земель, или митинг представителей лезгинского народа, протестовавших против переименования одной из улиц Дербента в честь бывшего президента Азербайджана Г.Алиева. См.: В Дагестане прошел митинг представителей кумыкского народа // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/165522/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента; Участники митинга «Дербент – южный форпост России» в Москве потребовали отменить решение о переименовании улицы Советской // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/226408/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента

На более высоком – общереспубликанском уровне подобная мобилизация жителей Дагестана наблюдалась за все годы эскалации религиозно-политического конфликта только один раз – в ответ на вторжение боевиков со стороны Чечни в 1999 г. О событиях тех лет и последующем процессе снижения их эффекта в общественном сознании дагестанцев мы уже писали выше. Тем не менее, стоит отметить, что после 1999 г. в республике было организовано два крупных мероприятий общереспубликанского уровня, называвшихся Съездами народов Дагестана. Один из этих съездов был организован в 2010 г. Администрацией действовавшего главы Дагестана М.Магомедова, а другой был проведен в Москве силами оппозиционных политиков А.Амутинова и Г.Омарова.³¹²

Из-за этого данные мероприятия не могут быть отнесены к примерам гражданской самоорганизации жителей республики. Таким образом, за последние десятилетия, прошедшие с событий 1999 г., дагестанская общественность существовала или в формате периодической мобилизации в ответ на вызовы своим интересам на уровне районов или национальной идентичности. Конечно, нельзя отрицать, что в Дагестане за эти годы были проведены многочисленные круглые столы и конференции, посвященные профилактике экстремизма и радикализма; молодежные форумы, были инициированы всякого рода проекты по развитию инновационного и креативного потенциала молодежи.³¹³ Духовное управление мусульман Дагестана все эти годы проводило Съезды алимов (мусульманских ученых – авт.), как уровне отдельных районов, так и всей республики.

---

³¹² III Съезд народов Дагестана // Народы Дагестана. №1.2011 от 25 Февраля 2011; Участники Съезда народов Дагестана в Москве предложили провести всенародные выборы главы республики // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/214769/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента

³¹³ Проект Дагестанский гражданский университет // <http://www.forumargo.ru/projects/view/id/35> (Дата обращения 09.05.2024); В Дагестане молодежный форум "Диалог–М" собрал более 300 человек // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/207867/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента; В Дагестане состоялся первый молодежный форум волонтеров // <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/pervij-molodezhnij-forum-volonterov/9138579/> (Дата обращения 09.05.2024)

Журналистское сообщество республики периодически собирало своих активных членов, как в Дагестане, так и в Москве. Тем не менее, большинство этих собраний были посвящены трагическим событиям – убийствам самых ярких журналистов республики, таких как глава республиканского Миннаца З.Арухов, главный редактор газеты «Молодежь Дагестана» Г.Абашилов, учредитель газеты «Черновик» Х.Камалов, заместитель главного редактора газеты «Новое дело» А.Ахмеднабиев.

Причем в большинстве из этих резонансных убийств близкие и коллеги убитых обвиняли не боевиков, а те или иные клановые группировки внутри власти. Что удивительно, не произошло массовой мобилизации дагестанского общества и после убийства двух самых влиятельных суфийских шейхов Дагестана – С.Хурикского (Исрафилова) и С.Чиркейского (Ацаева). Причем последнего все эти годы власть и сами его последователи называли духовным лидером всего Дагестана.

Следует отметить, что реакция на его смерть расколотого дагестанского общества показала, что единого лидера у него не появилось за все годы конфликта. Однако при отсутствии мобилизации и консолидации всего дагестанского общества после этого убийства, странным образом относительно без широких последствий смирились с этим убийством и сами последователи убитого шейха.³¹⁴

В продолжение темы стоит упомянуть еще об одном амбициозном проекте, направленном на решение проблемы увлечения дагестанской молодежи радикальными идеями. Речь идет о серьезной финансовой поддержке дагестанского футбольного клуба «Анжи» дагестанским олигархом С.Керимовым. Поскольку в данном проекте С.Керимов действовал как частный инвестор, этот проект можно с определенной долей условности отнести к общественным инициативам по снижению остроты текущего конфликта.

---

³¹⁴ Данный факт роднит это убийство с убийством муфтия Дагестана С.Абубакарова в 1998 году. В обоих случаях убийства были совершены через подрывы. И, несмотря на то, что муфтий был убит путем подрыва его автомобиля, а шейх был убит самоподрывом смертницы, и в том и в другом случае в дагестанском обществе упорно муссировались версии о наличии в этих убийствах неких «интересов правящих кланов».

Журналисты пытались объяснить огромные безвозвратные инвестиции С. Керимова в провинциальный футбольный клуб желанием олигарха укрепить свои позиции перед московскими властями.

Портал WordYou писал, утверждая, что всемерная раскрутка футбольной темы в Дагестане отвлекает дагестанскую молодежь от радикальных идей и предлагает им вместо них футбольный азарт и романтику:

«Тысячи дагестанских парней, по данным российских спецслужб, сидят на сайтах боевиков... Обсуждают тонкости «джихада» в чатах и соцсетях... Многие из них начинают даже оказывать содействие боевикам... Альтернативной идеологии, способной отвлечь этих ребят от «леса», нет».³¹⁵

Проект форсированной «раскрутки» «Анжи» сопровождался информационной кампанией, несравнимой по своему размаху ни с одним другим проектом в республике. Однако этот проект, не будучи инициированным и поддержанным широкими слоями дагестанского населения в скором времени был свернут, как только интересы С. Керимова в Дагестане изменились.³¹⁶

Стоит упомянуть и медийно-идеологический проект, направленный на профилактику радикальных идей в среде дагестанской молодежи – документально-художественный фильм «Право на выбор», который был снят московскими кинематографистами по заказу правительства Дагестана. Он частично был основан на реальных судьбах попавшей в ряды боевиков дагестанской молодежи и был призван показать ошибочность увлечения экстремистскими идеями. В Дагестане на уровне нескольких городов были организованы просмотры фильма молодежью с последующим обсуждением и дискуссиями. Однако большого эффекта на поведение молодежи данный фильм, при всей остроте поднятой проблемы, также не произвел.³¹⁷

---

³¹⁵ Сулейман Керимов против «леса» // <http://wordyou.ru/kolonki/sulejman-kerimov-protiv-lesa.html> (Дата обращения 09.05.2024)

³¹⁶ Сулейманово решение // <http://www.kommersant.ru/doc/2250011> (Дата обращения 09.05.2024)

³¹⁷ В Дагестане участники дискуссии о фильме об экстремизме одобрили вывод проблемы на широкое обсуждение // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/206397/> (Дата обращения 09.05.2024)

Таким образом, проведенный в данном параграфе анализ трансформации религиозно-политического конфликта в Дагестане, анализ роли общественных сил и гражданских структур Дагестана в снижении остроты религиозно-политического конфликта в республике показали явную недостаточность сил гражданского сектора в деле преодоления последствий противостояния различных частей дагестанского общества.

Многие факторы этой низкой эффективности гражданских структур Дагестана в сдерживании дальнейшей эскалации насилия в республике мы проанализировали выше. Тем не менее, здесь придется вернуться к положениям русского военного теоретика Е.Месснера о том, что в современном мире в противостоянии «воюющих движений» с правительственными структурами, доминирующими являются именно психологические факторы.

О ключевой роли «психологического» и «иррационального» в современных вооруженных конфликтах с параллельным разворачиванием информационного противоборства писали и М. ван Кревельд³¹⁸, и В.А.Тишков³¹⁹. В Дагестане же исторически так сложилось, что здесь «психологическое» довлеет над «рациональным», «стихийное» - над «системным», «неформальное» - над «формальным». В этих условиях для противодействия группировкам, использующим невероятные по своей «социальной энергетике» и «психологической заряженности» посылы и примеры поведения, недостаточно только системных и формальных ответов, исходящих или от чиновников, или от аффилированных с властью общественных структур.

Для существенной трансформации структуры, норм, соотношения сил акторов текущего религиозно-политического конфликта, что создаст условия для уравнивания и последующего нивелирования влияния экстремистов

---

³¹⁸ Ван Кревельд М. Война и современное государство // <http://polit.ru/article/2006/09/26/kreveld/> (Дата обращения 09.05.2024)

³¹⁹ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.634

на сознание верующей молодежи необходим соизмеримый по своей «социальной энергетике» и «психологической заряженности» ответ, идущий из самых глубин общественного сознания и исторической памяти дагестанских народов, породить который не в силах ни чиновники, ни силовики. Вполне очевидно, что подготовить подобный ответ на вызовы, исходящие из радикального лагеря, способно и должно только само дагестанское общество.

3.2. Выработка моделей урегулирования религиозно-политического конфликта в информационном поле Дагестана

Прежде чем перейти к основным задачам данного параграфа, нам представляется необходимым в концептуальном плане определиться с тем, что нам стоит понимать под термином «преодоление последствий конфликта», «разрешение конфликта» и «урегулирование конфликта».

По поводу двух последних терминов А.-Х.Султыгов считает, что их необходимо различать. Поскольку, на его взгляд, урегулирование конфликта может привести лишь к временному его окончанию:

«Урегулирование конфликта - это один из способов управления конфликтом, который предполагает не прекращение или ликвидацию конфликта, а контроль за его интенсивностью, ослабление насильственного и разрушительного потенциала конфликта».³²⁰

С его слов, единственная истинная форма завершения конфликта - его разрешение, которое достигается при устранении причин конфликта.

Султыгов утверждает:

«Как форма управления конфликтом разрешение отличается от урегулирования, тем, что это более сложный и долговременный процесс согласования интересов сторон».³²¹

В рамках данного исследования следует оперировать обоими терминами, предполагая, что они являются следующими друг за другом этапами одного долгосрочного и комплексного процесса окончательного разрешения конфликта.

Отталкиваясь от этих определений, а также учитывая проанализированные в предыдущем пункте этапы трансформации текущего конфликта в Дагестане, необходимо отметить, что дагестанское общество

---

³²⁰ Султыгов А.-Х.А. Урегулирование этнополитических конфликтов в современных условиях: зарубежный опыт и Россия. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2006

³²¹ Там же

нельзя сегодня отнести к полноценному участнику текущего религиозно-политического противостояния. Ряд авторов утверждает, что дагестанское общество в данном конфликте, скорее, является жертвой, поскольку именно на его плечи падает вся тяжесть непрекращающегося кровавого противостояния боевиков и силовиков.³²² Как писали некоторое время назад журналисты издания «Настоящее время»:

«Пока и власть, и боевики... продолжают наносить друг другу удары в своей слепой войне, полностью игнорируя интересы и запросы жителей, самое большое поражение несет сам дагестанский народ. Потому что в подобной ситуации он проигрывает все – родину, будущее, возможность взять ответственность за свою судьбу в собственные руки...»³²³

Таким образом, не будучи полноценным участником религиозно-политического процесса в Дагестане, дагестанское гражданское сообщество не может полноценно способствовать его окончательному разрешению и завершению. Особенно, учитывая тот факт, что сам конфликт уже, начиная с конца 1990-х гг., практически полностью перешел в плоскость вооруженной борьбы радикально-экстремистского подполья и государственных структур Республики Дагестан и Российской Федерации, а также на уровень глобального информационно-идеологического противоборства.

Гражданское общество Дагестана может вносить посильный вклад в его конструктивную трансформацию, урегулирование и создание необходимых условий для последующего разрешения. В данной ситуации, дагестанское гражданское сообщество, добившись необходимого уровня консолидации перед лицом нарастающих вызовов, может нарастить уровень своего влияния на текущее противостояние и приступить к преодолению последствий разрушительного религиозно-политического конфликта в гуманитарной, общественной, социально-экономической, культурной, духовной, идеологической, информационной и иных сферах.

---

³²² Исмаилов О. М. История возникновения и становления терроризма как преступного явления: уголовно-правовой анализ террористического акта / О. М. Исмаилов // Наука и образование: современные тренды: коллективная монография / гл. ред. О. Н. Широков. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С.24

³²³ Когда народ проигран // Настоящее время. 2011 №15 от 22 апреля

В современной политической мысли, теории и практике разрешения конфликтных ситуаций исследователи выделяют несколько подходов, предлагающие различные модели урегулирования и разрешения конфликтов, основанные на определенной политической идеологии, опробованные на практике и показавшие реальные результаты на практике.³²⁴ Здесь необходимо кратко описать их.

В качестве первого подхода приведем подход марксистский, который выступает за признание права наций на полное самоопределение в конфликтах международных и этнополитических, за признание и учет специфических запросов этнических, социальных, политических групп в области языка, культуры, образования, а также постепенное движение к единому унитарному государству, а затем и к бесклассовому обществу.³²⁵

Недостаток данного подхода заключается в порождении признанием права наций на самоопределение угроз распада государств, нереализуемость моделей проектов по слиянию наций и разнородных в культурном и идеологическом отношении социальных групп и т.д.

В качестве второго подхода следует привести традиционный подход к урегулированию и разрешения конфликтов, предполагающий создание модели по широкому диалогу с умеренными силами из числа противостоящих друг другу сторон с одновременным подавлением наиболее радикальных группировок со стороны государства. Эта модель предполагает сохранение основ государственного строя, территориальной целостности страны, отказ со стороны государства от диалога с радикальными группировками и т.д.³²⁶

Стоит отметить, что у данной модели есть недостаток, заключающийся в возможности перехода радикальных группировок, за подавление которых берется государство в диалоге с умеренными силами, к скрытым формам

---

³²⁴ Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография. – Казань, 2017. С.65

³²⁵ См., например: Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997

³²⁶ См., например: Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб., 2004. С. 49

противоборства, партизанской и террористической формам борьбы. Что, в принципе, и произошло на Северном Кавказе при начале активной фазы подавления вооруженного сопротивления в Чечне и Дагестане.³²⁷

Третий подход – модернистский, основан на современных конфликтологических трудах западных ученых и предполагает модель урегулирования и разрешения конфликтов в рамках концепции прав человека, а также международной, политической и гуманитарной практик западных государств. Данная модель предполагает приоритет переговорного пути урегулирования конфликтов над силовым, признания противостоящей стороны полноправным партнером по миротворческому процессу, широкое привлечение НКО, в том числе международных, к процессу посредничества между сторонами конфликта, большое внимание соблюдению прав человека и т.д.³²⁸

Основные принципы модернистского подхода по разрешению конфликтов коренятся в концепции урегулирования конфликтных ситуаций, разработанной Д.Бертоном на базе теории человеческих потребностей. По мнению Д. Бертона:

«Люди, участвующие в конфликтных ситуациях, вынужденно борются в своем соответствующем окружении на всех социальных уровнях, чтобы удовлетворить свои изначальные и универсальные нужды, такие, как безопасность, признание и развитие».³²⁹

С его слов, эту борьбу нельзя остановить, она изначально присуща человеку.

Как отмечает А.-Х.А.Султыгов, модернистский подход предполагает опору на политику мультикультурализма и политкорректности в отношении этнокультурных меньшинств, уступок этим же меньшинствам со стороны крупных политических игроков, широкого вовлечения меньшинств в

---

³²⁷ Рунов В. Чистилище чеченской войны. М., 2009. С.58

³²⁸ См., например: Морар Ф. Миф о «замороженных конфликтах». За гранью иллюзорных дилемм // per Concordiam. Журнал по проблемам безопасности и безопасности Европы. №2, 2010. С.9

³²⁹ Burton J. Conflict resolution as a political system. Lexington, 1991. P. 86

переговорный и политический процесс, а также децентрализацию и разделение политической власти между сторонами переговорного процесса, что некоторыми исследователями отмечается, как недостаток данного подхода.³³¹

Подробный анализ приведенных выше подходов и моделей урегулирования конфликтов приводит исследователей к осознанию неизбежности объединения сильных сторон всех подходов для устранения их недостатков. Кроме того, необходима корректировка каждого из этих подходов под цели сохранения конституционного строя, государственной целостности, наиболее полного учета культурных, политических, религиозных и иных запросов различных социальных групп, вовлеченных в конфликт, соблюдения прав человека в процессе урегулирования и т.д.³³²

Именно эти принципы и постулаты брали за основу эксперты Бергхофского центра изучения конфликтов в выработке собственного подхода к урегулированию и разрешению конфликтов. Как отмечает В.Тишков, данный подход предполагает «целую матрицу взаимосвязанных факторов-условий», среди которых он называет:

- сохранение монополии силы за государством или за другими международно-правовыми институтами,
- верховенство закона и правовое государство, суверенитет общества и государства и эффективный контроль за властью,
- демократическое участие граждан в принятии решений и социальная справедливость.³³³

Подход, о котором идет речь, был предложен в рамках исследований Бергхофского центра его бывшим руководителем Н.Роперсом, который отмечал, что предлагаемая им концепция «конструктивного разрешения

---

³³¹ Султыгов А.-Х. А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях (сравнительный анализ) М., 2005. С. 179

³³² Preventing Radicalisation to Terrorism and Violent Extremism. – Radicalization Awareness Network, 2016. - 301 p.

³³³ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.629

конфликтов» включает в себя «многоуровневые и разнообразные действия сторонников мира». ³³⁴ Причем, эта модель не была только теоретической и умозрительной. Это была модель реально работающая, поскольку она в течение его собственной многолетней практики систематической «многоуровневой активности» принесла позитивные результаты в плане прекращения эскалации насилия в Шри-Ланке. ³³⁵

В.А.Тишков, выступивший редактором сборника трудов Бергхофского центра по разрешению конфликтов, утверждает, что в основу подхода данного центра положен ценностный взгляд на «конструктивную трансформацию конфликта» через «цивилизаторские усилия множественных действующих лиц и разнообразные практики». ³³⁶ В.А.Тишков поэтому и обозначает этот подход к разрешению конфликтов как «ценностный подход», отмечая, что этот подход отличается от самого распространенного и самого уязвимого подхода в разрешении конфликтов:

«Решать возникающие коллизии между человеческими коллективами через лобовое столкновение, кто кого одолеет и возьмет верх на время или навсегда». ³³⁷

В принципе, соотнося данный подход к разрешению конфликтов с конструктивистским подходом к исследованию конфликтов, отметим, что они делают возможным изучение и анализ различных политических инструментов и технологий, с помощью которых возможно, как создание конфликтных ситуаций, так и их прогнозирование, нейтрализация и управление ими. ³³⁸

Поэтому в данном исследовании предлагается условно называть модель, предлагаемую данным подходом, моделью конструктивной

---

³³⁴ Ropers N. A Systemic Approach: Reflections on Sri Lanka // *Advancing Conflict Transformation*, 2011. P. 110

³³⁵ Ropers N. A Systemic Approach: Reflections on Sri Lanka // *Advancing Conflict Transformation*, 2011. P. 101-130

³³⁶ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // *Этничность и религия в современных конфликтах* // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.629

³³⁷ См. там же

³³⁸ Веретенников Д.Н. Инструментальный подход к политическим конфликтам. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2005. С.6-7

трансформации конфликтов через изменение их структуры, соотношений и количества сторон и т.д. Соответственно такое активное воздействие на ход развития конфликта в целях управления им, нейтрализации и последующего разрешения предполагает и возможную трансформацию его внутренней архитектуры для вывода конфликта из состояния затяжного тупика.

Для большей наглядности степени эффективности данного подхода позволим себе привести в пример примеры непосредственной реализации его на практике в деле разрешения конфликтов. Е.Куштавкина, к примеру, в своей работе подробно описывает конкретный случай применения трансформационных инструментов на примере североирландского конфликта.³³⁹ Согласно автору, непосредственное трансформационное воздействие в ходе разрешения данного конфликта осуществлялось через оказание той или иной поддержки группам внутри конфликта:

«Структура конфликта менялась по мере того, как коалиция националистических партий находила новых союзников и обретала уверенность в своих силах, что позволяло ей добиваться баланса в ранее ассиметричных отношениях. Трансформация акторов включала появление новых лиц в правительстве Великобритании, фундаментальные изменения в системе мышления руководства партии Шин Фейн, а также раскол и перемены в рядах унионистов, которые выступают за унию с Великобританией при ликвидации дискриминации католиков и привлечении их к управлению».³⁴⁰

Также, как считает Е.Куштавкина, данная трансформация проблем включала соглашения, признающие легитимность двух культурных традиций и учреждающие институты, которые одинаково представляют, как ирландские, так и британские структуры управления. Такой подход к трансформации конфликтов направлен скорее на развитие потенциала и привнесение структурных изменений, а не на помощь в поиске решений и достижения соглашений.

---

³³⁹ См.: Куштавкина Е.А. Трансформационный подход к урегулированию североирландского этнополитического конфликта: позитивный опыт и структурные сложности // Вопросы национальных и федеративных отношений. Сб. науч. ст. под общ. ред. В. А. Михайлова, К. В. Калининой. М., 2010

³⁴⁰ Куштавкина Е.А. Трансформационный подход к урегулированию североирландского этнополитического конфликта: позитивный опыт и структурные сложности // Вопросы национальных и федеративных отношений. Сб. науч. ст. под общ. ред. В. А. Михайлова, К. В. Калининой. М., 2010. С.119

Особенно интересны для данного исследования выводы автора относительно того, что инструменты трансформации конфликта обретают возрастающую эффективность при введении внутрь конфликта «встроенной третьей стороны», с помощью которой открываются новые каналы, позволяющие создавать новые политические возможности между конфликтующими сторонами». ³⁴¹

Так, в рассматриваемом североирландском конфликте роль третьей стороны в налаживании отношений между конфликтующими сторонами на определенном этапе сыграл монастырь Клонарда, деятельность которого была направлена на уважение культурных традиций и исторической памяти, а также работа общественных неправительственных организаций. Одна из них - Совет по связям с общинами «СТАВ», который занимается проблемами религии, этничности, образования, культуры. ³⁴²

Примерно подобную же роль выполняли в затяжном конфликте итальянских властей с сицилийской мафией Комитет по борьбе с мафией, созданный известным борцом с мафиозными структурами, судья Дж.Фальконе, католические священники и лидеры местных сообществ. ³⁴³ И роль третьей стороны в этом криминально-политическом конфликте итальянских властей с мафиозными структурами самым решительным образом взяло на себя как раз-таки сицилийское общество, «очнувшееся», как пишет Ю.Прохорова от оцепенения после убийства мафией судьи Дж.Фальконе. ³⁴⁴

Известный американский исследователь Р.Патнэм писал о роли гражданских структур юга Италии ³⁴⁵ в трансформации конфликта властей с сицилийской мафией, выделяя то, что их роль заключалась не в том, что они прямо выступали против мафии. С его слов, «самое важное, что эти

---

³⁴¹ Там же

³⁴² Куштавкина Е.А. Трансформационный подход к урегулированию североирландского этнополитического конфликта: позитивный опыт и структурные сложности // Вопросы национальных и федеративных отношений. Сб. науч. ст. под общ. ред. В. А. Михайлова, К. В. Калининой. М., 2010. С.120

³⁴³ См.: Прохорова Ю. Сицилийская мафия неистребима // Italica, № 8(10) сентябрь 2000

³⁴⁴ Там же

³⁴⁵ См.: Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1992

организации собирали вместе людей, имеющих общие ценности и готовых поддерживать друг друга», «создавали социальные сети». Трансформация конфликта происходила по мере того, как «выстраивался определенный социальный капитал, режим взаимного доверия между членами организации», что позволяло гражданским активистам «почувствовать уверенность в собственных силах».³⁴⁶

Мафия, писал Р.Патнэм, которая появилась «в ситуации слабого государства» и «разрушительно сказалась на общественном устройстве Сицилии и других провинций итальянского юга», могла быть ослаблена только включением в затянувшийся конфликт структур гражданского общества.

Существенный прогресс в этом вопросе, по Р.Патнэму, оказался возможен благодаря тому, что в ключевых регионах Италии начал расти уровень гражданской активности:

«Упорное давление со стороны этих провинций, жесткие меры центрального правительства, работа честных и смелых людей на юге и общий рост уровня образования – все это со временем привело к поражению итальянской мафии как политической силы».³⁴⁷

Столь пристальное внимание с нашей стороны данным политическим кейсам из истории разрешения конфликта в Северной Ирландии и истории борьбы итальянского общества с сицилийской мафией связано с исключительной востребованностью, на наш взгляд, данного подхода и набора инструментов в деле трансформации религиозно-политического конфликта в Дагестане.

Весьма немаловажно, что возможность применения подобной модели по трансформации конфликта в Дагестане через введения в него третьей, гражданской и нейтральной в отношении сторон конфликта, получает свое обоснование как со стороны теории и практики современной политической

---

³⁴⁶ Широков А. Надежда социальной инженерии // Журнал «Эксперт», 12 июня, 2006

³⁴⁷ Там же

конфликтологии, так и со стороны многовековой дагестанской традиции миротворчества и примирения враждующих сторон в рамках народной дипломатии (маслиата). Поскольку, в силу многих приведенных нами причин, согласно ряду авторов, «урегулирование затянувшегося конфликта на Северном Кавказе невозможно силовыми методами», «это урегулирование и достижение устойчивого и прочного гражданского мира возможно только на основе общегражданского консенсуса».³⁴⁸

В случае дагестанского религиозно-политического конфликта в качестве дополнительной стороны урегулирования конфликта представляется возможным, востребованным и целесообразным введение только структур местного гражданского общества. Именно тех структур, пассивность и самоустранение которых от текущего религиозно-политического конфликта, как мы отмечали выше, и привело данный конфликт к самым разрушительным формам радикализации и ожесточения.

При этом, учитывая переход религиозно-политического конфликта в Дагестана в информационное поле и обретение им именно через отражение в информационной сфере дополнительной остроты, структурам дагестанского гражданского общества необходимо будет разработать собственную стратегию информационного позиционирования, продвижения собственных проектов в информационном поле Дагестана, СКФО и всей остальной страны.

Тем не менее, при попытках примерить данную модель к трансформации религиозно-политического конфликта в Дагестане возникает ряд препятствий и сложностей. Так, В.А.Тишков предлагает «выделить в качестве одной из наиболее сложных проблем трансформации конфликта проблему воздействия на внешних акторов и вопрос о нейтрализации их разрушительных позиций и действий».³⁴⁹ В рамках целей данной

---

³⁴⁸ См., например: Новиков Я.Ю. Этнополитический конфликт в Северной Ирландии: Теоретические и практические аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2003

³⁴⁹ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.646

диссертации меня интересуют модели возможной трансформации текущего конфликта через самоорганизацию дагестанского гражданского общества для урегулирования конфликта именно в информационной и идеологической сферах.

Несомненно, современная политическая система российского государства предоставляет гражданскому обществу самые широкие возможности по участию и в политической, и в социальной жизни страны. Но при этом нам необходимо помнить, что в России сложилась одна из самых непростых в мире систем социального партнерства.³⁵⁰

Эту модель социального партнерства характеризует М.Кан в своей диссертации:

«Характеризуется [модель] весьма сложным, структурированным, многоступенчатым построением с большой разновидностью органов и организаций, сетью договоров и соглашений, призванных охватить все уровни регулирования социальных связей, экономических и политических решений».³⁵¹

На его взгляд, для наиболее эффективного использования системы социального партнерства в России следует в большей степени опираться на историческую специфику ее развития, а также усиливать ответственность самих общественных структур. Для Дагестана с его традиционностью и сохраняющимися элементами общинного уклада данные выводы представляются еще более актуальными.

Со слов В.Шнирельмана, такой конфликт по своей сути вовсе не обязательно является «религиозно-политическим» и не обречен на то, чтобы выражаться в крайних формах:

«Здесь возможно достижение приемлемого решения в рамках демократических процедур. Однако при полном отсутствии демократии или при ее ущербном состоянии конфликт обречен на эскалацию и чреват кровопролитием».³⁵²

---

³⁵⁰ Апряткина С.Г., Гараева М.Ф., Гималетдинов И.И., Михайлова А.Н., Иванова Э.А. Факторы и механизмы формирования межнациональной толерантности в современном российском обществе в представлениях студенческой молодежи // Адлеровские социологические чтения. 2014. Т.1. No 1. С.215

³⁵¹ Кан М.Ч. Разрешение и регулирование социальных конфликтов в организациях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2002

В.Шнирельман также добавляет важную для данной диссертации деталь:

«Именно такие конфликты характерны для эпохи глобализации».³⁵³

При этом, существует концептуальные специфика разрешения и преодоления последствий конфликтов в демократических обществах, каковым является общество российское. Как писал А.-Х.Султыгов:

«Если при авторитарном режиме конфликты подавляются, то при демократическом - создаются институциональные условия для их протекания и разрешения».³⁵⁴

Таким образом, управление конфликтами в демократических обществах происходит мирными средствами в отличие от авторитарных режимов, в которых управление конфликтом заключается только в силовом его устранении. Более того, мирный способ управления конфликтами предполагает создание или наличие развитых демократических институтов по их разрешению.

В данном случае силовое подавление властями одной из сторон религиозно-политического конфликта в Дагестане обусловлено не авторитарным характером властей, а разрушительной диверсионно-террористической практикой боевиков, остановить которую не представляется возможным, кроме как силовыми методами. Таким образом, мы приходим к тому, что для формирования успешной модели урегулирования конфликта дагестанским гражданским структурам необходима опора на работающие институты и механизмы. Учитывая традиционность дагестанского общества, огромное количество механизмов

---

³⁵² Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.6

³⁵³ Там же

³⁵⁴ Султыгов А.-Х.А. Урегулирование этнополитических конфликтов в современных условиях: зарубежных опыт и Россия. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2006

по преодолению конфликтной ситуации жители республики могут взять из исторического опыта собственных народов.

Учитывая тот факт, что текущий конфликт уже давно развивается с подключением глобальных игроков по всем законам современного информационного общества, с использованием самых современных видов информационного оружия, технологий психологического воздействия, принципов сетевой организации, то жителям республики придется в спешном порядке осваивать все эти технологии для их использования в целях снижения его разрушительных последствий.³⁵⁵

Беря во внимание и такое измерение конфликта, как религиозно-идеологическая сфера его протекания, в преодолении его последствий невозможно будет обойтись без привлечения знатоков исламской религии и механизмов по преодолению конфликтов, выработанных в мусульманской культуре. Наконец, учитывая «психологическое измерение» конфликта, в его преодолении не обойтись без общественных моделей, могущих предложить дагестанской молодежи соизмеримую и даже превосходящую модели боевиков по своей энергетике и «психологической заряженности» модель самоотверженного служения стране, обществу, своему народу и своим духовным идеалам.³⁵⁶

Из исторического опыта дагестанских народов, вполне естественно, в основание данной модели должны быть положены традиционные механизмы примирения враждующих стороны через институт «маслиата», а также шлифовавшиеся веками традиции народной дипломатии. Дагестанский историк Х.Магомедсалихов отмечает, что «маслиат», как традиционный третейский способ урегулирования и разрешения конфликтов в Дагестане наиболее эффективен с точки зрения социальной адекватности. При этом, как

---

³⁵⁵ Гацалов Х.Х. Россия и ислам: на острие атаки. Пушкино, 2016. С. 247

³⁵⁶ Там же. С. 249

отмечает автор, он еще и отличается демократичным содержанием и вполне соответствует общественному быту и менталитету дагестанцев.³⁵⁷

Однако другой дагестанский исследователь А.Адиев считает, что традиционные для Дагестана институты миротворчества и народной дипломатии – «маслиат» и «решение джамаата (сельской общины – авт.)» – как механизмы согласования интересов, посредничества, компромиссов и примирения не достаточно эффективны для урегулирования современных конфликтов. Он обосновывает свой вывод тем, что эти институты применяются на стадии открытых столкновений и не решают проблем, лежащих в основе самих межобщинных конфликтов. Для создания оптимальной модели урегулирования конфликтных ситуаций и предупреждения эскалации подобных конфликтов автор предлагает формирование консультативных советов в муниципальных образованиях со смешанным национальным (в нашем случае – религиозным и идеологическим – авт.) составом.³⁵⁸

В принципе, доработанной под современные реалии и развитой моделью «маслиата», как в Дагестане, так и в соседних кавказских республиках являются комиссии по примирению кровников, в которые входят и старейшины, и духовные лидеры, и силовики, и представители муниципальных и республиканских структур. В Дагестане же поиск более эффективных моделей привел к созданию в 2010 г. Комиссии при Президенте Республики Дагестан по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории Республики Дагестан.

Учитывая, что в ее состав кроме чиновников и силовиков входили и духовные лица, и независимые юристы, адвокаты и исламоведы, данную структуру отчасти можно считать одной из моделей общественно-

---

³⁵⁷ Магомедсалихов Х. Маслиат как самобытный способ разрешения конфликтов // Дагестанская правда. 10.04.2008

³⁵⁸ Адиев А.З. Этнополитические конфликты в Дагестане: особенности и механизмы урегулирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь, 2009

государственного партнерства в сфере преодоления последствий религиозно-политического конфликта в правовом и процессуальном поле.

В сопровождении деятельности Комиссии в информационном поле принимали участие все республиканские, общекавказские и даже российские СМИ. Информационный эффект от деятельности этой Комиссии был таков, что свои прошения на рассмотрение данной структурой их дел отправляли бывшие боевики, уже сложившие оружие и в течение долгих лет скрывавшиеся на территории Европы.³⁵⁹ О необходимости усиления информационной работы на данном поле говорил ее куратор Р.Д.Курбанов:

«Ведь мы проводим работу в Комиссии, беседуем с этими молодыми людьми, пытаемся их разубедить и остановить. Но мы можем остановить одного-двоих-десятерых, а они тучами вербуются в интернете».³⁶⁰

Р.Д.Курбанов также говорил о том, что работу Комиссии необходимо подкреплять информационными проектами по работе с молодежью.

Еще одним свидетельством необходимости широкомасштабной работы в информационной сфере по урегулированию конфликта является тот факт, что несколько молодых парней, оказавшихся по стечению обстоятельств в рядах дагестанских боевиков, через своих близких сообщили в свое время, что готовы сложить оружие и предстать перед членами Комиссии по адаптации. Только под гарантии известного на кавказском информационном поле российского журналиста, на тот момент руководителя Рабочей группы Общественной палаты РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе М.Шевченко.

Стоит отметить, что и упомянутая Рабочая группа ОП РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе во главе с М.Шевченко инициировала и реализовала в Дагестане общественно-

---

³⁵⁹ См., например: Комиссия по адаптации боевиков рассмотрела обращение Беслана Бациева // www.kavkaz-uzel.ru/admin/articles/195019/ (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента

³⁶⁰ На территории РФ нет оснований для военного джихада// <http://www.specletter.com/obcshestvo/2012-08-09/print/na-territorii-rf-net-osnovanii-dlja-voennogo-dzhihad.html> (Дата обращения 09.05.2024)

информационный проект «Мир Кавказу!». В рамках данного проекта лидеры общественных организаций, официальные духовные лидеры мусульманского, представители неофициальных и независимых религиозных общин мусульман, общественные деятели Республики Дагестан приглашались к обсуждению и подписанию подготовленного Рабочей группой ОП РФ по Кавказу «Меморандума о совместном противодействии насилию, экстремизму, межнациональной розни и поддержке миротворческого процесса на Кавказе». В результате всех встреч Меморандум подписали представители более 70 дагестанских общественных организации, в том числе лидеры религиозных объединений и структур, которые находились на тот момент в конфликте друг с другом.³⁶¹

Успех данного общественного проекта подводит нас к осознанию крайней важности такого инструмента сближения позиций противоборствующих сторон и разрешения конфликта, как переговоры. Отечественные специалисты разработали детальные концепции преодоления конфликтных ситуаций через многоуровневый и многоступенчатый переговорный процесс.³⁶² Как отмечает российский ученый М.Лебедева, почти на всех переговорах по урегулированию конфликта наряду с главной функцией присутствуют и более широкий функционал:

«Использование переговоров с различными функциональными целями возможно в силу того, что переговоры всегда включаются в более широкий политический контекст и служат инструментом при решении целого комплекса внутривнутриполитических и внешнеполитических задач».³⁶³

Причем эти концепции разработаны с учетом информационных технологий, которые позволяют резко изменить ход общественно-политической дискуссии. Как пишет отечественный специалист

---

³⁶¹ Меморандум о противодействии насилию в ходе дискуссий "Мир Кавказу" в Дагестане подписали более 70 организаций // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/181940/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента

³⁶² См., например: Василенко И.А. Политические переговоры. М., 2011; Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999

³⁶³ Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999. С 15

И.Василенко, эти информационные технологии позволяют «переломить» нежелательную тему или, напротив, «зацементировать» весьма субъективное понимание проблемы в виде «общественного мнения»:

«Поэтому новая информационная парадигма политических переговоров означает, что эффективность действий политиков за столом переговоров во многом зависит от информационного превосходства в виртуальном пространстве».³⁶⁴

В сфере освоения современных информационных технологий в целях снижения остроты текущего религиозно-политического конфликта, а также преодоления его последствий стоит назвать амбициозный проект создания нового общекавказского информационно-аналитического портала «Кавказская политика» - www.kavpolit.com. Данный проект разрабатывался также на базе Рабочей группы ОП РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе с опорой на костяк дагестанских журналистов. Первыми шеф-редакторами проекта в течение нескольких лет также были именно дагестанские специалисты. Создавался данный проект именно под цели создания конкурентного и альтернативного информационного пространства, на которое могли бы быть переориентированы дагестанская и кавказская молодежь, сетевые активисты, жертвы силового произвола, вооруженных столкновений между силовиками и боевиками в ходе текущего религиозно-политического конфликта в Дагестане и других кавказских республиках.

---

³⁶⁴ Василенко И.А. Политические переговоры. М., 2011. С.9

Несмотря на участие дагестанских специалистов в создании данного портала, его нельзя назвать полностью продуктом дагестанского гражданского сообщества. Данный проект смог состояться именно информационной и организационной поддержке московских специалистов, в первую очередь, Рабочей группы ОП РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе.

Данный проект и его успех в кавказском и российском сегменте интернета показывает, насколько необходимо было создание именно такой профессиональной информационно-аналитической площадки, позволившей замкнуть на себя и протестно настроенную молодежь, и профессиональных журналистов, адвокатов, блогеров, аналитиков и комментаторов.

Для дальнейшего преодоления последствий религиозно-политического конфликта в Дагестане местному гражданскому сообществу необходимо мобилизовать ресурсы и объединить свои силы для создания в республике дополнительных профессиональных информационных проектов, подобных «Кавказской политике», а также развивающих данное поле на еще большую перспективу.

Следующей сферой, в которой дагестанскому гражданскому сообществу необходимо в кратчайшие сроки подготовить адекватный вызовам ответ для преодоления последствий религиозно-политического конфликта, является сфера богословского и идеологического опровержения позиций экстремистов о необходимости «тотального вооруженного джихада» на уничтожение правящей власти и светской модели общества. Как писали эксперты, вооруженное противоборство на Кавказе «можно победить только в информационной войне, в которой должны быть задействованы все мусульманские авторитеты мира». На взгляд авторов сборника «Логос», потоки подобной информации должны были бы распространяться и по всему Кавказу, и по всей России.

«Пропаганда эта должна была бы быть сугубо исламизированной, основанной на всевозможных фактах, нарушения законов ислама. Должны были бы освещаться истоки и смысл тех или иных течений... А наши танки и пушки мало что изменят в горах...».³⁶⁵

Как уже отмечалось ранее, дагестанское духовенство оказалось неспособным дать адекватный ответ на вызовы, которые поставило перед республикой стремительное развитие религиозно-политического конфликта, его интернационализация и выход на глобальный уровень. Для того, чтобы дать достойный ответ радикалам, черпающим свои идеи, доводы и доказательства от идеологов джихадизма международного уровня, таких как С.Кутб, А.Аззам, А.Завахири, А.Авляки, А.М.Макдиси и др., необходимо было подключение к разрешению непреодолимого в идеологическом отношении дагестанского конфликта мусульманских проповедников умеренности и межрелигиозного согласия мирового уровня.³⁶⁶

Решить эту задачу в одиночку дагестанское гражданское сообщество также оказалось не в силах. Причем в силу разных причин. Среди них стоит перечислить и отсутствие в Дагестане специалистов по богословию и исламоведению достаточного уровня профессионализма, чтобы вести диалог и развивать сотрудничество с учеными мирового уровня.³⁶⁷

В итоге данный проект был реализован при поддержке Администрации Президента РФ и Фонда поддержки исламской науки, культуры и образования. В рамках этого проекта, в мае 2012 г. в Москве прошла первая в истории России Международная богословская конференция мусульманских ученых мирового уровня. Как писал портал Ансар.ру:

«Эта Конференция по ряду признаков стала одним из самых уникальных событий в истории постсоветской России. По данным организаторов, эта Конференция собрала несколько сотен гостей –

---

³⁶⁵ Языковые основы информационной войны на Кавказе. // Логос. 1999, №8. С. 5

³⁶⁶ Гацалов Х.Х. Россия и ислам: на острие атаки. Пушкино, 2016. С. 230

³⁶⁷ Стоит упомянуть и долгое блокирование дагестанским муфтиятом контактов с зарубежными учеными, даже несмотря на то, что на установление контактов с ними давали добро власти из Махачкалы и Москвы. Связано это было с нежеланием дагестанского духовенства на фоне мировых ученых потерять авторитет в дагестанском обществе. Кроме того, проект по приглашению в Дагестан ученых международного уровня достаточно расходная статья, и осилить такой проект в одиночку без помощи крупного спонсора или государства дагестанские общественные активисты не могли.

крупнейших исламских ученых международного уровня, из 23 стран мусульманского мира, признанных исламоведов и экспертов».³⁶⁸

Итогом двух дней работы Конференции стало принятие участниками встречи Московской Богословской Декларации мусульманских ученых по вопросам джихада, применения норм шариата и халифата.³⁶⁹

При этом, дагестанская делегация на самой Конференции была одной из самых представительных. А заместитель муфтия Дагестана, имам махачкалинской Соборной мечети М.Саадиев от российской стороны возглавил Редакционную комиссию, готовившую итоговый документ мероприятия. В итоговой Декларации конференции с позиций мусульманского богословия осуждались крайности и радикализм в отношении таких понятий, как «джихад», «такфир» (обвинение окружающих в неверии и выходе из ислама) и «халифат». В последующем практически во всех республиках Кавказа были организованы масштабные встречи молодежи, на которых разъяснялись и обсуждались положения данной Богословской Декларации. Визиты в Дагестан мусульманских ученых мирового уровня, принимавших участие в данной конференции, стали регулярными.

При этом, очевидно, что по-настоящему итоги Конференции не осознаны и не проанализированы вплоть до сегодняшнего дня. Ряд серьезных экспертов утверждает, что по своему долгосрочному влиянию на политическую жизнь Кавказа и всей российской мусульманской общины, эта Конференция не имела пока аналогов в новейшей истории России.³⁷⁰ Данный

---

³⁶⁸ См.: Революционная поступь богословов // <http://ansar.ru/analytics/2012/6/09/30931>. Весьма знаковым явилось участие в данном мероприятии таких светил исламского богословия мирового масштаба, как Генеральный секретарь Всемирного союза мусульманских ученых, доктор Али аль-Карадаги и заместитель Председателя Всемирного союза мусульманских ученых, доктор Абдуллах бин Байя. Кроме них в мероприятии приняли участие муфтий Ливана, шейх Мухаммад Рашид аль-Кабани; муфтий Омана, шейх Ахмад бин Хамид аль-Халили; тунисский министр по делам религий, доктор Нуруддин аль-Хадими; первый заместитель кувейтского министра по делам ислама, доктор Адель аль-Фалях; генеральный секретарь Всемирной организации изучения Корана Всемирной исламской лиги Абдулла ибн Али Басфар; глава Суннитского аппарата по делам вакфов Ирака Ахмад Абд-аль-Гаффар ас-Самарай и другие.

³⁶⁹ Богословское эхо Дагестана и Чечни // <http://www.ansar.ru/analytics/2012/06/07/30899> (Дата обращения 09.05.2024)

³⁷⁰ Там же

проект показал дагестанским общественным деятелям, на какой уровень и на какую модель идеологической работы стоит ориентироваться республике и ее гражданскому сектору для того, чтобы самым серьезным образом начать влияние на ход текущего религиозно-политического конфликта.³⁷¹ В самом мусульманском интеллектуальном пространстве необходим поиск и оформление идейного проекта российской исламской умеренности, который бы позволял раскрывать и актуализировать просветительский, цивилизационный и созидательный потенциал ислама на благо всего общества.

Примерами таких версий могут служить - концепция, поддержанная правительством Малайзии, «Ислам Хадари» («Цивилизационный Ислам»); кувейтская концепция «Аль-Васатийя» (центризм, умеренность, срединность ислама); правовые концепции мусульманских меньшинств в странах Западной Европы и Северной Америки «Фикх аль-акалийят» (мусульманское право для мусульманских меньшинств, проживающих в немусульманских странах), сосуществование с немусульманами, адаптация положений мусульманского права к реалиям светского государства и плюралистического общества; теория общественного договора в основе мирного сосуществования различных религиозных и национальных общин и т. д.

Несомненно, при выработке российской версии подобного рода идеологической и общественной платформы нужен учет национальных традиций и наработок интеллектуальных школ отечественных исламских ученых. На основе этих идей возможно создание идеологической платформы (доктрины) мусульман России. Все эти амбициозные задачи не решит никто, кроме самих общественных активистов Дагестана и других мусульманских ареалов страны. Наконец, стоит уделить внимание и «психологическому

---

³⁷¹ К сожалению, в силу большой инерционности общественного сознания активистов мусульманских общин Дагестана, ход самой Конференции и ее итоги не получили столь широкого освещения в дагестанском мусульманском информационном пространстве. Итоги и положения Конференции не стали той отправной точкой и идеологической базой, на которой бы строились все остальные информационные, аналитические, идеологические, просветительские и богословские материалы в мусульманском сегменте дагестанского информационного пространства.

измерению» религиозно-политического конфликта в Дагестане. Как мы уже отмечали выше, отталкиваясь от теоретических выкладок Е.Месснера и М. ван Кревельда, в асимметричной войне, которую ведут боевики против государственной власти в Дагестане и всей России, факторы психологической мобилизации, заразительности примеров самопожертвования, готовности умереть во имя собственных убеждений цели, играют ключевую роль.

Для того, чтобы вывести подверженную подобным идеям молодежь из-под влияния радикальных проповедников, использующую жертвенность молодых верующих в целях пролития крови и разрушения, необходимо показать молодому поколению другие, созидательные цели, ради которых они могут жертвовать своим временем, усердием, а если потребуется, то и жизнями. Речь идет о таких самоотверженных целях – как спасение жизней их близких и сограждан, помощь нуждающимся и голодающим в различных частях мира, в том числе и в мусульманских регионах, участие в спасательных операциях и т.д.

В реализации данной модели организации социального служения дагестанские общественные активисты могут предложить дагестанской молодежи соизмеримую и даже превосходящую модели боевиков по своей энергетике и «психологической заряженности» модель самоотверженного служения стране, обществу, своему народу и своим духовным идеалам.³⁷²

В.А.Тишков отмечает важность так называемого «удовольствия от причастности» (pleasure of agency), которое в конфликтах последних лет «двигало многими участниками коллективных выступлений, будь это массовые политические митинги или вооруженная борьба против государства и его армии».³⁷³ Этот фактор предельно важен и в созидательной работе, особенно в ситуации преодоления затянувшихся конфликтов.

---

³⁷² Гацалов Х.Х. Россия и ислам: на острие атаки. Пушкино, 2016. С. 262

³⁷³ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.644

В принципе, уникальным опытом по реализации проектов подобной направленности обладает иранское общество, в котором уже много лет подряд реализуется масштабный и амбициозный проект «созидательного усердия и жертвенности» населения страны.

В Дагестане в последние годы также начали появляться проекты подобной направленности, созданные силами самих молодых дагестанцев. Среди этих проектов стоит упомянуть Ассоциацию благотворительных фондов Дагестана, которая уже объединяет 4 организации благотворительной направленности. Руководителями, активистами и волонтерами в этих благотворительных фондах является верующая молодежь, которая приглашает своих сверстников к очень благородному и богоугодному пути жертвенности и социального служения – сбору средств для неизлечимо больных, аренде жилья для одиноких матерей, взятию на содержание сирот, строительству приютов и общежитий, организации праздников и театральных постановок для детей из детских домов.³⁷⁴ По модели дагестанских организаций были созданы такие же благотворительные фонды в соседних республиках Кавказа – Ингушетии и Карачаево-Черкесии.

Стоит отметить, что активисты этих фондов охватили своей работой и детей из семей погибших в боях с боевиками сотрудников правоохранительных органов. Данным шагом эти организации начали работу по устранению отчуждения между молодежным мусульманским сообществом и представителями силовых структур кавказских республик.

Кроме того, в последние годы в Дагестане появились и яркие молодежные проекты по организации просветительской, тренинговой работы, освоению передовых информационных, управленческих, маркетинговых и бизнес-технологий. Среди этих проектов стоит упомянуть Проект Дагестанский гражданский университет и Фонд поддержки

---

³⁷⁴ Более 400 человек в Махачкале получили продуктовую помощь в рамках программы «STOP Голод!» благотворительного фонда «Надежда» // http://www.riadagestan.ru/news/society/bolee_400_chelovek_v_makhachkale_poluchili_produktovyuyu_pomoshch_v_ramkakh_programmy_stop_golod_blagotvoritelnogo_fonda_nadezhda/ (Дата обращения 09.05.2024); Одежда, лекарства и мясо Курбана... // <http://flnka.ru/aktualnoe/4229-odezhda-lekarstva-i-myaso-kurbana.html> (Дата обращения 09.05.2024)

гуманитарных инициатив «Альтаир». Дагестанский опыт и в этой части оказался востребованным в соседних республиках. Так, в Ингушетии только в 2014-2015 гг. силами ингушской молодежи при поддержке дагестанских общественников и ингушского правительства были организованы 5 крупных молодежных форумов, основной контент которых разрабатывали дагестанские специалисты. Подобные же форумы были организованы дагестанскими активистами также в Карачаево-Черкесии, Москве, Чеченской Республике и Саратовской области.

Вместе с тем, информационная поддержка всех этих проектов со стороны республиканских, кавказских и российских СМИ оставляет желать лучшего. Но значительная часть вины за это лежит не на журналистах, а на самих активистах гражданского сектора, пока еще не научившихся профессионально работать на информационном поле. Тем не менее, рассмотренные выше модели гражданской активности в деле преодоления последствий конфликта внушают определенные надежды, поскольку еще несколько лет назад в Дагестане ничего подобного не было. Оттого и накал, и интенсивность столкновений в республике в те годы были намного более высокими, чем сегодня.³⁷⁵

Именно таким образом дагестанское гражданское сообщество сможет добиться преодоления разрушительных для всего общества последствий

---

³⁷⁵ В принципе процессы, происходящие сегодня в дагестанском гражданском поле напоминают те процессы, которые имели место в сицилийском обществе, когда там началась стихийная консолидация гражданских активистов, поставивших себе целью добиться изживания мафии обществом Сицилии. Данный пример, применительно к Дагестану весьма примечателен. Поскольку, мафия, порожденная самим сицилийским сообществом, против которой на протяжении столетий оказывались бессильными забюрократизированные и коррумпированные правительства, в итоге оказалась надломленной и побежденной самим же сицилийским обществом, отторгнувшим ее от себя.

Этот факт изживания инициативой снизу, организованного вытеснения и преодоления сицилийским обществом мафиозных структур интересен тем, что сицилийское, да и все южноитальянское общество, являвшееся, наверное, самым отсталым в Европе в силу своей патриархальности, социально-политической инертности и полного отсутствия доверия к правительственным институтам, в последние годы совершило невероятный рывок в развитии своей гражданской активности на местном уровне. См.: Народы грубого помолы // Журнал «Смысл», октябрь 2007; Новейшая история итальянской мафии // <http://lenta.ru/articles/2004/06/25/mafia> (Дата обращения 09.05.2024)

Сицилийское массовое сознание пережило качественное изменение, и прежде покрывавшие мафию люди, равнодушно взиравшие на попытки правительства справиться с ней, начали выходить на улицы, выражать ей свой, объединяясь в ассоциации, организации, кружки и союзы для аккумуляции и наращивания своего гражданского потенциала в противостоянии с мафиозной сетью. В итоге итальянский Юг хронически отстававший от более развитого Севера по всем параметрам, опередил его по степени и темпам развития гражданской активности.

религиозно-политического конфликта в республике. Что же касается более масштабных целей, которые могло бы поставить перед собой гражданское сообщество Дагестана на информационном поле, то здесь нам сослаться на перспективную, с нашей точки зрения, идею А.Манойло. В своих работах, в частности, он в своих работах формулирует очень интересную концепцию «информационного сдерживания». Автор понимает под этим термином – «управление кризисными ситуациями с помощью превентивных акций по информационно-психологическому воздействию в зонах возможного возникновения конфликтов».³⁷⁶ «Достижение информационного доминирования, - согласно справедливому утверждению А.Манойло, - создает базу и необходимые условия для механизмов сдерживания»³⁷⁷. Достижение дагестанским гражданским сообществом этого информационного доминирования над экстремистами жизненно важно для самого сохранения дагестанского общества как полноценного субъекта общественно-политических и иных процессов.

На основе проанализированного материала представляется необходимым сформулировать ряд рекомендаций общественным и политическим деятелям, работникам СМИ, образовательных и культурных учреждений и заведений по обеспечению информационно-психологической и информационно-идеологической безопасности и духовно-идеологической консолидации народов Дагестана и всего кавказского региона.

Следует признать, что круг обозначенных проблем не разрешить осуществлением мероприятий только в некоторых узких сферах общественной жизни. На сегодняшний день ситуация в Дагестане такова, что настоятельно требует разработки комплексной программы, охватывающей все сферы общественной жизни. Должен быть задействован весь потенциал внутрикавказского диалога, традиций народной дипломатии и факторы региональной интеграции с учетом той уникальной посреднической роли,

---

³⁷⁶ Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003. С.321; Манойло А.В. Современные интерпретации термина «информационная война». ШПИ. Алтай, 2012 // <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1550> (Дата обращения 09.05.2024)

³⁷⁷ Там же

которую могут сыграть официальные представители республик Северного Кавказа, других субъектов региона, органов федеральной власти, общественных организаций и объединений.³⁷⁸

Вопрос здесь должен ставиться совершенно новым образом – не как подавить, а как использовать эту энергию возрождающейся активности верующей молодежи на благо всего российского общества и укрепление современного российского государства. Но на этом пути перед властями и обществом встает невероятно сложная задача – предотвратить нарастающую радикализацию части молодежи и ее противопоставление самой себя всей российской государственности.

Решение этой проблемы – основной ключ к профилактике радикальных и экстремистских идей в среде мусульман. Ведь на самом деле, тех, кто вышел за рамки правового поля, не так много. Значительная часть склонной к крайностям молодежи на сегодняшний день является пассивно симпатизирующей радикальным идеям. Но при отсутствии срочных продуманных комплексных мер, ряды молодых ребят, готовых выходить за рамки правового поля, может пополняться.

Таким образом, на основе проведенного в данном параграфе анализа моделей урегулирования текущего конфликта в республике можно отметить, что чрезвычайно важно обозначить стратегию, которая будет заключаться в нейтрализации радикализма и сепаратизма в мусульманской среде через разработку и продвижение идей исламской умеренности, основанной на учете интересов общества и государства, на раскрытии и вовлечении просветительского, цивилизационного, созидательного, патриотического и миротворческого потенциала ислама в процессы общественного развития.

Важнейшей задачей является создание информационных каналов, которые могли бы транслировать вырабатываемые идеи и модели гражданской активности на широкую аудиторию, которые могли бы

---

³⁷⁸ Об этом см.: Алиев А.К., Юсупова Г.И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. Махачкала, 2002. С. 128-130

способствовать их распространению и укоренению в среде российских мусульман, связать ее в идейном плане в сообщество, не приемлющее идеи радикализма и экстремизма в силу глубокой теологическо-правовой обоснованности этого, а не благодаря распоряжениям властей. Важнейшими инструментами на данном направлении являются мусульманские СМИ регионального и федерального уровней - интернет сайты, циклы телепередач на местных каналах, радиостанции, газеты и т. д., нацеленные на реализацию вышеупомянутой стратегии.

Основной же задачей этой медиа-сети должен стать перехват инициативы в информационном, коммуникативном и публичном пространствах у радикальных пропагандистов. Добиться этого можно только открытым обсуждением всех волнующих сегодня мусульман вопросов, вовлечением в публичные дискуссии как можно более широкого круга лидеров и активистов исламской умеренности, в том числе, и зарубежных.

В деле реализации информационно-идеологических мероприятий необходимо обратить внимание на такие проекты, как:

- выстраивание всего комплекса информационно-идеологических мероприятий с федеральной стороны исключительно на тех принципах и понятиях, которые близки и понятны жителям Дагестана, как-то: репортажи, очерки о достойных сынах и героических днях Дагестана, слова и высказывания признанных авторитетов, как современных, так и оставшихся в народной памяти, повествования о красоте дагестанских адатов и утонченности горского этикета, о значении законов гостеприимства и добрососедских отношений в культуре народов Дагестана, роли представителей дагестанских народов в истории России и соседних народов;
- освещение исторических предпосылок сегодняшних этнополитических и религиозно-политических конфликтов, высвечивание роли и истинных целей тех, кто их спровоцировал;

- освещение истории зарождения ислама, особенностей и ошибок различных его направлений, в том числе и экстремистских, в эфирном и печатном пространстве не только Дагестана, но и всей России;

- широкое освещение, анализ и критика в СМИ Дагестана и других северокавказских республик неправильно понимаемых религиозными экстремистами положений исламской идеологии, таких как концепции "такфира", "джихада", "халифата" и т.д.;

- освещение в СМИ республиканского, регионального и федерального уровней истории развития мирных взаимоотношений кавказских народов и российского государства, уделение первостепенного внимания истории развития взаимовыгодных форм экономического, культурного, научного и др. сотрудничества;

- четкое соблюдение основных правил осуществления информационно-идеологических мероприятий, как-то: во-первых, объект воздействия должен понимать язык, на котором к нему обращаются, во-вторых, содержание сообщений и посылов должно вызывать у него интерес, желание воспринимать эту информацию;

- неременный учет специфики социально-исторических, культурных условий существования объекта воздействия, его национально-психологических особенностей;

- содержание информационно-пропагандистскими сообщениями всевозможных фактов расхождения действий сепаратистов, боевиков и террористов с канонами истинного ислама;

- предоставление слова лицам, прекратившим сопротивление, и подготовка цикла передач в СМИ с подробным анализом ошибочных мотиваций в среде дагестанского подполья;

Значимость достижения этого информационного доминирования приобретает еще большую актуальность, учитывая, что в стремительно формирующемся сегодня информационном обществе привычная нам борьба за материальные ресурсы будет уступать место борьбе за информационные

ресурсы и лидерство, что еще более обострит и ужесточит информационное противоборство как на мировом, так и на региональном уровнях.

3.3. Идеологические основы формирования национальной и конфессиональной политики России

Как мы уже отмечалось выше, события начала 2022 г., связанные с попытками западных стран по подрыву российского суверенитета, в корне изменили весь баланс сил в мире и создали новые вызовы безопасности Российской Федерации. Приведенная в начале диссертации слова президента России В.В.Путина и президента Казахстана К.-Ж.К.Токаева, которые назвали эти новые вызовы «беспрецедентными угрозами» и «разразившимся геополитическим штормом».³⁷⁹ В этих условиях особую внимание властям России придется уделять именно тем регионам, которые обеспечивают долгосрочную национальную безопасность страны.

Учитывая уникальное в геополитическом плане расположение Дагестана, его полиэтничность и полицентричность во все века оказывали существенное влияние на сложность этнополитической ситуации в регионе. Не стоит забывать и уникальное положение Дагестана в культурно-идеологическом плане. Практически во всех исследовательских работах отмечается, что данная республика находится на перекрестке мировых цивилизаций, мира восточного и мира западного, мира мусульманского и мира христианского, общества традиционного и общества современного.³⁸⁰

Исторически сложилось так, что из-за своего положения Дагестан и его народы веками подвергались влиянию ведущих держав Закавказья, Ближнего Востока и многочисленных кочевников евразийских степей. Последние же полторы сотни лет народы Дагестана находятся в ареале влияния русской культуры и российского государства.

---

³⁷⁹ Обращение президента к нации в связи с ситуацией на Украине // <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii> (Дата обращения 09.05.2024); Токаев: на планете разразился разрушительный геополитический шторм // <https://ru.sputnik.kz/20220316/токаев-na-planete-razrazilysya-razrushitelnyy-geopoliticheskiy-shtorm-23553410.html> (Дата обращения 09.05.2024)

³⁸⁰ Ланда К. Г. Геополитические интересы России в Каспийском регионе – проблема диалога / Геополитика, государственная безопасность, международные отношения: сборник трудов Четвертой международной научно-практической конференции «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на восток – проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии». 22-23.06.10, Санкт-Петербург, Россия / под ред. А. П. Кудинова. СПб, 2010

Осознание и принятие общности судьбы Кавказа и судьбы остальной России, признание российской власти и законов, а также одновременное сохранение в исторической памяти народов Дагестана традиционного понимания о свободе, национально-освободительного движения имама Шамиля, а также осознание себя частью мировой исламской общины (уммы) создает для жителей Дагестана ситуацию множественной идентичности. Как отмечает ряд ученых, данная множественность в самоидентификации жителей Дагестана используется третьими силами для расшатывания ситуации в республике, подрыва целостности культурного, политического и правового поля российского общества. Таким образом, Дагестан и остальные республики региона в очередной раз на протяжении длительной истории становятся полем идеологического и политического противоборства различных мировых политических блоков.³⁸¹

Среди этих сил можно отметить и проводников западных либеральных идей, и пантюркистских, и идей исламского фундаментализма, и т.д. Данное противостояние имеет своей целью подчинение себе общественного мнения и общественного сознания. Реализуются указанные цели через СМИ.

В короткий постсоветский период Дагестан и практически весь Кавказ превратился в арену борьбы за контроль над общественным сознанием живущих здесь народов. В массовое сознание начали внедряться идеи национализма, религиозного радикализма, вооруженного сопротивления российскому государству и даже терроризма.³⁸²

Популярности радикальных националистических и религиозных идеологий в республике способствует целый ряд системных проблем, поразивших как дагестанское, так и все российское общество в первое десятилетие постсоветского периода: коррумпированность властей,

---

³⁸¹ Плотников В. А., Пролубников А. В., Рукинов М. В. Институционально-стратегические аспекты государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Глобальная ядерная безопасность. 2020. No 2 (35). С. 123

³⁸² Ланда К. Г. Геополитические интересы России в Каспийском регионе – проблема диалога / Геополитика, государственная безопасность, международные отношения: сборник трудов Четвертой международной научно-практической конференции «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на восток – проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии». 22-23.06.10, Санкт-Петербург, Россия / под ред. А. П. Кудинова. СПб, 2010

ограниченный доступ к социальным лифтам, сползание постсоветского кавказского общества в общественно-политическую архаику, ослабление контроля властей за информационными потоками и активностью зарубежных структур в регионе и т.д.

Стремительное распространение и укрепление в республике радикальных идеологий и практик привело к появлению в Дагестане новых политических сил в лице многочисленных мусульманских общин. Подобная ситуация не могла не спровоцировать в республике глубокий религиозно-политический раскол и конфликт между сторонниками различных идеологических позиций – светских, государственных, радикально религиозных и откровенно экстремистских.

Не стоит забывать и о стремлении западных стран превратить Россию в арену неизбежных в будущем столкновений с новой волной исламского экспансионизма. Вполне закономерно, что на подобном фоне появилось огромное количество игроков, начавших пользоваться данной ситуацией для ослабления России. Связанные со всеми данными конфликтами внешние информационная, идеологическая и духовно-психологическая угрозы представляют сегодня для Северного Кавказа и для России в целом несомненную опасность.

Новые для России геополитическая и международная обстановка создают прямую угрозу национальной безопасности страны, когда имеет место целенаправленное, сознательное вмешательство иностранных государств и международных организаций во внутреннюю жизнь народов России.³⁸³ Происходит разрушение национального менталитета и самобытности не только народов Северного Кавказа, но и остальных народов России.

---

³⁸³ Ланда К. Г. Геополитические интересы России в Каспийском регионе – проблема диалога / Геополитика, государственная безопасность, международные отношения: сборник трудов Четвертой международной научно-практической конференции «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на восток – проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии». 22-23.06.10, Санкт-Петербург, Россия / под ред. А. П. Кудинова. СПб, 2010; Шахата Р. Земля государств, потерпевших фиаско. Каир, 2015. – С. 130

Как уже было отмечено выше, российские ученые В.И.Коваленко и Е.Н.Моцелков в современной России видят раскол между предназначением России, её миссией в мире и её политикой.³⁸⁴ На основе этого сформулированного тезиса они приходят к выводу о необходимости для России и населяющих ее народов интегративной идеологии. Причем, как они утверждают, эта идеология должна быть государственной. На взгляд авторов, данная идеология должна воплощать в себе идею русского народа и синхронизировать ее с историей российского государства и входящих в него народов.³⁸⁵ Еще один ключевой фактор подчеркивает академик В.А.Тишков:

«При всем значении геополитики и миронавязывания одной из главных стратегий была и остается стратегия предотвращения конфликта через эффективное управление (good governance) этнически сложными обществами» <...> «...культурное (этническое и религиозное) многообразие – это сложный и динамичный феномен. Он не может игнорироваться системой управления, включая государственное правление».³⁸⁶

Из этого утверждения В.А.Тишков выводит необходимость:

- адекватного понимания самой природы культурного многообразия, включая этническое и религиозное,
- выработки конструктивного (позитивного и толерантного) отношения общества к данной стороне социальной жизни людей и коллективов,
- эффективной государственной политики в области управления культурным многообразием к пользе людей и государства.³⁸⁷

Таким образом, актуальность вопроса состоит в том, что обеспечение идеологической и информационно-психологической безопасности в регионе Северного Кавказа, укрепление идеологического единства северокавказских народов на основе императивов, ценностей и установок, общих для культур

---

³⁸⁴ Коваленко В.И., Моцелков Е.Н. Российская государственность: идеология и самосознание народа // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. №2. - 1993. - с.3-15

³⁸⁵ Коваленко В. И., Моцелков Е. Н. Российская государственность: идеология и самосознание народа // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. №2. - 1993. - с.3-15

³⁸⁶ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.648-649

³⁸⁷ Там же

всех народов региона, осознание общности культуры, истории и будущего кавказских народов и остальной Россией, невозможности расчленения единого общероссийского организма являются одними из самых острых и насущных проблем, стоящих сегодня перед северокавказской и российской общественностью.³⁸⁸

В этом смысле, как подчеркнул президент России В.В.Путин во время выступления на Международном форуме «Валдай» в 2018 г. «вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер».³⁸⁹ Кроме того, Россия переживает сегодня непростой этап становления нового социально-экономического и политического строя. Завершается процесс осознания новой Россией себя в международном сообществе, во взаимодействии и столкновении ее интересов с интересами других государств.³⁹⁰

В концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию подчеркивается, что такой переход может быть осуществлен только усилиями всей страны: экологическая безопасность и нарастающая экономическая и информационная взаимозависимость государств делают невозможным достижение устойчивого развития в отдельно взятых странах или регионах планеты. Вместе с тем, очевидно, что на пути к осуществлению глобального устойчивого развития лежит немало препятствий и трудностей, которые сделают продвижение к нему длительным, сложным, наполненным конфликтами и противоречиями, идейными и политическими противоборствами.

Сегодня существует множество попыток с разных точек зрения объяснить подобное положение дел. Представляется, что основной причиной, способствующей росту негативных тенденций в общественном развитии, является отсутствие общепринятой национальной идеи и

---

³⁸⁸ Полянин А.В., Долгова С.А., Голикова Ю.Б. Механизмы государственного антикризисного управления территориями // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. No 4-3. С. 398

³⁸⁹ Владимир Путин: Россияне должны укреплять свою национальную идентичность // <https://ria.ru/20181018/1530980284.html> (Дата обращения 09.05.2024)

³⁹⁰ Рукинов М. В. Теоретико-методические подходы к моделированию структуры национальной безопасности // Экономический вектор. 2020. No 1 (20). С. 18

идеологии как факторов консолидации общества, которые бы объединяли, сплачивали все слои и группы российского социума, указывали бы перспективу развития, основные направления решения наиболее острых социальных, политических и этнических проблем.

При этом нельзя забывать о такой фундаментальной проблеме, как причина развала СССР, на которую в последние годы обратил внимание академик В.А.Тишков.

«Драма случившихся этнополитических конфликтов и самого распада СССР состоит в том, что советское государство нисколько не притесняло, а, наоборот, всячески спонсировало этническое многообразие и поддерживало большие и малые культуры, отказавшись от гражданского «нациестроительства».³⁹¹

Многие авторитетные исследователи, как отмечает В.А.Тишков, в последнее время пришли к выводу, что СССР не был «тюрьмой народов», т.е. империей с колониальной периферией. С его слов, он скорее стал «колыбелью наций», наиболее продвинутые из которых выступили инициаторами разрушения общего государства в момент попытки его радикального реформирования.³⁹²

Исходя из этого, необходимо помнить о том, что Россия – огромная страна, отличающаяся разнообразием этно-национальных, территориальных, природно-климатических, социально-экономических, культурных и иных особенностей. Она просто нуждается в общенациональной идеологии, без которой, особенно в переломный, переходный период развития, страну непременно будут разрывать на части различные политико-идеологические блоки, национально-религиозные общности и социальные группы,

---

³⁹¹ Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012. С.639

³⁹² См., например: Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина // Под ред. Р. Суни и Т. Мартина. М., 2011; Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010; Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010; Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008; Терри М. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012

пытающиеся реализовать на практике положения своих узких, корпоративных идеологических систем.

Достаточно развернуто проблема поиска консолидирующей идеологии для многонациональной страны, а также детальный анализ ее основных функций отражены в трудах В.И.Коваленко. Исследуя в течение 90-х гг. проблему интегративной идеологии, автор перешел от анализа содержательной стороны идеологии к её инструментальной функции, в соавторстве с другими учеными разработал схему формирования центристской идеологии посредством свободной адаптации конкурирующих идеологий. Идеологическое регулирование В.И.Коваленко противопоставляет демократическому, поднимает проблему соотношения понятий «национальная идея» - «национализм», проблему «русской идеи» и т. д. Автор предлагает развернуть дискуссию, способную затронуть чувства народа, поскольку национальную идею «заказать» невозможно.³⁹³

При этом ряд авторов утверждает, что консолидирующая российское общество идеология должна разрабатываться Федеральным Собранием и утверждаться Президентом РФ. Очевидно и то, что на этапе разработки данной идеологии и формулирования ее основных положений необходимо привлечение широкого круга политической, творческой, религиозной и научной общественности.

Как отмечают российские исследователи В.И.Коваленко и Е.В.Голошумов:

«...без четкого научного обеспечения... она может обернуться еще одним монстром, которые уже не раз терзали Россию, стать средством политического манипулирования, направленного против страны и народа».³⁹⁴

---

³⁹³ См., например: Коваленко В.И. Интегративная идеология в России: основания, проблемы, перспективы Текст. / В.И. Коваленко // Вестник МГУ, Политические науки. 1994. № 1; Коваленко В.И., Моцелков Е.Н. Российская государственность: идеология и самосознание народа // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. №2. 1993; Коваленко В.И., Голошумов Е.В. Национальная идея как научная проблема современной российской политологии // Вестник МГУ. Сер. 12. 1998. N 4; Шамахов В. А., Межевич Н. М. Глобальная политика и глобальная экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года // Управленческое консультирование. – 2019. – No 7

³⁹⁴ Коваленко В.И., Голошумов Е.В. Национальная идея как научная проблема современной российской политологии // Вестник МГУ. Сер. 12. 1998. N 4. С. 19

На взгляд ученых, общенациональная идеология, призванная консолидировать, сцементировать такое разнообразное общество, должна быть не выдуманной, искусственной, оторванной от жизни, а отвечающей чаяниям и историческим устремлениям российского народа.

При этом нельзя не поддержать положение В.В.Путина о том, что:

«Идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии... Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое».³⁹⁵

В этом плане достаточно посмотреть на отечественную историю. Ведь очевидно, что идея российской государственности обнаружила открытость к влияниям извне и готовность органически интегрировать самих носителей этих влияний. В.Соловьев писал по этому поводу, что все хорошее в России основано на забвении национального эгоизма:

«Русское государство, зачатое варягами и оплодотворенное татарами, и русское благочестие, воспринятое от греков, и заимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы».³⁹⁶

Современные авторы также пишут о том, что российская государственность зиждется именно на основе межнационального, межконфессионального, межкультурного единства и диалога. Только такая идеология может быть положена в основу выработки политического курса нашего государства, поскольку только идея общности славянских, угро-финских, тюркских и кавказских народов в духовном и политическом пространстве единой страны может предложить верные алгоритмы решения этнополитических проблем и конфликтов, сотрясавших нашу страну в 1990-х

---

³⁹⁵ Путин В.В. Цит. соч. С. 10.

³⁹⁶ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М., 2011.

- начале 2000-х гг. На сегодняшний день существует большое количество концепций, претендующих на то, чтобы назваться общероссийской идеологией, могущей консолидировать и сплотить народы всей страны.³⁹⁷

На современный взгляд, можно выделить основополагающий момент идеологии, которая претендует на выработку механизмов, форм разрешения основных политических, этноконфессиональных и социально-экономических противоречий современного российского общества. Российское успешное движение вперед видится только на путях одновременного возрождения единого государственного сознания и этно-национального самосознания населяющих ее народов. Эти два начала органично дополняют друг друга. Основанием российской государственности изначально являлась многонациональность, взаимообогащения различных культур и традиций.

В этом смысле, Российской Федерации нужна гибкая государственная национальная политика, не основанная на стремлении к унификации российского многообразия, а нацеленная на утверждение осознания единства интересов российской многонародной нации и общей ответственности граждан за исторические судьбы России. Достаточно посмотреть на отечественную историю. Н.Трубецкой, П.Савицкий, Л.Гумилев и другие мыслители разрабатывали эти положения, основываясь не на каких-то умозрительных заключениях, но с помощью того, на чем покоится до сих пор фундамент совместной жизни многонационального и многоконфессионального российского общества – общая история, взаимосвязанная культура, единая территория, желание жить вместе. В этом плане идея российской государственности обнаружила открытость к влияниям извне и готовность органически интегрировать самих носителей этих влияний. В то же самое время события на Украине показали катастрофическую опасность для национальной безопасности страны со

---

³⁹⁷ Шамахов В. А., Межевич Н. М. Глобальная политика и глобальная экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года // Управленческое консультирование. – 2019. – № 7. – С. 15

стороны проблемы многолетнего попирания принципа этнического разнообразия и равноправия всех народов страны.

В отличие от Украины, российские власти и эксперты всегда уделяли этому вопросу особое внимание. Так, президент РФ В.В.Путин на заседаниях совета по межнациональным отношениям неоднократно отмечал, что «межнациональное согласие является безусловным приоритетом для России».³⁹⁸

Известный исследователь А.В.Полосин предупреждал россиян об опасности забвения того факта, что российская государственность зиждется именно на основе межнационального, межконфессионального, межкультурного единства и диалога:

«В конечном счете, комплементарный союз русских и татар, на котором возникла и стоит поныне Российская Федерация, будет подорван и Российское государство, в том виде, как оно исторически сложилось после распада Монгольской империи, исчезнет».³⁹⁹

Он же пишет, что на огромных расстояниях между центром и регионами, при множестве разных народов и традиций не может быть эффективной унитарная, военно-административная модель. В национальных интересах России – выбор пути создания...интеграционной (комплементарной) федерации при широких правах национально-культурных автономий.⁴⁰⁰

Идея общности судеб народов России, положенная в основу общегосударственной идеологии позволяет ясно определить нашу собственную национально-культурную идентичность, ответить на вопрос «Кто мы?». Очевидно, что если россияне хотят выжить и сохранить свое государство перед лицом вызовов глобализации (объединяющаяся Европа,

---

³⁹⁸ Путин назвал межнациональное согласие безусловным приоритетом для России // <https://ria.ru/20161031/1480384292.html> (Дата обращения 09.05.2024); Владимир Путин провел заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // https://www.ltv.ru/news/2021-12-10/417783-vladimir_putin_provel_zasedanie_soveta_po_razvitiyu_grazhdanskogo_obschestva_i_pravam_cheloveka (Дата обращения 09.05.2024)

³⁹⁹ Полосин А.В. Манифест новой России: третий путь – прямой. М., 2001. С. 28

⁴⁰⁰ См.: Полосин А.В. Манифест новой России: третий путь – прямой. М., 2001. С. 28

рост мощи Китая, агрессивные устремления США)⁴⁰¹, они должны осознать свое место и назначение в мире, найти новые механизмы взаимной интеграции, прежде всего, в духовно-идеологическом плане. Сила подобной идеи в противостоянии агрессивной информационно-психологической и информационно-идеологической экспансии в том, что ответы на самые острые вопросы она дает, опираясь на незыблемые общенациональные ценности и традиции народов России, подчеркивающие ее самодостаточность и автономность в мировом пространстве.

Северный Кавказ - сложный и далеко не однозначный в этнополитическом и конфессиональном отношении регион. В силу целого ряда причин на рубеже веков здесь сложилось новое геополитическое и геостратегическое положение, в результате которого произошло серьезное обострение этнополитической ситуации.⁴⁰² Несомненно, что провоцированию и углублению общекавказского кризиса способствовала и борьба новых национальных элит за доступ к властным ресурсам. Далекую роль сыграли в этом процессе и криминальные структуры, и рвущиеся к власти и большим деньгам российские чиновники. Не стоит также забывать о попытках ряда стран Ближнего Востока вытеснить Россию с Северного Кавказа, для чего в этот регион и были экспортированы непримиримые, политически ориентированные трактовки ислама. Нужно помнить и о стремлении западных стран превратить Россию в арену неизбежных в будущем столкновений с новой волной исламского экспансионизма.

Таким образом, сегодня новая российская государственность проходит нелегкие испытания на прочность именно на Северном Кавказе, для отторжения которого от России заинтересованными силами были мобилизованы все возможные ресурсы. Для этих целей активизируются и приводятся в действие все рычаги воздействия, в том числе, политические,

---

⁴⁰¹ Рукинов М. В. Теоретико-методические подходы к моделированию структуры национальной безопасности // Экономический вектор. 2020. № 1 (20). С. 20

⁴⁰² Полянин А.В., Долгова С.А., Голикова Ю.Б. Механизмы государственного антикризисного управления территориями // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4-3. С. 394

идеологические, экономические, национальные, религиозные, исторические, военные и разведывательно-диверсионные.

Именно с реализацией этих устремлений противников единства России следует связывать серию этнополитических и религиозных конфликтов на Кавказе, активизацию национальных, религиозных сил, призывающих к отделению от России, к пересмотру исторически сложившихся границ и статусов. Одним из заметных рычагов проведения антироссийских планов на Кавказе является массированное информационное воздействие на российское руководство и общественное мнение России, а также на мировое сообщество. Мероприятия по информационному противоборству в ходе этнополитических конфликтов на Кавказе являлись лишь репетицией, обкаткой новых технологий борьбы за свои интересы.

Масштабное информационное противоборство, развернувшееся на Кавказе, подтверждает то, что видные политологи, аналитики и журналисты уже давно констатировали то и с чем сегодня вынуждены соглашаться и рядовые обыватели: за обладание Северным Кавказом разгорается нешуточная борьба между крупнейшими державами и политическими блоками современного мира.⁴⁰³ Затрачиваемые на выдавливание России с этого стратегического региона ресурсы и средства позволяют предположить величину дивидендов, которые получит тот, кто сможет за столбить за собой этот край в ближайшем столетии.⁴⁰⁴

При этом те, кто наметил Кавказ зоной своих стратегических интересов, прекрасно понимают, что Кавказ невозможно и недостаточно завоевать и удержать физически, его надо завоевывать духовно, идеологически. Именно поэтому основные сражения за Кавказ сегодня разворачиваются на фронтах информационно-идеологического противоборства.

---

⁴⁰³ Плотников В. А., Пролубников А. В., Рукинов М. В. Институционально-стратегические аспекты государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Глобальная ядерная безопасность. 2020. No 2 (35). С. 121

⁴⁰⁴ Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: монография. М., 2020. С.251

В целом, приходится признавать, что информационно-пропагандистские мероприятия сторонников развала России как единого государства оказывались достаточно действенным оружием и временами приводили к желаемому результату. Результаты подобной массовой информационно-пропагандистской работы представителей чеченского сопротивления, представителей радикальных течений в исламе, западно-атлантического блока не могут пройти бесследно.

На Северном Кавказе, а в самом Дагестане тем более, запущены необратимые процессы реисламизации общества и все большей ориентации и самоидентификации молодого поколения с исламской идеологией и общественно-политической доктриной. Значительная часть российской общественности, устав от войны и кровопролития в Чечне и от бесконечных терактов в Дагестане и на остальном Северном Кавказе, на протяжении определенного периода начало воспринимать Кавказ как враждебную, чуждую, непонятную, а оттого пугающую культуру. При этом над снятием психологического напряжения и недоверия жителей Северного Кавказа и жителей остальных регионов России придется работать достаточно долго.

Несомненно, для сохранения своей целостности, России придется усовершенствовать федеративные отношения, выдвинуть новую, жизнеспособную идею общеконтинентального сообщества народов в границах одной страны. Во внешнеполитическом плане России придется преодолеть сохранившуюся у значительной части элиты ориентацию исключительно западного толка и выработать концепцию блока евразийских держав во главе с четверкой стран - Китай, Россия, Индия, Иран.⁴⁰⁵

Корректировки потребуют и социально-экономическая доктрина, и духовно-идеологическая, и оборонная доктрины страны. При этом для того, чтобы обновленная Россия не представляла набор механически сведенных в

---

⁴⁰⁵ Шамахов В. А., Межевич Н. М. Глобальная политика и глобальная экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года // Управленческое консультирование. – 2019. – № 7. – С. 12

одну кучу элементов, а вылилась в по-настоящему нерушимую Федерацию, России необходимо, в первую очередь, добиться превосходства и наступательной инициативы на всех информационно-идеологических фронтах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало актуальность и недостаточную изученность специфики протекания религиозно-политических конфликтов в обществах, сохраняющих свою традиционность и одновременно подвергающихся стремительной трансформации по причине резкого вхождения в современную информационную эпоху. Проблемы разрушения традиционного общества, зарождения конфликтогенного потенциала в общественном и политическом поле, стремительной эскалации противостояния через его отражение в информационном поле, глобализации и интернационализации конфликта, запаздывания развития гражданского общества в ситуации нарастания политических, информационных и идеологических угроз его существованию требуют более глубокого и систематического изучения.

В ходе проведенного исследования автор пришел к следующим выводам и заключениям:

1. Дагестан, располагаясь на стыке мировых цивилизаций, Востока и Запада, исламского мира и мира христианского, традиционного и современного обществ, на протяжении всей своей истории и вплоть до сегодняшнего дня является ареной столкновения и противоборства культурных и идеологических систем и парадигм. Эта уязвимость Дагестана с его уникальной, мозаичной социально-политической культурой на фоне развала Советского Союза привела в республике к структурным разломам социального поля, к одновременной активизации религиозной и политической практики, а также к формированию конкурентных и даже взаимоисключающих моделей социального, политического и религиозного поведения различных общин верующих и светского сообщества республики.

2. Религиозный конфликт в Дагестане, начавшийся после краха советской системы государственности и последующего глубокого структурного кризиса в постсоветской России между представителями

различных течений внутри ислама в Дагестане, носил в своем начале характер теологических и доктринальных разногласий. А эскалации конфликта способствовал целый комплекс причин. Среди основных причин стоит назвать общий упадок легитимности государственных структур федерального и республиканского уровней на фоне глубокого системного кризиса в стране, непримиримость позиций сторон конфликта, радикализацию части представителей салафитского лагеря, тяжелое по своим последствиям влияние вооруженного конфликта в Чечне на сознание и поведение дагестанских мусульман, сложное социально-экономическое положение жителей республики и др.

3. Ключевыми факторами превращения данного конфликта из сугубо религиозного в религиозно-политический послужили два процесса – постепенный рост политических претензий и требований части салафитской общины, имевших целью на ликвидацию светской власти в республике, а также вмешательство государственных властей в теологический спор между религиозными общинами на стороне одной из общин. Особому обострению религиозно-политического конфликта в Дагестане, приобретению им разрушительного для республики и всей страны характера, а также его выведению за рамки возможностей дагестанских властей по его разрешению послужила интернационализация и глобализация конфликта по причине его перехода с уровня межобщинного противостояния внутри республики на уровень открытого глобального информационного пространства с подключением к нему влиятельных международных игроков.

4. Несоответствие претензий радикального салафитского крыла на всю полноту политической власти в республике реальным политическим запросам дагестанского общества, а также несоизмеримость его потенциала с военной, политической, административной и экономической мощностью российского государства привело к переходу экстремистов к асимметричной тактике диверсионно-террористической и информационной войны против российского общества и российских властей. Все перечисленные выше

факторы привели к еще одному последствию, в результате сыгравшему одну из ключевых ролей в усугублении конфликта, в его ожесточении и приобретению вектора, направленного на разрушение основ межобщинного и религиозного согласия в Дагестане. Речь идет о фактическом самоустранении от участия в разрешении конфликта традиционных и новых гражданских структур дагестанского общества – сельских и районных джамаатов, национальных и религиозных общин организаций, территориальных и профессиональных ассоциаций, молодежных, культурных, правозащитных, женских и иных НКО.

5. Данное самоустранение дагестанского гражданского общества от участия в урегулировании религиозно-политического конфликта в республике связано с серьезной проблемой задержки становления гражданского самосознания в регионе, правовой безграмотностью и узким общинным сознанием значительной части местного населения, с тяжелым социально-экономическим положением республики в постсоветский период, разрушительным влиянием на сознание населения двух чеченских войн, коррумпированностью всех сторон общественной жизни, длительным игнорированием проблем республики со стороны федерального центра. Проблема недостаточной развитости структур дагестанского гражданского общества в деле реализации ими общественно-политических, образовательных, миротворческих проектов, а также их должного освещения в СМИ в целях урегулирования религиозно-политического конфликта в республике потребовала подключения к этому процессу структур гражданского общества, СМИ, научных специалистов и даже властных структур федерального уровня.

6. Дагестанским и российским властям будет предельно сложно сбить остроту религиозно-политического конфликта в республике и найти путь к его разрешению без усиления позиций и широкого подключения к этому процессу общественных структур Дагестана с активной гражданской позицией на поле народной дипломатии, реализации механизмов

миротворчества и традиций межобщинного примирения. В ситуации, когда текущий религиозно-политический конфликт уже много лет, как получает дополнительную остроту через свое отражение в открытом информационном пространстве, а одна из сторон конфликта использует асимметричную тактику противостояния, делающую упор на агрессивное вторжение в сознание и психологию населения региона, структурам гражданского общества Дагестана необходимо овладевать современными технологиями по информационной работе, как с местными, так и с общероссийскими и международными партнерами.

Учитывая тяжелые последствия продолжающегося религиозно-политического конфликта в Дагестане, мозаичность национальной, религиозной, социальной и политической культуры населения республики, уникальное положение региона в культурно-идеологическом и политическом отношении на перекрестке мировых цивилизаций, особую актуальность для Дагестана, соседних республик Северного Кавказа, а также всех остальных регионов страны приобретают вопросы укрепления национальной идентичности России, развития и раскрытия принципов федерализма, формирования общероссийской политической идеологии, предполагающей учет богатства региональной специфики, внимательное и бережное отношение к национально-культурному и духовному наследию всех народов нашей Федерации.

На основе проанализированного материала представляется возможным предложить органам государственной власти республиканского, регионального и федерального уровня, общественным и политическим деятелям, работникам СМИ, образовательных и культурных учреждений и заведений по обеспечению информационно-психологической и информационно-идеологической безопасности и духовно-идеологической консолидации народов региона воспользоваться в своей дальнейшей работе рядом рекомендаций, приведенных в данной диссертации.

По итогам проведенного исследования представляется целесообразным озвучить ряд перспективных направлений для последующих научных исследований динамики, последствий и моделей разрешения религиозно-политических конфликтов в кавказских обществах. Среди них стоит перечислить концепции гражданской и политической консолидации обществ с глубокими социальными расколами; концепции более глубокой интеграции нарастающей мусульманской социальной энергетики и общественной активности в общий процесс развития гражданской и общественно-политической системы России; концепции мирного и взаимовыгодного сосуществования различных народов и конфессиональных групп в рамках асимметричной федерации; проблемы укрепления национальной и духовной безопасности российского государства и общества и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники. Законодательные документы

1. Закон о запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан. Принят Народным Собранием Республики Дагестан 16 сентября 1999 г.;
2. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 "О средствах массовой информации";
3. Конституция Республики Дагестан;
4. Конституция Российской Федерации;
5. Конституция Чеченской Республики;
6. Указ Президента Республики Дагестан № 264 от 2 ноября 2010 г. о создании Комиссии при Президенте Республики Дагестан по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории Республики Дагестан;
7. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 02.05.2015) "О некоммерческих организациях";
8. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" (с изменениями и дополнениями);

Научная литература

9. Абашилов Г. Караван. Махачкала, 1998;
10. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994;
11. Абдулатипов Р.Г. "Национальный вопрос и государственное обустройство России. М., 2000;

12. Абдулатипов Р.Г. Обустройство народов: российская модель. М., 1999;
13. Абдулатипов Р.Г. О национальном самочувствии народов России. М., 2000;
14. Абдулатипов Р.Г. Основы национальных и федеративных отношений. М., 2001;
15. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб., 2004;
16. Абдуллаев А-Х. Что такое тарикат? // Алимь и ученые против ваххабизма. Сб. ст. Махачкала, 2001;
17. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М., 2005;
18. Алиев М.Г. Республика Дагестан: приоритеты современной национальной политики. Махачкала, 1996;
19. Алиев М.Г. Единство и целостность Республики Дагестан как конституционный принцип. Махачкала, 1998;
20. Алиев М.Г. В поисках согласия. Махачкала, 2002;
21. Алиев А.К. Социальные и межнациональные конфликты: причины и пути их разрешения. Махачкала, 1998;
22. Алиев А.К. Межнациональное согласие как фактор стабильности в условиях многонационального Дагестана. Махачкала, 1998;
23. Алиев А.К. Современные проблемы этнополитического развития на Северном Кавказе. Махачкала, 2003;
24. Алиев А.К., Юсупова Г.И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. Махачкала, 2002;
25. Аликберов А., Бобровников В., Бустанов К., Кемпер М. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 1-е изд. 2018. 2-е исправл. и дополн. изд. М.: ИВ РАН, 2019;
26. Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. Москва – Ростов-на-Дону, 2016;

27. Арапов Д.Ю., Ларина Е.И. С.Г. Рыбаков и его «Обзор» организации духовной жизни мусульман России (апрель 1917 г.). М., 2006;
28. Арухов З.С. Чеченский конфликт и киберпространство // Современное положение Чечни. ЦСРИП ИППК при РГУ. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. №4;
29. Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. Махачкала: Агентство «Кавказ». Редакция аналитической информации, 1999;
30. Асиятилов С.Х. Ислам спасет будущее Дагестана. Махачкала, 1999;
31. Астахова Л.С., Бухараев Я.В. Этноконфессиональное согласие в Республике Татарстан: история формирования и методические рекомендации по совершенствованию мер, направленных на поддержание этноконфессионального мира и минимизацию этноконфессиональных конфликтов / Ред.: Золотухин В.В., Костылев П.Н. М.: «Здоровое поколение», 2018;
32. Атаев М.М., Гаджиев Н.М. Этнополитические процессы в постсоветском Дагестане. Махачкала, 1997;
33. Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000;
34. Батанов А.С. Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. М., 2005;
35. Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М., 2016;
36. Баширов Л.А. Ислам и этнополитические процессы в современной России. М., 2000;
37. Бекуров Р.В. Информационно-аналитический аспект деятельности международных политических институтов в урегулировании локальных и региональных конфликтов. СПб., 2000;
38. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Запад / под ред. П.С.Гуревича, М., 1988;

39. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995;
40. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности — М., 1995;
41. Билалов М.И. Религиозный иррационализм и перспективы гражданского общества // Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. М.: Academia, 2003;
42. Бобровников В. Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т. 1. М., 2006;
43. Бобровников В.О. Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Вып. 1. М., 1998;
44. Борунков Ю.Ф. Структура религиозного сознания. М., 1971;
45. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004;
46. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010;
47. Вайс М. Исламское государство: Армия террора. М., 2016;
48. Ван Кревельд М. Трансформация войны. Пер. с англ. М., 2005;
49. Василенко И.А. Политические переговоры. М., 2011
50. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990;
51. Винер Н. Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. СПб., 2001;
52. Виноградова С.М., Войтович Н.А., Вус М.А. и др. Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность. СПб., 1999;
53. Волков А.И., Пугачева М.Г. Пресса в обществе. Оценки журналистов и социологов. Документы. М., 2000;
54. Волков Ю. Г. Идеология и гуманизм. Ростов-на-Дону, 2004;
55. Воробьев В.В. Менеджмент в социальной информатиологии. М., 2005;

56. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография. Казань, 2017;
57. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001;
58. Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1996;
59. Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала, 2002;
60. Гараджа В.И. Религиоведение: Учеб. пособие для вузов. М., 1995;
61. Гацалов Х.Х. Россия и ислам: на острие атаки. Пушкино, 2016;
62. Глушкова С.И. Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М., 2008;
63. Голуенко Т. А. Религиозные конфликты в современном мире: теоретический аспект. Барнаул, 2004;
64. Гришина Н.В. Психология конфликта. М., 2008;
65. Громов И.А., Мацкевич А.Ю. Западная теоретическая социология. Теория конфликта. М., 1996;
66. Гусейнов В.А. От Ельцина к...? Война компроматов. М., 2000;
67. Гуторов В. А. Идет ли посткоммунистическая Россия к гражданскому обществу? // Практическая философия и гражданское общество в России: Сб. статей / под ред. В.Г. Марахова. СПб., 2004;
68. Дагестан в период социальных реформ. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2002;
69. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. М., 1998;
70. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991;
71. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. Мн., 1997;
72. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002;
73. Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: монография. М., 2020;

74. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 2000;
75. Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов / Под ред. Добаева И.П. Москва – Ростов-на-Дону. 2016;
76. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. — М., 1994;
77. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 2000;
78. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М., 1991;
79. Дюркгейм Э. Социология религии и теория познания // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И.Гараджа, Е.Д.Руткевич. М., 1996;
80. Евстафьев Д. Ограниченные вооруженные конфликты и проблемы безопасности России. М., 1996;
81. Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. М., 1999;
82. Зазнаев О.И. Фарукшин М.Х. Этнические аспекты политических институтов и процессов. М., 2021;
83. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельно-структурная концепция. М., 2002;
84. Засурский Я.Н. Журналистика и общество: балансируя между государством и общественной сферой // Средства массовой информации постсоветской России. - М., 2002;
85. Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998;
86. Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века. Воронеж, 2007;
87. Зиммель Г. Избранное. М., 1996;
88. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995;

89. Зуев Ю.П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность в современной России // Религия и политика. М. 1998;
90. Иванов В. Вторая чеченская. Исторический портал. М., 2018;
91. Ивин А.А. Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении. М.: Проспект, 2017;
92. Игнатенко А.А. Ислам и политика. М., 2004;
93. Идрисов Ю. М. Идеино-политическое наследие мусульманской интеллигенции Дагестана в контексте межрегионального сотрудничества и межобщинного диалога // Материалы 1 Международной молодежной научно-практической конференции 14 мая 2007 года - Ежегодный сборник научных статей Нижний Новгород, 2007 №1;
94. Интеграция культур в смылосозидающем образовании. Махачкала, 2002;
95. Ислам и политика. М., 2001;
96. Ислам на территории бывшей Российской империи // Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1;
97. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002;
98. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000;
99. Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Ф. Денисова. М: Ладомир, 2004;
100. Кисриев Э.Ф. Ислам и политика в Дагестане. М., 2004;
101. Козер Л.А. Основы конфликтологии. СПб, 2001;
102. Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000;
103. Козырева П. М., Смирнов А.И. Лабиринты развития демократии в России. М., 2007;
104. Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. Учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2015;

105. Крапивенский С.Э. Социальная философия. Волгоград, 1995;
106. Кратов Е.В., Кратова Н.В. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике. М., 2008;
107. Крысько В.Г. Секреты психологической войны. Минск, 1999;
108. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Дону, 2006;
109. Куштавкина Е.А. Этнополитические отношения и конфликты: теория и практика М., 2010;
110. Ланда К. Г. Каспийская модель регионального сотрудничества: Монография. Москва: Изд-во РАГС, 2008;
111. Ланда К. Г. Геополитические интересы России в Каспийском регионе – проблема диалога / Геополитика, государственная безопасность, международные отношения: сборник трудов Четвертой международной научно-практической конференции «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на восток – проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии». 22-23.06.10, Санкт-Петербург, Россия / под ред. А. П. Кудинова. СПб, 2010;
112. Ланда К. Г. Современный терроризм в Каспийском регионе: основные угрозы и выводы / Материалы региональной научной конференции «Северный Кавказ в современной геополитике России», 25 сентября, 2008 г. – Махачкала, 2009;
113. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999;
114. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000;
115. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998;
116. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001;

117. Манойло А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны // А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. М., 2003;
118. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003;
119. Маркелов К.В. Информационно-аналитическая деятельность на государственной службе. М., 2004;
120. Маркелов К.В. Информационная политика и общественный идеал. М., 2005;
121. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4;
122. Маслюк С.Г. Идеология и практика информационной политики в современном российском обществе. М., 2004;
123. Меткин М.В. Теоретические и практические аспекты разрешения конфликтов. СПб, 2009;
124. Мирзоев Ш.А., Саидов Т.Г. Культура и традиции народов Дагестана. Махачкала, 1994;
125. Муслимов С.Ш. Эволюция и состояние свободомыслия в современном Дагестане // Наука и социальный прогресс Дагестана. (Материалы 3-й республиканской конференции, посвященной памяти Х.М.Фаталиева, 23-24 января 1995 г.). Т.1. Махачкала, 1997;
126. Мухаммад Б. Намаз. 2-е изд. М., 1999;
127. Мухаммад Б. Учебник арабского языка. Первый год обучения. М., 1992;
128. Митрохин Л.Н. Религия и культура (социально-философские очерки) / РАН. Ин-т истории. М., 2000;
129. Можаровский В.В. Религия и политика. СПб, 2002;
130. Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001.
131. Мчедлов М.П. Этнонациональное и религиозное сознание: проблемы взаимосвязи // Обновление России: трудный поиск решений. М., 1997;

132. Новосельцев В., Тарасов Б. Системная теория конфликта. М., 2011;
133. Нуруллаев А.А. Религия: влияние на интеграционные и дезинтеграционные процессы в российском обществе // Религия, национальное согласие и возрождение России. М., 1993;
134. Нуруллаев А.А. Религиозный фактор в межнациональных отношениях // Возрождение культуры России: диалог культур и национальные отношения. СПб. 1996;
135. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов // Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. — М.: Прогресс, 1969;
136. Орлянский В.С. Конфликтология. Киев, 2007;
137. Панарин С.А. Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе. // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб, 2001;
138. Парсонс Т.С. Религия и социетальное общество // Система современных обществ. Под ред. М.С.Ковалевой. М., 1997;
139. Патриотическое воспитание населения Дагестана в современных условиях. Махачкала, 2000;
140. Полосин А.В. Манифест новой России: третий путь – прямой. М., 2001;
141. Политология. Учебник для вузов // Под ред. В.А. Ачкасова и В.А. Гуторова. М., 2004;
142. Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. Публицистика. М., 2008;
143. Поляков К.И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., 2001;
144. Пономарев Н.Ф. Информационная политика органа власти: пропаганда, антипропаганда, контрпропаганда. Пермь, 2007;
145. Попов В.Д. Тайны информационной политики: социальный психоанализ информационных процессов, политика. М., 2005;
146. Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М., 2001;

147. Программы Исламско-демократической партии Дагестана, дагестанского отделения Исламской партии возрождения, Джамаат-уль-муслими в кн.: Дагестан: этнополитический портрет. Сост. В.Ф. Грызлов. Т. II. М., 1994;
148. Радугин А.А. Политология. М., 2001;
149. Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007;
150. Рамазанов Т.Б. Проблемы преступности в Республике Дагестан. Махачкала, 1999;
151. Рашидов С.Ф. Конфликт исламских идентичностей в современном Дагестане. Измаил, 2019;
152. Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества. Махачкала, 2002;
153. Религия и конфликт. Под ред.: А. Малашенко и С. Филатова. М., 2007;
154. Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия. М., 2005;
155. Россия в XXI веке: конституционное устройство обновленной страны. СПб, 2000;
156. Рунов В. Чистилище чеченской войны. М., 2009;
157. Саидов Т.Г. Культура и традиции народов Дагестана. Становление мужчины. М., 1998;
158. Сиражудинова С.В. Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2012;
159. Скачко А. Дагестан. М., 1931;
160. Смелзер Н. Социология. М., 1994;
161. СМИ в этнополитических процессах на Юге России. Сборник научных статей под ред. В.В. Черноуса. Ростов-на-Дону, 2003;
162. Смирнов В.Э. Гражданственность и гражданское общество. Самоорганизация и социальный порядок. Минск, 2013;

163. Сморгунюв Л. В. Современная сравнительная политология — М., 2002;
164. Советский Дагестан за 40 лет. Махачкала, 1960;
165. Современная российская политика: Учебное пособие под общей ред. В.И.Коваленко. М., 2013;
166. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М., 2011;
167. Социальные и межнациональные конфликты: причины и пути их разрешения в регионе. Махачкала, 1998;
168. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М., 2010;
169. Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М., 2001;
170. Стриженко А.А. Освещение локального конфликта в Чечне, как проявление информационной войны в российских СМИ. Барнаул, 2003;
171. Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Вилисов М. В., Зачесова Ю. А., Пак Н. К., Середкина О. А., Мешков Ю. Е. Проблемы государственной политики регионального развития России. М., 2008;
172. Султыгов, А.-Х.А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях: сравнительный анализ. М., 2005;
173. Султыгов А.-Х.А. Этнополитические противоречия и формы их разрешения. М., 2006;
174. Тавокин Е.П. Государственная информационная политика: проблемы и технологии. М., 2003;
175. Тишков В. А. Конфликт в сложных обществах. Этнополитический конфликт: пути трансформации. М., 2007;
176. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001;
177. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997;
178. Тишков В.А. Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007;

179. Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012;
180. Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Под ред. Ж. Крикорова, Ж. Мельникова, А.Недолян, Г.Тер-Габриелян. Ереван, 2001;
181. Угроза ислама или угроза исламу? М., 2001.
182. Уткин А.И. Американская стратегия развития для XXI века. М., 2000;
183. Учебный план Северокавказского исламского университета имени шейха Мухаммада-Ариффа. Подготовка священнослужителей исламского вероучения. б.г.;
184. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004;
185. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 39. С. 7677–7678, 7667, 7669, 7673, 7674–7676;
186. Хакимов Р.С. Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. Казань, 2016;
187. Ханбабаев К.М. Религиозное образование в Дагестане // Проблемы поликонфессионального образования в Дагестане. Махачкала, 2002;
188. Ханбабаев К.М. Трансформация ислама в современном Дагестане // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сборник научных трудов Северокавказского регионального отделения МНАБ. Вып. 2 (9). Махачкала, 2004;
189. Ханбабаев К.М. Учащаяся молодежь Дагестана и религия // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень № 2 Комитета Правительства РД по делам религий. Махачкала, 2002;
190. Хубецова З.Ф. Средства массовой информации как фактор политического самоуправления в регионе (на материалах республики Северная Осетия-Алания). СПб, 2001;

191. Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992-...): его предыстория и факторы развития. М., 1998;
192. Чернобровкин И.П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль. Ростов-на-Дону, 2003;
193. Чеучев Н.Ш. Народная дипломатия как средство разрешения социальных конфликтов. М., 2006;
194. Чирун С. Н. Гражданское общество российской периферии. М., 2014;
195. Чудинов А. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. М., 2006;
196. Шаран П. Сравнительная политология – М., 1992;
197. Шахата Р. Земля государств, потерпевших фиаско. Каир, 2015;
198. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. М, 2004;
199. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003;
200. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования, 2001. №1;
201. Этничность и религия в современных конфликтах // отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман; М., 2012;
202. Эффендиева Д.А. Чеченские события и Дагестан: последствия и исторические уроки. Махачкала, 2002.
203. Юсупова Г.И. Глобализация и этнополитическая безопасность Юга России. М., 2009;

Периодические издания

204. Абдулатипова Б. Листовки в мечети. Черновик, № 11, 18 марта 2004;
205. Аминов И.Р. Понятие и сущность этнического и религиозного конфликта: теоретико-правовой аспект / И. Р. Аминов, А. Т. Исмаилов // Молодой ученый. 2017. № 20 (154);

206. Апраткина С.Г., Гараева М.Ф., Гималетдинов И.И., Михайлова А.Н., Иванова Э.А. Факторы и механизмы формирования межнациональной толерантности в современном российском обществе в представлениях студенческой молодежи // Адлеровские социологические чтения. 2014. Т.1. No 1;
207. Ахременко А.С. Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // Общественные науки и современность, N 4, 2007;
208. Ахтаев А. Суфий должен быть политиком // Ат-таухид. No 1. 1994;
209. Бабич И.Л. Республика Кабардино-Балкария: мечети и исламские общины // // Ислам и право в России. Вып. 3. М., 2004;
210. Бабич И.Л. Республика Адыгея и Краснодарский край: мечети и исламские общины // Ислам и право в России. Вып. 3. М., 2004;
211. Беликова Е.О. Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2;
212. Бобровников В.О. Вакф в Дагестане: из вчерашнего дня в завтрашний? // Ислам и право в России. Вып. 2. М., 2004;
213. Бобровников В.О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2;
214. Бреская О. Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социс. 2011. №12;
215. Вагабов М.В. Изучение ислама – на научную основу // Народы Дагестана. Республиканский общественно-политический журнал. No 2. 1999;
216. Гаврилов Г. А. Информационная война и паблик рилейшнз // Молодой ученый. №6, 2012;
217. Галина Э. Ф. Информационная политика СМИ в годы Первой чеченской кампании 1994-1996 годов // Филологические науки

- в России и за рубежом: Материалы II Международной научной конференции. СПб, 2013;
218. Гатагова Л. Чему мы учим // Родина, №1-2, 2000;
219. Герасимов, В. И. Идеология и дискурс в работах Т.А. ван Дейка (реферативный обзор). // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире. Сборник научных трудов. РАН ИНИОН. 2003. № 4;
220. Горбунова Н.М. Ливанский кризис: трансформация общества и государства // Восток-Oriens. 2013. – No 4;
221. Гусейнов Г.Н. Маслиат - призыв к миру // Народы Дагестана. № 6, 2010;
222. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. № 5, 1994;
223. Дробижева Л. М. Этнические конфликты // Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Полис. №2;
224. Евгенийев А., Соловьёв Р. Исламское государство Ирака и Леванта: социально-экономический анализ // Мировое и национальное хозяйство. Материалы научной студенческой конференции «Экономика современных вооруженных конфликтов». Издание МГИМО МИД России, 2015. – No 3 (34);
225. Егоров И. "Аль-Каида" в России // «Российская газета». 02.05.2011;
226. Жапуев З.А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. № 6, 2012;
227. За права верующих, но против экстремизма // Молодежь Дагестана. 19.09.2003;
228. Ильясов М. Нестабильность на Северном Кавказе: причины, факторы и возможные последствия // Бюллетень Regional Dialogue, №2;

229. Интервью с муфтием. Просвещение - наше главное оружие // Ислам. Духовно-просветительский журнал. No 1 (1). Январь-февраль, 2002;
230. Ипатов А.М., Ипатова В.П. Борьба Хезболлы против ИГИЛ в ходе сирийского конфликта // *Filo Ariadne*. – 2018. – No 3;
231. Исаева В.Б. Современные концептуальные модели социологии конверсии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 166;
232. Исмаилов О. М. История возникновения и становления терроризма как преступного явления: уголовно-правовой анализ террористического акта / О. М. Исмаилов // Наука и образование: современные тренды: коллективная монография / гл. ред. О. Н. Широков. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015
233. Каргина И. Г. Новые религиозности: социологические рефлексии / И. Г. Каргина // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №2(23);
234. Каткова М.В. Понятие «информационное пространство» в современной социальной философии // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2;
235. Ковалев А. М. Государственная идеология. Что это такое? // Вестник МГУ. Политические науки. 1994. № 1;
236. Коваленко В. И. Интегративная идеология в России: основания, проблемы, перспективы // Вестник МГУ, Политические науки. 1994. №1;
237. Коваленко.В.И. Политические идеологии: история и современность // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. – 1997;
238. Коваленко В.И., Голошумов Е.В. Национальная идея как научная проблема современной российской политологии // Вестник МГУ. Сер. 12. 1998. N 4;
239. Коваленко В. И., Моцелков Е. Н. Российская государственность: идеология и самосознание народа // Вестник Московского

- университета. Серия 12. Социально-политические исследования. №2. 1993;
240. Когда народ проигран // Настоящее время. 2011 №15 от 22 апреля;
241. Кожаева Э. Амир Багаудин: «Нападение я одобряю» // Молодежь Дагестана. 18.06.1999;
242. Количество похищений людей в Дагестане за год увеличилось более чем в 2 раза // Газета «Черновик». 28.02.2013;
243. Кольба А.И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука, 2020, No 3;
244. Курбанов Р.В. Глобализация сознания мусульман Кавказа – призыв и джихад // Центральная Азия и Кавказ. № 6 (48) 2006;
245. Лапкин В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. №3;
246. Липсет С.М. Неизбывность политических партий // Политическая наука. 2006. N 1;
247. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. N 4;
248. Магомедсалихов Х. Маслиат как самобытный способ разрешения конфликтов // Дагестанская правда. 10.04.2008;
249. Максаков И. Соотношение исламских движений Дагестана // НГ–Религии. 18.03.1998;
250. Малашенко А.В. Религию невозможно отделить от политики // Отечественные записки. 2013. № 1 (52);
251. Малашенко А. В. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. № 5 (13), 2003;
252. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта //

- Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». Киев, 2005, №8;
253. Матушанская Ю. Г., Салахова Д. Ф. Религиозная и национальная самоидентификация татар Западной Европы // Свеча. Т. 34. Религии в России: конструирование религиозной идентичности: сб. науч. докл. / Под ред. проф. Е.И.Аринина. Владимир, 2018;
254. Мацизато К., Ибрагимов М.-Р. Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2006. № 2;
255. Мехтиханов А. Схватка // Молодежь Дагестана. № 42. 19.10.2001;
256. Мещерякова Н.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социальной аномии в российском обществе // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2014. №3 (27);
257. Милашина Е. Побеждает тот, кто заказывает // «Новая газета». 08.06.2009;
258. Митрохин Н. Русская православная церковь и постсоветские мусульмане // Отечественные записки. 2003, № 5. Ислам и Россия;
259. Михайлов В. А. Принцип «воронки» или механизм развертывания межэтнического конфликта // Социологические исследования. 1993. №.5;
260. Михайлов А. Теоретико-методологические основы явления девиации. // Вестник Адыгейского государственного университета. № 2, 2005;
261. Морар Ф. Миф о «замороженных конфликтах». За гранью иллюзорных дилемм // per Concordiam. Журнал по проблемам безопасности и безопасности Европы. № 2, 2010;
262. «Мочить» уже не работает... // Настоящее время. 2011 №37 от 23 сентября; Наврузов А.Р. «Зияющие высоты» // «Центральная Азия и Кавказ», № 1, 2007;
263. Народы грубого помола // Журнал «Смысл», октябрь 2007;
264. Нурмагомедов С. Долгая дорога в Рай «шейха» Багаутдина кочераги // Молодежь Дагестана. № 40. 01.10.1999;

265. Нуруллаев А.А. Проблемы диалога религий в эпоху глобализации. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2001. № 3;
266. Парето В. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10;
267. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. Т. 1;
268. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994;
269. Полянин А.В., Долгова С.А., Голикова Ю.Б. Механизмы государственного антикризисного управления территориями // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. No 4-3;
270. Плотников В. А., Пролубников А. В., Рукинов М. В. Институционально-стратегические аспекты государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Глобальная ядерная безопасность. 2020. No 2 (35);
271. Прохорова Ю. Сицилийская мафия неистребима // Italica, № 8(10) сентябрь 2000;
272. Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 г. // Вестник российской нации. 2013. № 6;
273. Расулов Я. Зеркало кавказской судьбы // Черновик. 2004-09-10 №29;
274. Рац М.В. К концепции открытого общества в современной России // Вопросы философии. 1999. №2;
275. Рукинов М. В. Теоретико-методические подходы к моделированию структуры национальной безопасности // Экономический вектор. 2020. No 1 (20);
276. Сверяя время с первоисточником. Председатель редакционного Совета журнала «Мусульманская цивилизация» Ахмад-Кади Ахтаев отвечает на вопросы читателей // Мусульманская цивилизация. No 2. Февраль, 1995;

277. Слово бывает сильнее бомб // Газета «Красная звезда», 14 февраль 1995;
278. Смолян Г.Л., Зараковский Г.М. Политико-идеологическая составляющая информационно-психологической безопасности. // Общественные науки и современность, 1997, №5;
279. Согрин В.В. Второе пришествие либерализма в Россию (Опыт историко-политологического анализа) // Отечественная история. 1997. №1;
280. Соколов Д. Отказ от насилия — показатель зрелости власти и общества // Кавказское сотрудничество. 20.07.2014;
281. Спор мусульман между собой // Независимая газета. 21.08.1999;
282. Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2020. Т. 64. № 6;
283. Степанова Е.А. Интернационализация локально-региональных конфликтов // Международная жизнь. №11, 2000;
284. Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1 (52). Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы);
285. Султыгов, А.-Х.А. Этнополитический конфликт: определение, причины, динамика // Вестник МУ. Серия 12. Политические науки. 2004;
286. Сухов И. «Где война, где не война, а где ислам». Московские новости. 27.04.2011;
287. Сухомлинова Т.П. Государственная информационная политика как составляющая модернизации государственной службы // Социология власти. 2004, № 5;

288. III Съезд народов Дагестана // Народы Дагестана. №1.2011 от 25 Февраля 2011;
289. С экстремистами начали бороться в интернете, Эксперт-Урал, №11(368), 23 марта 2009;
290. Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль.1993. №4;
291. Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. 1992. №2;
292. Туркиашвили Ш.А., Горозия В.Е. Понятие аномии и попытки его модификации // Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Выпуск 2 / Сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) Под ред. В.В.Парцвания. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2004;
293. Фельдман В.Р. Идеология в процессе деградации и кризиса традиционного общества народов Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. № 14, 2013;
294. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990, №3;
295. Фурман Д. Самый трудный для России народ. Чечня, которую мы не знаем // Независимая газета. 11.11. 1999;
296. Ханбабаев К. М. Исламская тематика в светских и исламских СМИ Дагестана // Собрание трудов «Южнороссийское обозрение». Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 19;
297. Ханбабаев К.М. «Шариатизация» постсоветского Дагестана: мифы и реальность // Ислам и право в России. Вып. 1. М., 2004;
298. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // ПОЛИС: Полит, исслед. - 1994. - № 1;
299. Цунтинцы хотят в ополчение // Новое дело. Выпуск № 35 (971). 03 Сентября 2010;
300. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Глобальная политика и глобальная

- экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года // Управленческое консультирование. – 2019. – № 7;
301. Шевченко М. Знание от пророка // Зов предков. 2001, № 2–3;
302. Широков А. Надежда социальной инженерии // Журнал «Эксперт», 12 июня, 2006;
303. Шихсаидов А.Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999, № 4;
304. Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм: термины-«страшилки» // Центральная Азия и Кавказ. 2000, № 1;
305. Языковые основы информационной войны на Кавказе. // Логос. 1999, №8;
306. Ярлыкапов А.А. Непримируемые подогревают Кавказ // «Expert Online», 29.09.2012;
307. Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 134. М., 2000;

Интернет источники

308. Абдулатипов Р. Что такое невежество и как с ним бороться? // http://old.nasledie.ru/oboz/N11_99/11_05.HTM (Дата обращения 09.05.2024);
309. Акаев В. Военные столкновения между ваххабитами и последователями суфизма. Информационно-аналитический портал «Евразия». 30 октября 2013 // <http://evrazia.org/article/2405> (Дата обращения 09.05.2024);
310. Богословское эхо Дагестана и Чечни // <http://www.ansar.ru/analytics/2012/06/07/30899> (Дата обращения 09.05.2024);

311. Более 400 человек в Махачкале получили продуктовую помощь в рамках программы «STOP Голод!» благотворительного фонда «Надежда» // http://www.riadagestan.ru/news/society/bolee_400_chelovek_v_makhachkale_poluchili_produktovyuyu_pomoshch_v_ramkakh_programmy_stop_golod_blagotvoritelnogo_fonda_nadezhda/ (Дата обращения 09.05.2024);
312. Британская корпорация радиопередач // <http://www.lib.aliyev-heritage.org/ru/400146.html> (Дата обращения 09.05.2024)
313. Ван Кревельд М. Война и современное государство // <http://polit.ru/article/2006/09/26/kreveld/> (Дата обращения 09.05.2024);
314. В Дагестане сместили обвиняемого в убийствах главу Казбековского района // <http://abkhasia.kavkaz-uzel.ru/articles/111735/?print=true> (Дата обращения 09.05.2024) – Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента;
315. В Дагестане прошел митинг представителей кумыкского народа // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/165522/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента;
316. В Дагестане молодежный форум "Диалог–М" собрал более 300 человек // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/207867/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента;
317. В Дагестане состоялся первый молодежный форум волонтеров // <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/pervij-molodezhnij-forum-volonterov/9138579/> (Дата обращения 09.05.2024);

318. В Дагестане участники дискуссии о фильме об экстремизме одобрили вывод проблемы на широкое обсуждение // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/206397/> (Дата обращения 09.05.2024);
319. Владимир Путин провел заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // <https://www.1tv.ru/news/2021-12-10/417783-vladimir-putin-provel-zasedanie-soveta-po-razvitiyu-grazhdanskogo-obschestva-i-pravam-cheloveka> (Дата обращения 09.05.2024);
320. Владимир Путин: Россияне должны укреплять свою национальную идентичность // <https://ria.ru/20181018/1530980284.html> (Дата обращения 09.05.2024);
321. Гусаева Г.К. Конфессиональные отношения в современном Дагестане // www.jourssa.ru (Дата обращения 09.05.2024);
322. Дагестан устал от крови // <http://ansar.ru/society/2011/6/18/17339> (Дата обращения 09.05.2024);
323. «Имарат Кавказ» вступил в конфронтацию с «Исламским государством» // http://www.inglifenews.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7457:kavkaz&catid=1:news (Дата обращения 09.05.2024);
324. «Имарат Кавказ» вступает в ИГИЛ // <http://sunna-press.com/analitika-islam/25-articles/obzor-i-mnenie/8942-imitat-kavkaz-vstupat-v-igil.html> (Дата обращения 09.05.2024);
325. Информация о религиозных объединениях в Республике Дагестан на 01.11.2013 г. Сайт Комитета по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями РД // <http://komrelig.ru/informatsionnye-sistemy/233-informatsiya-o-religioznykh-ob-edineniyakh-v-respublike-dagestan-na-01-11-2013-g> (Дата обращения 09.05.2024);

326. Исламские СМИ должны активнее бороться с экстремизмом, считают в администрации президента РФ // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=37403> (Дата обращения 09.05.2024);
327. Исрапилов С. Дагестан выносит приговор российской власти // <http://otchizna.su/politics/6924> (Дата обращения 09.05.2024);
328. К 10-летию юбилею в Постпредстве РД при Президенте РФ прошли торжественные мероприятия // Сайт Главы Республики Дагестан. <http://president.e-dag.ru/rukovodstvo/postpredstvo/novosti/k-10-letnemu-yubileyu-v-postpredstve-rd-pri-prezidente-rf-proshli-torzhestvennyye-meropriyatiya> (Дата обращения 09.05.2024);
329. Комиссия по адаптации боевиков рассмотрела обращение Беслана Бациева // www.kavkaz-uzel.ru/admin/articles/195019/ (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента;
330. Коровин В. У России нет в целом стратегии действий на Северном Кавказе // <http://skfonews.info/article/169> (Дата обращения 09.05.2024);
331. Манойло А.В. Современные интерпретации термина «информационная война». ШПИ. Алтай, 2012 // <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1550> (Дата обращения 09.05.2024);
332. Мартинович В.А. Проблема индикаторов конверсии // <http://sobor.by/martinovich-indicators.php> (Дата обращения 09.05.2024);
333. Медведев Р. Война в Чечне и война на страницах печати // http://www.rg.ru/anons/arc_2000/0217/1.htm (Дата обращения 09.05.2024);
334. Меморандум о противодействии насилию в ходе дискуссий "Мир Кавказу" в Дагестане подписали более 70 организаций // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/181940/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр

- средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента;
335. На территории РФ нет оснований для военного джихада// <http://www.specletter.com/obcshestvo/2012-08-09/print/na-territorii-rf-net-osnovanii-dlja-voennogo-dzhihada.html> (Дата обращения 09.05.2024);
336. Новейшая история итальянской мафии // <http://lenta.ru/articles/2004/06/25/mafia> (Дата обращения 09.05.2024);
337. Обращение президента к нации в связи с ситуацией на Украине // <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii> (Дата обращения 09.05.2024);
338. Одежда, лекарства и мясо Курбана... // <http://fnka.ru/aktualnoe/4229-odezhda-lekarstva-i-myaso-kurbana.html> (Дата обращения 09.05.2024);
339. Освещение конфликта в Чечне, как проявление информационной войны в российских СМИ // <http://trip-trial.blogspot.ru/2014/03/info-war.html> (Дата обращения 09.05.2024);
340. Отток комбатантов на Ближний Восток — одна из главных причин снижения градуса конфликта на Северном Кавказе // «Кавказский узел», 4 февраля 2014 // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256716/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента;
341. Панфилов О. Несколько заметок по поводу информационной политики Москвы в Чечне // <http://www.russkii.vopros.com/?pag=one&id=112&kat=7&csl=23> (Дата обращения 09.05.2024);
342. Павлухин С. Война третьего тысячелетия // <http://www.chitalnya.ru/work.php?work=58764> (Дата обращения 09.05.2024);
343. Правильный ислам. В Нальчике откроется Северокавказский исламский университет // <http://07kbr.ru/2013/02/02/pravilnyj-islam-v->

- nalchike-otkroetsya-severo-kavkazskij-islamskij-universitet/ (Дата обращения 09.05.2024);
344. Проект Дагестанский гражданский университет // <http://www.forumargo.ru/projects/view/id/35> (Дата обращения 09.05.2024);
345. Путин назвал ликвидацию целостности России главной целью Запада // <https://ctv.by/novosti-rossii/putin-nazval-likvidaciyu-celostnosti-rossii-glavnoy-celyu-zapada> (Дата обращения 09.05.2024);
346. Путин назвал межнациональное согласие безусловным приоритетом для России // <https://ria.ru/20161031/1480384292.html> (Дата обращения 09.05.2024);
347. Пчелинцев А. Пресса и религиозные конфликты // <http://www.religio.ru/relicoc/199.html> (Дата обращения 09.05.2024);
348. Разобщенность в Дагестане. Интервью с Ризваном Курбановым // <http://www.ndelo.ru/novosti-7/2738-razobshchennost-v-dagestane> (Дата обращения 09.05.2024);
349. Революционная поступь богословов // <http://ansar.ru/analytics/2012/6/09/30931> (Дата обращения 09.05.2024);
350. Саидов А. Тайна вторжения // <http://lib.ru/POLITOLOG/saidov.txt> (Дата обращения 09.05.2024);
351. Сладков А. Терроризм: 10-я годовщина вторжения в Дагестан // <http://vesti7.ru/news?id=14854> (Дата обращения 09.05.2024);
352. Случилось страшное... // http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/866994-echo/ (Дата обращения 09.05.2024);
353. Становая Т. Пять элит на фоне транзита. Московский Центр Карнеги, 2020 // <https://carnegie.ru/2020/02/27/ru-pub-81158> (Дата обращения 09.05.2024);
354. Сулейман Керимов против «леса» // <http://wordyou.ru/kolonki/sulejman-kerimov-protiv-lesa.html> (Дата обращения 09.05.2024);

355. Сулейманово решение // <http://www.kommersant.ru/doc/2250011> (Дата обращения 09.05.2024);
356. Суфизм и ваххабизм: социокультурная несовместимость // <http://www.jourclub.ru/22/1446/4/> (Дата обращения 09.05.2024);
357. Радио «Свобода» начинает вещание на Северный Кавказ // http://archive.svoboda.org/archive/11_russia/0402/11.040402-2.asp (Дата обращения 09.05.2024);
358. Талибы признали Чеченскую республику Ичкерия // <http://lenta.ru/vojna/2000/01/16/taliban/> (Дата обращения 09.05.2024);
359. Теракт в Хасавюрте - сигнал о продолжении сопротивления, считают эксперты // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/175953/> (Дата обращения 09.05.2024);
360. Токаев: на планете разразился разрушительный геополитический шторм // <https://ru.sputnik.kz/20220316/tokaev-na-planete-razrazilnya-razrushitelnyu-geopoliticheskiy-shtorm-23553410.html> (Дата обращения 09.05.2024);
361. Турпалов Л. Средства массовой информации Чеченской республики в условиях российско-чеченского противостояния // http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus16_1.htm (Дата обращения 09.05.2024);
362. УФСБ по Дагестану выступило с заявлением по поводу митинга 28 апреля // <http://www.regnum.ru/news/447797.html#ixzz2uiCp2Dy0> (Дата обращения 09.05.2024);
363. Участники митинга «Дербент – южный форпост России» в Москве потребовали отменить решение о переименовании улицы Советской // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/226408/> (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента;
364. Участники Съезда народов Дагестана в Москве предложили провести всенародные выборы главы республики // [http://www.kavkaz-](http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/226408/)

- uzel.ru/articles/214769/ (Дата обращения 09.05.2024) - Сайт внесен Министерством юстиции РФ в Федеральный реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента;
365. Хайдар А. Информационная война с точки зрения Шариата // <http://www.jamaatshariat.com/content/view/853/34/> - Материалы сайта включены в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ;
366. Чеченское посольство открыто в Афганистане // <http://archive.is/iNki#selection-523.0-523.42> (Дата обращения 09.05.2024);
367. Ярлыкапов А. «Традиционного ислама на Северном Кавказе нет» // <http://lenta.ru/articles/2015/03/04/salafism/> (Дата обращения 09.05.2024);

Диссертации

368. Агеева Е.А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (На примере полиэтнического региона). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004;
369. Адиев А.З. Этнополитические конфликты в Дагестане: особенности и механизмы урегулирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь, 2009;

370. Бережкова Е.А. Государственная информационная политика как фактор развития гражданского общества в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2012;
371. Веретенников Д.Н. Инструментальный подход к политическим конфликтам. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2005;
372. Воронин И.Ю. Преодоление межличностных конфликтов в спортивной команде. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Белгород, 2000;
373. Дыльнова Т. В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Саратов, 2005;
374. Кан М.Ч. Разрешение и регулирование социальных конфликтов в организациях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2002;
375. Коляда В.В. Информационная политика органов местного самоуправления. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Астрахань, 2011;
376. Ломджария Л.А. Пути и средства преодоления конфликтов между подростками в общеобразовательной школе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Тбилиси, 1990;
377. Матвеевко Ю.И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2002;
378. Никитина Е.С. Место и роль гражданского общества во внутриполитических конфликтах России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2011;

379. Нуруллина Р. В. Становление конфессиональной идентичности мусульманской молодежи (на материале Республики Татарстан). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.06. На правах рукописи. Казань, 2010;
380. Паленая Е.М. Тенденции трансформации информационного пространства современного Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2004;
381. Осипова О.В. Информационная политика региональных органов власти как инструмент политической коммуникации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Якутск, 2011;
382. Петрова Е.В. Информационная политика территориальных органов управления в системе государственной информационной политики современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004;
383. Пронина Т.С. Типология религиозной идентичности: аналитика религиозности современного российского общества: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, СПб, 2016;
384. Рева Е.К. Особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: Межнациональный аспект. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2015;
385. Русина В.В. Информационная политика в сфере СМИ в демократическом обществе: Основные принципы и формы реализации в регионе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005;
386. Резник А.Н. Информационное противоборство в условиях вооруженного конфликта: Содержание, технологии, тенденции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004;

387. Садчикова А.С. Локальное информационное пространство как фактор становления гражданского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов, 2013
388. Салахова Д.Ф. Этно-религиозная идентичность в поликонфессиональном регионе. Казань, 2021;
389. Самошонков К.Н. Религиозный конфликт как объект социально-философского анализа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004;
390. Султыгов А.-Х.А. Урегулирование этнополитических конфликтов в современных условиях: зарубежный опыт и Россия. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2006;
391. Фролов Д.Б. Информационное противоборство в сфере геополитических отношений. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2006;
392. Шевченко А.В. Идеология формирования государственной информационной политики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1999;

Литература на английском языке

393. Arquilla J. and Ronfeldt D., *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*, RAND Corporation, 2001, p. 2. // <http://lib.ru/POLITOLOG/saidov.txt> (Дата обращения 09.05.2024);
394. Bobrovnikov V. *al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth-Century Caucasus* // *Middle Eastern Studies*. London, October 2001. Vol. 37. No. 4.
395. Bobrovnikov V. *Islam in the Russian Empire* // *The Cambridge History of Russia*. Vol. II. *Imperial Russia, 1689–1917*. Ed. by D. Lieven. Cambridge, 2006;
396. Bobrovnikov V. *Mythologizing Sharia Courts in the post-Soviet North Caucasus* // *ISIM Newsletter*. June 2000, No. 5;

397. Bobrovnikov V. Post-Socialist Forms of Islam: North Caucasian Wahhabis // ISIM Newsletter. March 2001. No. 7;
398. Bobrovnikov V. The Beslan Massacre // ISIM Review. Spring 2005, № 15;
399. Boulding, K. Conflict and Defense / K. Boulding N.Y., 1988;
400. Burr V. Social Constructionism. — London, 2015;
401. Burton J. Conflict resolution as a political system. Lexington, 1991;
402. Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict. N.Y., 1967;
403. Coser L. Masters of Sociological Thought. N.Y., 1971;
404. Coser L. The Functions of Social Conflict. London, 1956;
405. Creveld van, M. Transformation of Warfare. New York, 1991;
406. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959;
407. Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. N.Y., 1968;
408. Dahrendorf R. The Modern Social Conflict: an essay on the politics of liberty. N.Y., 1988;
409. Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict // Journal of Conflict Resolution. 1958. №2;
410. Fox J. Religion and state failure: an examination of the extent and magnitude of religious conflict from 1950 to 1996 // International political science review. 2004. Vol. 25. N 1
411. Jersild A. Orientalism and Empire. Montreal-London, 2002. P. IX;
412. Kegan, R. What “form” transforms? A Constructive-developmental perspective on transformational learning. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000;
413. Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998;
414. Kriesberg L. Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution. New York; Oxford: Lanham; Boulder, 1998;
415. Kriesberg, L. The Sociology of Social Conflict/ L. Kriesberg/ New Yersy, 1973;

416. Kurbanov R. The Clerical Board of Russian Moslems. Contradictions and Developmental Dynamics // Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2011;
417. Lasarsfeld P., Berelson B., Guadet H. The People's Choice. How Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign. New York-London, 1969;
418. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments // The West European Party System. Oxford, 1990;
419. Lock A., Strong T. Social Constructionism. — Cambridge, 2010;
420. Longuet-Marx F. Le retour de l'imam // Caucase. Axes anciens, nouveaux enjeux. Nouveaux mondes. 1998, № 8;
421. Mezirow, J. Transformative learning in practice. Insights from community, work-place and higher education. San Francisco, CA: Jossey Bass, 2009;
422. Parsons T. An Outline of the Social System // Theories of Society. N.Y., 1961;
423. Parsons T. The Structure of Social Action. Glencoe, 1949;
424. Preventing Radicalisation to Terrorism and Violent Extremism. — Radicalization Awareness Network, 2016;
425. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1992 ;
426. Ropers N. A Systemic Approach: Reflections on Sri Lanka // Advancing Conflict Transformation, 2011;
427. Simmel G. Conflict. Glencoe, 1955;
428. Simon Herbert A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T.Ely Lecture // American Economic Review, May 1978, v.68, no.2;
429. Smelser N. Theory of Collective Behavior. N.Y., 1963
Simmel G. Conflict. Glencoe, 1955;
430. Szafranski R. Theory of Information Warfare // <http://lib.ru/SECURITY/kvn/shafran.txt> (Дата обращения 09.05.2024);
431. The International Dimensions of Internal Conflicts / Ed. by Brown M.E. Cambridge (Mass.), 1996;

432. Tishkov V. Ethnic conflicts in the former USSR: the use and misuse of typologies and data // Journal of peace research. 1999. V.36. N 5;
433. US Intervention Policy for the Post-Cold War World. New Challenges and Responses / Ed. by Kanter A., Brooks L.F. L., 1994;
434. Wallensteen P., Sollenberg M. After the Cold War. Emerging Patterns of Armed Conflict. 1989–1994 // Journal of Peace Research. 1995. V. 32, No 3

Литература на арабском языке

435. Абд-уль-Маджид ан-Наджар. Манхаджу ль-Имами ль-Карадави фи Фикхи ль-Акалийят. Доха;
436. Ахмад ар-Рави. Набза Тарихия ан хиджрати ль-Муслимин иля Уруба // www.islamonline.net/arabic/daawa/2003/12/ARTICLE05A.SHTML;
437. Ахмад ар-Райсани. Давру ль-Ак'алийяти фи Нашри д-Да'вати иля Ллахи. Банку ль-Фатава // http://www.islamonline.net/servlet/Satellite?pagename=IslamOnline-Arabic-Ask_Scholar/FatwaA/FatwaA&cid=1122528618554 (Дата обращения 09.05.2024);
438. Васатыйяту ль-Фатва: Давабит ва Ахкам // http://www.islamonline.net/servlet/Satellite?pagename=IslamOnline-Arabic-Ask_Scholar/FatwaA/FatwaA&cid=1124090536746 (Дата обращения 09.05.2024);
439. Джамии'у Шайхи ль-Ислям ибн Таймийя. Ад-Даврат 'Ильмийя // <http://www.taimiah.org/Display.asp?ID=53&t=book83&pid=2&f=2fetrn00097.htm> (Дата обращения 09.05.2024);
440. Джамии'ату ль-Ислямийя би-ль-Мадина. Аль-К'адайя аль-Му'асара // <http://www.madeenah.com/article.cfm?id=1238> (Дата обращения 09.05.2024);
441. Ибн аль-Кайим аль-Джаузи. Иблям аль-Муваккиин ан Рабби ль-Алямин. Мекка;

442. Истишарату гайр аль-Муслимин ва Исти'анату би-хим // http://www.islamonline.net/servlet/Satellite?cid=1176802062814&pagename=IslamOnline-Arabic-Ask_Scholar%2FFatwaA%2FFatwaAAskTheScholar (Дата обращения 09.05.2024);
443. Таха Джабир аль-Альвани. Макасид аш-Шариа, Бейрут, Дар аль-Хади, 2001;
444. Юсуф аль-Карадави. Тайсир уль-Фикх ли-Муслим аль-Му'асир фи Дау'и ль-Кур'ан ва с-Сунна. Бейрут. 1999